„НА РАЗСВѢТѢ“

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ БЫТА

РАСКОЛЬНИЧЬЯГО.

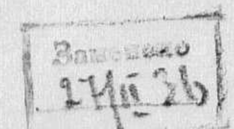
СОЧИНЕНІЕ

Ѳ. В. Ливанова.

МОСКВА.
Продается у книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ.
1875.

Типографія Т. Рисъ въ Москвѣ, на Садовой, близъ Яузской ч.,
д. Медынцевой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„НА РАЗСВѢТѢ."

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

I.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ ДОЧКА.

I.

Въ одной губерніи, верстъ за 200 отъ губернскаго города, стоитъ въ глуши „раскольничій скитъ". Не торна къ нему дорога путешественниковъ, не привѣтлива его наружность. Пятнадцать деревянныхъ келій, раскиданныхъ внутри деревянной старой стѣны, сѣрая часовня съ восьмиконечнымъ крестомъ, кладбище съ деревянными голубцами и каменными плитами, колодезь посреди двора съ навѣсомъ, чугунная доска, привѣшенная къ покачнувшемуся столбу, — вотъ все, что составляетъ наружный видъ скита, ревниво стерегаемаго густымъ лѣсомъ. Подъ кровлей одной изъ скитскихъ келій, у матери Евпраксіи, полгода томится въ заперти „раскольничья дочка" изъ богатаго дома миліонера раскольника и первостатейнаго фабриканта Морозова. Есть злостный обычай у пустосвятовъ губить безъ жалости своихъ дѣтей, особенно дочерей. Еще сыновья, благодаря комерческой дѣятельности,

разъѣздамъ, столкновеніямъ съ людьми, часто воспитанными, успѣваютъ иногда выбиваться изъ заколдованнаго круга темнаго раскольничьяго міра. Но дочери: что съ ними? Большая часть изъ нихъ съ самой колыбели обречены эгоизмомъ фанатичныхъ родителей на то, чтобы схоронить въ одиночествѣ умъ, сердце и красоту, чтобы принести въ жертву темной религіи... и алчности своихъ родителей... всякое чувство, даже дочернюю любовь, не взирая на часто весьма общительный свой нравъ, огненный темпераментъ, подвижность характера. Ихъ воспитываютъ вдали отъ всякихъ понятій, способныхъ расширить ихъ умственную сферу, направить и оплодотворить чувства; ихъ ничѣмъ не занимаютъ, кромѣ какъ легендами, мнимыми чудесами, видѣніями, аскетическими фантасмагоріями, почерпнутыми изъ чтенія раскольничьихъ книгъ — большею частію житій мнимыхъ святыхъ, дозволенныхъ ихъ домашней цензурою; никогда, ни въ домѣ, ни внѣ дома, не приходятъ онѣ въ столкновеніе съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своихъ же. Подъ кровлею отцовъ, окруженою по обычаю высокими стѣнами и воротами, вѣчно на запорѣ, двѣсти лѣтъ гнѣздятся самые уродливые предразсудки, неизобразимое невѣжество и суевѣріе, находящіяся въ ходу и лишь умѣстныя въ низшихъ слояхъ народа... Погребальный покровъ затворничества сохранилъ „раскольничій некрополисъ" неприкосновеннымъ, подобно тому, какъ пепелъ Везувія сохранилъ папирусы Геркуланума и муміи Помпеи. Въ этихъ могилахъ съ окнами и крышами погибаютъ у дочерей раскольничьихъ нерѣдко лучшіе годы, тутъ находятъ для себя гробъ нерѣдко огненныя и талантливыя натуры и распинаются на восьмиконечномъ крестѣ лучшіе порывы молодости и высокихъ благородныхъ стремленій.... Положеніе женщинъ, особливо дочерей, бываетъ въ этихъ заколдованныхъ домахъ чуть ли не хуже, чѣмъ оно теперь въ Турціи. Тѣни подо-

зрѣнія въ любви къ щепотнику, т. е. православному, довольно для того, чтобы семейный совѣтъ, — немедленно собирающійся съ такой же таинственностью, съ какою испанская инквизиція собиралась на допросы, — произнесъ надъ обвиненною тотъ испанскій приговоръ, который одинъ, по предразсудкамъ того времени, могъ возвратить прежній блескъ обезславленному гербу. Чтобы смыть часто воображаемое пятно, не знали въ Испаніи другаго средства, какъ кровь. Въ силу этого варварскаго закона, женщину, если она была замужняя, душили или закалывали кинжаломъ въ собственной ея постели. У нашихъ раскольниковъ дѣвушку, влюбившуюся въ человѣка не ихъ вѣры, осуждаютъ на *гражданскую смерть* въ видѣ заключенія въ скитѣ на годичныя покаянія. Одна изъ такихъ жертвъ раскольничьяго эгоизма томилась въ концѣ 1860 года въ глухомъ скитѣ матери Евпраксіи.

Посмотримъ же теперь, что это за скитъ?

II.

Раскольничьи скиты вообще, какъ *уродливые выкидыши больвненнаго раскольничьяго чрева*..., никогда не были убѣжищемъ порядка и благопристойности; въ нихъ никогда не царствовала пріятная тишина, составляющая принадлежность христіанства и представляющая собой поэтическій типъ нравственнаго совершенства. Дружба и обоюдное довѣріе никогда не уживались между женщинами, въ нихъ обитающими. Сначала соблазны любви, а затѣмъ развратъ, опутавъ многихъ раскольничьихъ юницъ, чистыя и незапятнанныя души которыхъ до того времени были доступны только чувствамъ, внушаемымъ добродѣтелью — заставляютъ ихъ, доживъ до сорока-лѣтняго возраста, обращаться въ мнимо благочестивыхъ скитницъ, чтобы имѣть даро-

вую квартиру, столъ и постель и, служа двуперстно и темнымъ догмамъ раскольничьимъ, *пилить* потомъ безчеловѣчно тѣхъ, кто попадетъ имъ въ лапы. Этихъ-то ожесточенныхъ женщинъ и считаютъ раскольники лучшими *палачами* своихъ дочерей, провинившихся въ любви къ молодому человѣку не ихъ цеха... Попавшись въ искалѣченныя жизнію руки, оторвавшаяся отъ семьи дѣвушка не найдетъ въ нихъ ни материнской нѣжности, ни дружеской привязанности, и часто лишь скитскій привратникъ бываетъ единственный другъ, единственный повѣренный, единственный посредникъ между небомъ, міромъ и скитомъ... Когда привезли изъ губернскаго города въ Евраксинъ скитъ Наташу, 18 лѣтнюю дѣвушку, и ворота скита плотно захлопнулись, она почувствовала себя точно опущенною въ сырую могилу. Скитницы, принявъ богатыя подаянія, присланныя имъ отъ щедротъ миліонера Морозова, накинулись на новую жертву свою съ азартомъ. Одна усовѣщивала ее въ развратѣ, другая читала самыя пошлыя нравоученія книжныя, и всѣ брали свои доводы изъ самыхъ варварскихъ предразсудковъ и полоумнаго суевѣрія, чтобы изгнать изъ дѣвушки „злаго духа", внушившаго ей любовь къ мужчинѣ... Озадаченная такимъ пріемомъ, дѣвушка не могла даже сообразить своего положенія. Всѣ, окружавшія ее женщины, говорили, или вѣрнѣе кричали, въ одинъ голосъ съ самыми иступленными жестами, напоминавшими сцену вѣдьмъ въ Макбетѣ. За что же „раскольничья дочка" была заперта въ Евраксинъ скитъ? Для объясненія этого обстоятельства мы должны обратиться къ ея біографіи и воспитанію.

Морозовъ былъ миліонеръ въ губерніи и закоренѣлый степной раскольникъ. Домъ его былъ чаша полная. Надежда Павловна, его единственная дочь, прочилась имъ въ жены глупому сыну одного фабриканта раскольника, соединившись съ которымъ родствомъ, Морозовъ воображалъ себя заранѣе несокрушимой пра-

вительствомъ силой пропаганды раскола во всей Россіи... Человѣкъ темный, вышедшій изъ мужиковъ и воспитанный въ вѣрѣ своихъ отцовъ, Морозовъ былъ фанатикъ въ душѣ, но дочери, скрѣпя сердце, рѣшился дать нѣкоторое воспитаніе, потому что будущій зять его, съ 10-лѣтняго возраста обреченный въ женихи къ его дочери, ходилъ въ короткихъ сюртукахъ и любилъ *барышень,* а не простыхъ, совсѣмъ не отесанныхъ дѣвицъ. Дочка, Надежда Павловна, осталась, послѣ ранней смерти матери своей сиротою, и росла долго, какъ говорится, на Божію волю, такъ какъ отецъ ея по дѣламъ комерческимъ рѣдко бывалъ дома. Когда минуло дочери 10 лѣтъ, Морозовъ, по убѣжденію нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ въ городѣ, взялъ къ ней изъ одного богатаго дома гувернантку Аделаиду Ивановну Сбоеву, которая, какъ выражался потомъ онъ, и погубила его дочь... Гувернантка эта оказалась женщиною изъ высшаго круга, о чемъ Морозову никогда не открывала, и, будучи несчастна въ супружествѣ, рѣшилась посвятить себя до конца своей жизни воспитанію женщинъ. Переходя изъ дома въ домъ, она долго искала дѣвушки даровитой, способной, изъ которой бы могла съ любовію сдѣлать второе свое „я", и наконецъ, напавши на раскольничью дочку, увидѣла, что въ мірѣ раскольничій домъ почва не воздѣланная, и если ея воспитанница даровитая дѣвушка, то она сдѣлаетъ изъ нея лучшую русскую женщину по уму и сердцу... Такъ и случилось! Воспитанница гувернантки оказалась натурою не дюжинною, и наставница сдѣлала изъ нея лучшую женщину, объ умѣ и воспитаніи которой заговорили даже въ городѣ... Она не училась музыкѣ и иностраннымъ языкамъ, ибо отецъ ея наотрѣзъ запретилъ эти языческія и богопротивныя занятія, но въ 8 лѣтъ воспитанія своего она прочла съ гувернанткою на русскомъ языкѣ все что только есть лучшаго въ русской и иностранной литературахъ.

У Сбоевой была своя собственная библіотека, на которую она тратила почти всѣ свои деньги и въ которую Морозовъ не смѣлъ никогда заглядывать; эта-то библіотека, каждогодно пополнявшаяся новыми книгами и журналами, и была тѣмъ „храмомъ", въ которомъ росла и воспитывалась питомица Надя. Въ 18 лѣтъ изъ Нади образовалась уже Надежда Павловна, имѣвшая свой выѣздъ, свою половину въ домѣ и пугавшая не на шутку своего отца характеромъ и своимъ воспитаніемъ. Смуглое лицо, густые черные волосы, темные блестящіе глаза и вѣчно опущенныя рѣсницы дѣлали ея физіономію пріятною, но знатокъ физіономій прибавилъ бы, что съ этою дѣвушкою шутить нельзя. Такія дѣвушки или завоевываютъ себѣ дорогу съ бою, или топятся въ рѣкахъ. Въ городѣ звали богатую „раскольничью дочку" степною русскою красавицею, немного дикою по воспитанію, хотя послѣднею фразою скорѣе намекали на оригинальность ея ума и характера. Въ 18 лѣтъ питомица Аделаиды Ивановны Сбоевой влюбилась, но не въ жениха своего, раскольничьяго сына Блудова, сосватаннаго ей 10 лѣтъ тому назадъ, а въ дѣйствительно образованнаго молодаго человѣка, Аркадія Николаевича Долинскаго, хотя Блудовъ, глупый сынъ глупаго разжирѣвшаго отца, по праву жениха, навѣщалъ ее уже цѣлыхъ полгода въ качествѣ безсмѣннаго, непрошеннаго гувернера.

III.

Сбоева должна была выручить свою питомицу изъ критическаго ея положенія. Ей жалко было загубить безвинно свое созданіе.

— Не знаю, говорила она, сидя въ своей учебной комнатѣ, заставленной шкафами съ книгами, — чѣмъ-то кончится исторія съ любовію милаго дитяти Надежды Павловны? Любовь вполнѣ формируетъ женщину, и очень важно, къ кому первому она почувствуетъ ее. Надежда Павловна окончательно окрѣпнетъ въ томъ направленіи, которое мнѣ удалось къ ней привить, если будетъ женою Долинскаго, если же Блудова, то она не выдержитъ напора окружающихъ обстоятельствъ... и если, чего добраго, откажется отъ своего направленія, или же, бросивъ Блудова, покончитъ еще чѣмъ нибудь, въ родѣ, или даже хуже меня... Въ томъ и другомъ случаѣ это будетъ жестоко для нея; она, сравнительно со мною, живетъ въ другое, лучшее время и стоитъ лучшей участи. И, Боже мой! за что судьба такъ немилосердна къ женщинамъ, что не позволяетъ имъ освободиться отъ гнета отцовъ, деспотизма мужей и той вообще тѣсной и мрачной среды, въ которую вотъ уже столько вѣковъ заключило ихъ общество? Неужели женщина должна быть всегда рабой, имѣющей свою долю власти только тогда, когда разсудокъ мужчины помрачается?... Съ того самаго времени, какъ я начала сознавать себя и окружающее меня, я вижу, что наше общество есть *рынокъ*, на которомъ *продаютъ и покупаютъ женщинъ*.... Ихъ покупаютъ: и старый развратникъ, и изношенный фатъ, непроходимый глупецъ, какой нибудь болванъ раскольничій сынокъ, и все это какъ будто такъ обыкновенно... въ порядкѣ вещей! И гибнетъ женщина въ гаремѣ истасканныхъ стариковъ или въ тѣсномъ кругу общества пустыхъ и выдохшихся людей, никогда не выбравшись на просторъ, не завоевавъ себѣ другой дороги... И вотъ изъ дѣвушекъ, часто съ горячею любовію ко всему доброму, прекрасному и святому, съ порывами къ разумной и полезной общественной дѣятельности, изъ *матерей, создательницъ нравственности общественной и воспитательницъ новаго поколѣнія* въ лицѣ своихъ дѣтей, являются, вслѣдствіе этого, особливо въ Россіи, пустыя барани — очаровательное порожденіе праздности,

безвыходнаго положенія, пустоты, душевнаго одиночества, жалкой суетности и барскаго, смѣшнаго донельзя тщеславія... Я всю жизнь свою отдала на воспитаніе Надежды Павловны, съ гордостію надѣясь видѣть въ ней новую женщину, *не похожую на другихъ*.... и, кажется, достигла этого. Надежда Павловна мыслитъ моими мыслями, чувствуетъ моимъ сердцемъ и смотритъ на свѣтъ моими глазами... Она новое и, смѣю безъ преувеличенія сказать, свѣжее явленіе среди нашего общества, и мнѣ нужно употребить всѣ усилія, чтобы ее не сгубилъ бракъ съ этимъ дуракомъ Блудовымъ, въ упитанномъ тѣлѣ котораго съ розовыми щеками все заглохло, какъ лѣсъ дремучій, и высохла душа, какъ трава малороссійской поляны. Боже мой! и безъ того общественный строй нашего общества сложился глупо, а тутъ еще какая-то темная религія вмѣшивается въ нашу жизнь... и увеличиваетъ количество несчастныхъ жертвъ.

Мѣрно стучали часы на каминѣ; вставъ съ кресла, тихо ходила по кабинету Сбоева.

Вошла питомица ея Надежда Павловна и, бросившись на шею своей воспитательницѣ, горько зарыдала. Сбоева поняла дѣвичьи слезы и крѣпко обняла свою питомицу.

— Я знаю все, сказала она несчастной дѣвушкѣ. — Твой отецъ, помѣшанный на религіи и интересахъ фабричныхъ, созывалъ „соборъ" въ домѣ Блудова и на этомъ сборѣ рѣшили выдать тебя насильно, связавши по рукамъ и ногамъ, за сына невѣжды, миліонера Блудова.

— Что же мнѣ дѣлать? утирая слезы, спрашивала взволнованная Надя.

— Но вѣдь это, дитя мое, безнравственно! отвѣчала Сбоева. Вѣдь это значитъ высокое чувство любви топтать въ грязь. Это значитъ не признавать, что истинная прелесть любви именно и заключается въ томъ,

чтобы воля одного гармонически слилась съ волей другаго существа, безъ малѣйшаго принужденія. Очарованіе любви бываетъ именно омрачено и разбито, когда взаимность достигается какими нибудь домогательствами, обманомъ, или деньгами!... Зачѣмъ же доводить женщину до такого состоянія? Блудовъ человѣкъ ничтожный, общаго между имъ и тобою ровно ничего нѣтъ; чего же онъ ждетъ? Ты будешь его презирать, потому что нельзя не презирать того, кого ужъ презирала однажды...

— Скажи мнѣ, Аделаида Ивановна, что же мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи, особливо съ моею любовію къ Долинскому, говорила дѣвушка, не отнимая платка отъ своихъ глазъ. — Я знаю, меня теперь всѣ обвиняютъ, всѣ бросаютъ въ меня камнями за то, что я принимаю Блудова и умираю отъ любви къ Долинскому; но я все-таки не хотѣла бы промѣнять своего несчастія на ихъ счастіе...

По щекамъ дѣвушки лились крупныя слезы, и слезы тѣ были святыя слезы.

— Ты теряешься, мой другъ, заговорила Сбоева.— Это жаль! Я раскажу тебѣ здѣсь къ случаю объ одной несчастной женщинѣ исторію, по выслушаніи которой ты, я надѣюсь, съумѣешь вѣрнѣе взглянуть на свое положеніе и безъ труда найти выходъ изъ него:

— Назадъ тому 15 лѣтъ, у одного стараго вельможи-генерала была дочь, оставшаяся безъ матери сиротою тринадцати лѣтъ. У отца этого была огромная наслѣдственная библіотека, въ которой дочери все было позволено читать, за исключеніемъ книгъ въ четырехъ шкафахъ. Дочь, подстрекаемая любопытствомъ, отыскавъ однажды у отца ключи отъ шкафовъ, велѣла по нимъ сдѣлать другіе, такіе же, и въ четыре года перечитала все со сладостію вкушенія запрещеннаго плода: и Вальтеръ-Скотта, и Шекспира, Купера, Байрона, Гете, Шиллера, Руссо, Мольера, Ламартина, Жоржъ

Занда и проч. Изъ книгъ этихъ, прочитанныхъ украдкой, она съ жадностью сосала, какъ растеніе изъ почвы, первую пищу для своего юнаго ума и воображенія,—и жалокъ показался ей міръ съ его узкимъ эгоизмомъ, съ людьми, похожими на маріонетокъ. Она узнала высшіе идеалы человѣческой природы, увидѣла, что внѣ Россіи течетъ совсѣмъ другая, болѣе разумная и болѣе гуманная общественная жизнь, и сама рѣшилась начать собою новый рядъ женщинъ, взять себѣ долю болѣе разумной общественной дѣятельности въ жизни. Между тѣмъ, въ 19 лѣтъ она выдана была насильно отцомъ своимъ за жалкаго вельможу, въ которомъ нравственное безобразіе соединено было съ грубымъ и грязнымъ развратомъ, съ самыми гнустными страстями и привычками... Ничто прекрасное и доброе не привилось къ нему, ничто высокое никогда не трогало его... Подъ грубымъ сердцемъ скрывалась низкая душа и страсти кипѣли самыя мелкія. Грубый въ инстинктахъ, онъ никогда не возвышался до благородныхъ желаній. Этотъ жалкій свѣтскій левъ былъ холодный себялюбецъ, чуждый всѣхъ истинно-человѣческихъ стремленій, равнодушный къ природѣ, къ искусству и ко всему, что заставляетъ сильнѣе и горячѣе биться сердце человѣка, что извлекаетъ изъ глазъ его слезы восторга и умиленія и что заставляетъ его сознавать, что онъ первое звѣно въ цѣпи творенія... Надъ высокими порывами и стремленіями жены своей,—утирать слезы бѣдности, не допускать бѣдняковъ умирать безъ лекарствъ и всякаго призрѣнія среди бѣла дня, на глазахъ равнодушныхъ зрителей,—онъ смѣялся какъ надъ признаками умопомѣшательства, и общество, съ его словъ, ужъ прямо называло ее съумасшедшею. Что оставалось этой женщинѣ дѣлать въ такомъ положеніи?

— Бросить такого мужа и такое общество! отвѣчала не проронившая ни одного слова изъ слышаннаго питомица Сбоевой.

— Она такъ и сдѣлала! Вызнавъ эту натуру наизустъ, какъ вытверженную страницу, она оставила ее безъ жалости и сдѣлалась гувернанткою дѣвушки, которой и рѣшилась передать и свой умъ, и свое сердце, чтобъ имѣть въ жизни послѣднее утѣшеніе видѣть себя въ этомъ существѣ. Эта несчастная женщина была Аделаида Иванова Сбоева, дѣвушка же—ея воспитанница, Надежда Павловна Морозова.

— Боже мой! что слышу я? сказала изумленная Надя. — Такъ вотъ гдѣ *тайна моего воспитанія*; вотъ гдѣ разгадка моего настоящаго положенія!... Теперь я все понимаю и найду, не затрудняясь, исходъ изъ моего положенія. Благодарю тебя, Аделаида Ивановна, за твой разсказъ; теперь я знаю что нужно мнѣ сдѣлать съ Блудовымъ. Я никогда не буду его женою, чего бы ни стоило мнѣ это! — Ты устыдила меня своимъ разсказомъ, ты, которая мужественно съумѣла найти исходъ изъ моего тяжелаго положенія... Я была жалка въ твоихъ глазахъ; не правда ли? Близкая къ нравственному паденію, я едва не убила въ тебѣ вѣру въ твою воспитанницу, которой ты посвятила жизнь и которая должна была поддержать твое вѣрованіе въ силу воспитанія. Не бойся милая Аделаида Ивановна! Я съумѣю постоять за себя... Воспитанница твоя можетъ быть очень несчастна, но не жалка!

Дѣвушка сказала свою рѣчь съ какимъ-то особымъ вдохновеніемъ. Глаза ея блестѣли неестественнымъ огнемъ, лице пылало точно зарево. Упавъ на грудь воспитательницы своей, питомица могла только плакать, но уже не говорить...

IV.

Чрезъ нѣсколько времени у Аделаиды Ивановы, при личномъ ея посредствѣ, состоялось одно свиданіе. Въ

два часа дня ея питомица получила отъ любимаго человѣка письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня,
Надежда Павловна!

„Не скрою предъ вами, что у меня здѣсь въ городѣ только три друга, которымъ я искренно преданъ и которыхъ отъ всей души люблю. Это Никоноръ Ѳомичъ Милонинъ, ваша воспитательница и вы. Всѣ прочіе обитатели города для меня почти не существуютъ.... Женская половина города здѣсь какое-то издѣліе лоскутнаго ряда, а мужская — пародія на людей. Я далъ себѣ слово, живя среди грязи, не замараться грязью, чего бы это мнѣ ни стоило... Это моя присяга самому себѣ! Я счастливъ тѣмъ, что встрѣтилъ васъ въ этомъ городѣ, хотя и въ темной семьѣ раскольничей,—и для меня этого довольно. Но вотъ вопросъ: считаете ли вы меня достойнымъ вашей дружбы? Ахъ! если бы я услышалъ отъ васъ „да“.

„Записку, съ приглашеніемъ Аделаиды Ивановны нынѣ вечеромъ быть у васъ, я получилъ отъ вашей горничной, съ которой и посылаю вамъ книги. Читайте ихъ пожалуйста; это лучшія друзья на землѣ.

Преданный вамъ А. Долинскій.

P. S. Простите великодушно за увлеченіе и смѣлость, что я, при семъ удобномъ случаѣ, позволилъ себѣ отвѣтить вамъ такимъ количествомъ строкъ. Что́ дѣлать? молодость говорлива“....

— Долинскій правъ, сказала Сбоева, прочитавшая записку прежде своей питомицы, — въ презрѣніи къ людямъ, населяющимъ нашъ городъ. Презрѣніе къ пошлымъ людямъ есть одно изъ необходимыхъ свойствъ образованной молодости. Я понимаю это чувство по себѣ. Оно происходитъ отъ любви къ высокому и истинному, отъ представленія идеаловъ высшей жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Долинскій пріѣхалъ изъ уни-

верситета въ нашъ городъ и узналъ мою питомицу, я сама живу какою-то новою жизнію,—во мнѣ воскресла вѣра въ человѣка...

Въ назначенный часъ вечеромъ, любимый Надею человѣкъ былъ въ семейныхъ комнатахъ Сбоевой. При первомъ взглядѣ на него, Надежда Павловна, считавшая минуты въ ожиданіи, сказала:

— Аркадій Николаевичъ! Что вы со мною сдѣлали? Я потеряла голову отъ васъ. Смотрю на людей и никого не вижу, говорю — и забываю, о чемъ говорю. Скажите, что это: любовь или болѣзь?

— И то и другое! отвѣчалъ Долинскій.—Любовь вѣдь тоже своего рода бозѣзнь, если вы только въ самомъ дѣлѣ любите меня?

— И какъ это случилось, вмѣшалась Сбоева;—я право не знаю. Въ ея глазахъ вы, Аркадій Николаевичъ, страшно скоро выросли. Явленіе такихъ людей, какъ вы, нарушаетъ тишину губернскую и производитъ пугливую суматоху въ этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли. На Надю это сильно подѣйствовало; вѣдь вы знаете, что въ глуши впечатлѣнія принимаются полнѣе, потому что случаются рѣже. Она поторопилась оцѣнить васъ и, оцѣнивши, навсегда признала ваше превосходство надъ здѣшнимъ обществомъ и собою, и...

— И полюбила! подхватилъ Долинскій... Договаривайте... не бойтесь. Я съумѣю оцѣнить вашу откровенность и искренность, хотя эта монета и очень рѣдкая у насъ въ обходѣ.

— Да, и полюбила! отвѣчалала Сбоева, не успѣвши дать себѣ вопроса о томъ, что изъ всего этого выйдетъ?

— Любить, не думая о будущемъ, сказалъ Долинскій,—и вполнѣ наслаждаться настоящимъ, принадлежность первой любви и, можетъ быть, въ этомъ заключается ея упоеніе, ея поэзія и тайна ея свѣжести....

Не скроюсь предъ вами, что и я успѣлъ оцѣнить вашу питомицу и полюбить ее, какъ никого и никогда.... А полная оцѣнка другъ друга, при взаимномъ уваженіи, прочная вѣдь основа для чувствъ? Я молча проанализировалъ Надежду Павловну и давно поклонился ей въ глубинѣ души... Что изъ этого выйдетъ, я тоже не давалъ себѣ такого вопроса. Да по моему тотъ не любитъ и не любилъ никогда, кто въ состояніи разугадывать послѣдствія своей любви и расчитывать ея ходъ, будто по рецепту...

— Ахъ да! въ лѣта моей питомицы худо смотрятъ за сердцемъ, сказала Сбоева. — Но отъ васъ, Аркадій Николаевичъ, вѣетъ такою свѣжестію, такимъ сочувствіемъ ко всему, что я не удивляюсь, что ваша дружба къ Надеждѣ Павловнѣ, начавшаяся сродствомъ взглядовъ и вкусовъ, мгновенно приняла другой видъ и переродилась въ болѣе сильное чувство, которое люди называютъ любовію....

— Скажу безъ лести, Аделаида Ивановна, что и я не встрѣчалъ еще въ своей жизни такого сокровища, какъ ваша воспитанница; при ней невольно учишься вѣрить въ людей... Она счастливое исключеніе изъ женщинъ нашихъ! Ахъ, если бы я могъ надѣяться на вѣчную дружбу съ вашей питомицею, этимъ умно-воспитаннымъ, степеннымъ дитятею; я бы тотчасъ же уѣхалъ отсюда въ Петербургъ, потому что жизнь провинціальная невыносима. Кто можетъ не утомиться въ ней? Шесть дней въ недѣлю сплетничаютъ, а по праздникамъ объѣзжаютъ переднія и таскаютъ на языкѣ всякій сор изъ дома въ домъ. И пусть бы хоть чиновники одни ѣздили къ начальникамъ съ почтеніемъ да поклономъ, чтобы на глаза показаться, чтобы не сказали: „вы, надескать, сударь, либеральничаете и не уважаете начальства,“ а то нѣтъ, вѣдь другъ къ другу толкаются безъ всякаго толка и нужды, и къ посторонним, и къ знакомымъ, словомъ, всюду, гдѣ только есть ворота, и три окна на улицу! И этимъ всѣ занимаются круглый годъ! А сколько тутъ бываетъ недоразумѣній, толковъ, пересудовъ, начетовъ и недочетовъ, сколько причинъ къ неудовольствіямъ, обидамъ и сплетнямъ. Объѣдетъ, напримѣръ, какой нибудь сутяга, небольшой чиновникъ, не по чинамъ, не по званію, или забудетъ записаться у начальника въ передней, такъ ужъ, глядишь, на него смотрятъ эдакъ, приподнявъ нижнюю губу: „Гмъ! либеральничаетъ, дескать, не уважаетъ начальства.“ Опоздаетъ, запишется, наконецъ на листѣ, говорятъ: „важничаетъ, пріѣзжаетъ по барски, будто ѣдетъ къ равному“; пріѣдетъ, наконецъ, раньше всѣхъ и запишется на листѣ въ самомъ заголовкѣ, говорятъ: „носъ деретъ и не знаетъ своего мѣста.“ Недавно вотъ, совѣтникъ казенной палаты, пріѣхавъ къ губернатору, вымаралъ подпись своего столоначальника и поставилъ ее подъ своею, да еще такъ, что весь листъ забрызгалъ чернилами. А не дай Богъ, если войдетъ иной не изъ большихъ чиновниковъ въ переднюю, да кинетъ, въ торопяхъ, плащъ свой на шубу особы, такъ послѣ и въ годъ не расчитается за эту дерзость. И можно ли вынести, спрашиваю я васъ, равнодушно весь этотъ безсмысленный бытъ, всю заносчивость бюрократовъ, безмозглость аристократовъ, всю эту убійственную жизнь нашего общества? А между тѣмъ въ нашихъ провинціяхъ на этомъ вертится все, и этому посвящаютъ и время, и безвременье, досугъ и недосугъ; остальную же часть дня размышляютъ и совѣщаются о томъ: кому и какой визитъ отдать, куда поѣхать и сколько посидѣть, или же доискиваются, кто какой держитъ столъ, кто сколько купилъ женѣ тряпокъ и сколько разъ въ недѣлю ссорится спившійся съ кругу и брюзглый судья съ своею толстою женою... И изъ всего этого выходитъ, наконецъ, огромный клубокъ сплетенъ, который не распутывается въ цѣлую жизнь. Грустно, тяжело за такое общество!

Во все время этого горячаго монолога Долинскаго, Надежда Павловна была неподвижна и не проронила изъ рѣчи его ни слова. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и неподвижно. Они впивались въ каждое слово любимаго человѣка, и любовь ея къ нему еще сильнѣе росла.

— Но знаете ли, Аркадій Николаевичъ, сказала Сбоева,—отецъ Надежды Павловны и слышать не хочетъ о вашемъ бракѣ и никого не прочитъ моей милой питомицѣ, кромѣ этого болвана Блудова. У нихъ тамъ какіе-то комерческіе и сектантскіе расчеты… Надобно какъ нибудь предупредить развязку.

Въ сильномъ волненіи Долинскій сталъ ходить по комнатѣ. Надежда Павловна не спускала съ него глазъ… Долинскій былъ очень недуренъ собою и, когда говорилъ, лицо его мгновенно одушевлялось, глаза блистали энергіею.

— Рѣшились ли вы, доброе и честное дитя, быть моею? спросилъ онъ вдругъ свою невѣсту.

— И вы спрашиваете? отвѣтила Надя, протянувъ къ нему горѣвшія внутреннимъ огнемъ руки.

— О! сердце умной и честной дѣвушки чистое золото, сказалъ Долинскій, цѣлуя руки своей невѣсты. — На дняхъ я объяснюсь во всемъ съ вашимъ батюшкою и положу всему конецъ.

Съ этими словами онъ оставилъ свою Надю, которая не спала въ постели своей до утра и находила утѣшеніе лишь въ слезахъ, которыми омочила подушку…

V.

Крутой нравомъ и богатый сумою, Морозовъ, узнавъ о недавнемъ свиданіи дочери своей съ Долинскимъ, собралъ новый „соборъ“ изъ тузовъ раскола и комерціи, подъ предсѣдательствомъ отставнаго генерала Бюргера, довольно образованнаго по своему человѣка, но отъявленнаго пройдоху, прожившаго въ провинціи по подрядамъ и сильно зашибавшаго деньги отъ Морозова. На этотъ разъ голосъ алчнаго нѣмца господствовалъ, и генералъ, видѣвшій въ бракѣ раскольничей дочки съ сыномъ такого же миліонера свои расчеты… новую дойную корову, возможность вѣрнѣе грѣть руки у двухъ толстыхъ сумъ, вызвался дипломатически переговорить съ Долинскимъ лично отъ имени Морозова.

— Вы вѣрно не ожидали меня? сказалъ Бюргеръ, вошедши въ одно прекрасное утро въ квартиру Долинскаго.

— Да, признаюсь! отвѣчалъ Долинскій.

— Вы знаете, заговорилъ съ высока нѣмецъ, усѣвшійся на стулѣ даже безъ предложенія Долинскаго, — что какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ достаточны для того, чтобы смутить умнаго человѣка и что, наконецъ, человѣкъ во всякомъ положеніи долженъ отыскивать лучшее и пользоваться имъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ озадаченный Долинскій.

— Я говорю объ исторіи съ дочерью Морозова и о томъ непріятномъ говорѣ, который ходитъ на счетъ ея и вашего имени по городу… и о томъ, что вы намѣрены дѣлать въ настоящемъ положеніи.

— Кто жилъ и мыслилъ, генералъ, отвѣчалъ Долинскій,—тотъ не можетъ въ душѣ не презирать общества, подобно здѣшнему, со всѣмъ его говоромъ. Вы, я и Надежда Павловна, полагаю, можемъ стать выше басенъ толпы, которая всегда занималась и будетъ заниматься дѣлами другихъ, за недостаткомъ собственныхъ. По моему, смотрѣть на подобныхъ людей серьезно — значитъ оскорблять собственный здравый смыслъ.

— Правда, а я все-таки вамъ скажу, что не мѣшаетъ людямъ укладывать порывы въ опредѣленные размѣры и давать имъ поплавнѣе теченіе жизни.

— Что это? Нравоученіе? Въ такомъ случаѣ позвольте узнать ваше право на него? возразилъ Долинскій.

— Право на это я имѣю! Вы, своими тайными посѣщеніями, скомпрометировали дочь Морозова и поставили его въ такое положеніе, что онъ, чтобы поправить дѣло, крайне для него непріятное и огласившееся какимъ-то образомъ въ городѣ, поручилъ мнѣ переговорить съ вами обо всемъ этомъ серьезно и рѣшительно.

— А вотъ что! проговорилъ Долинскій.—Понимаю.

— И такъ, вы позволите мнѣ быть съ вами откровеннымъ? Я уже старикъ, не лишенъ образованія, скажу откровеннѣе, большой даже либералъ, какихъ вы немного встрѣтите въ жизни, говорю это не въ похвалу себѣ и сочувствую новому поколѣнію, но ваше поведеніе не одобряю. Вы, кромѣ того, что смутили сердце дѣвушки, обреченной отцомъ совсѣмъ другому, и тѣмъ подвергли себя всеобщему порицанію, вы, за либерализмъ свой и неумѣлое отношеніе ко всѣмъ властямъ въ городѣ.... предполагаетесь вдобавокъ губернаторомъ къ отставкѣ отъ службы и высылкѣ изъ города. Послушайте, молодой человѣкъ, мнѣнія старика, наученнаго опытомъ жизни, и надѣюсь, вы согласитесь съ нимъ.

Нѣмецъ хитрилъ, мягко стеля молодому человѣку, и воображалъ себя въ эту минуту великимъ дипломатомъ.

Учиться никогда не прочь, было бы чѣму! отвѣтилъ Долинскій.

— И я вѣдь былъ въ Аркадіи, и я скитался по ея свѣтлымъ полямъ, мечталъ, какъ и вы, перестроить міръ и, наконецъ, слава Богу, скоро убѣдился, что умѣренность желаній самая надежная опора душевнаго міра, что только мирясь съ человѣческими слабостями можно жить счастливо и заставить всѣхъ полюбить себя. Неумѣнье покоряться дѣйствительности — источникъ несчастій многихъ и, въ частности, вашего несчастія. По моему, чѣмъ ничтожнѣе и злѣе люди, тѣмъ больше нужно изыскивать средствъ пріобрѣтать ихъ расположеніе. Уважая притворно враговъ больше другихъ, можно превратить ихъ въ друзей. Я по опыту знаю, какъ выгодно сторониться передъ людскимъ самолюбіемъ. На этомъ основаніи я не могу не отдать справедливости людямъ, которые не лишены практическаго такта войти въ каждую сферу общества, стать въ уровень съ каждымъ человѣкомъ, не возмущаясь его глупостями, и которые обладаютъ умѣньемъ сыскать во всѣхъ... особливо на службахъ нашихъ, гдѣ, если нельзя пройти прямо, можно погнуться и ползкомъ прокрасться.... Это я называю тактомъ жизни, а людей такихъ людьми „практическими.“ Не худо бы у нихъ поучиться жить нынѣшнему гордому молодому поколѣнію....

— И это ваше убѣжденіе? спросилъ Долинскій.

— Да! отвѣчалъ нажившійся въ Россіи нѣмецъ.

— Въ такомъ случаѣ, заговорилъ Долинскій, — я удивляюсь вашей вѣжливости къ паяцамъ; вѣдь ихъ и актерами даже нельзя назвать. Подъ качелями они по крайней мѣрѣ безвредны, въ жизни же положительно мерзки и смущаютъ только людей, подобныхъ вамъ, генералъ. По моему, если человѣкъ ко всему приноравливается и, въ видахъ спокойствія душевнаго и жизненнаго, со всѣмъ мирится и со всѣмъ соглашается, значитъ у него нѣтъ убѣжденій; если онъ безропотно выноситъ дѣяніе и наглость подлецовъ, дорожитъ гостиными пустой аристократіи, протягиваетъ руку самымъ недостойнымъ людямъ, онъ дрянь, тряпка и можетъ назваться хорошимъ человѣкомъ, только въ лакейскомъ смыслѣ этого слова... Было бы не человѣколюбиво, генералъ, съ моей стороны требовать, чтобы люди, подобные вамъ, великодушно отказались отъ убѣжденій, которыя отжили свой вѣкъ, потому я скажу только, что мертвымъ не приходится мѣшаться въ дѣла

живыхъ и живымъ не годится ходить за совѣтомъ на кладбище... Тѣни прошедшаго всегда пугали и пугаютъ людей... и опека старины часто бываетъ вредна для умственнаго совершеннолѣтія человѣчества.

— Я вижу, возразилъ краснѣя нѣмецъ,—что въ васъ противорѣчія въ общественной жизни не переварились еще съ теоріями, которыя вы обыкновенно принимаете для себя на скамьяхъ, и вы не убѣдились еще, что фортуна рѣдко въ жизни держитъ сторону гордыхъ людей. Я жалѣю объ этомъ вашемъ состояніи, но увѣренъ, что это пройдетъ... привыкнете. Нельзя тотчасъ! Знаете, сказано: дитя не скоро въ первый разъ грудь матери беретъ, а послѣ какъ ее сосетъ?...

— Каждый человѣкъ, отвѣтилъ Долинскій,—разъ въ жизни бываетъ благородно юнъ; но одинъ сохраняетъ эту юность до 20 лѣтъ, другой до 30, третій до 40 лѣтъ, а нѣкоторые цвѣтутъ этою дорогою юностію подъ снѣгомъ сѣдыхъ волосъ... Эти послѣдніе юные старики, полные святаго энтузіазма ко всему доброму и прекрасному, ненавидятъ мерзость жизненную такъ-же, какъ и въ 20 лѣтъ, и покровительствовать въ жизни молодымъ и свѣжимъ силамъ—для нихъ святое наслажденіе. Кто же окунется, генералъ, въ омутъ жизни, привыкнетъ къ посредственности, возьметъ въ ней свою роль, будетъ изъ подтишка порицать молодость и хвалить старческое, приправленное подъ часъ пошлостію, благоразуміе, изсушенное и исковерканное лѣтами, называть безумствомъ гордые помыслы и благородные порывы своихъ юныхъ лѣтъ, тотъ уже въ жизни старикъ лѣтами. Я не уважаю такую старость и совѣтовъ отъ нея не принимаю!

Бюргеръ кусалъ отъ злости губы и началъ было читать нравоученія.

— Читать нравоученія, генералъ, пошлая мѣра исправленія, прервалъ его Долинскій, — да вамъ это и не къ лицу. Мои убѣжденія другія! Я знаю, что жизнь

есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе — борьба, и когда борьба бываетъ не изъ личныхъ мелочныхъ выгодъ, но изъ-за новыхъ, свѣжихъ и живыхъ вѣрованій, — такая борьба благородна и достойна всякаго уваженія, и падающіе въ ней смѣшны только для людей тупыхъ и крайне темныхъ... Я вѣрю вамъ, что всегда живется весело людямъ, не требующимъ отъ жизни ничего, кромѣ ея удобствъ: выгоднаго мѣста, чиновъ, каретъ, лошадей, деревень; но есть люди, которые никогда не могутъ ужиться со зломъ, ведутъ съ нимъ борьбу неослабно, и если падаютъ, то падаютъ довольные сознаніемъ честно выдержанной борьбы, а это сознаніе едва ли не выше торжества побѣды. Вы скоро, вѣроятно, остыли въ молодости, генералъ, и съ этими людьми незнакомы при всемъ вашемъ либерализмѣ, и они вамъ непонятны; да вы въ жизни, конечно, и не нисходили до того, чтобы протягивать руку такимъ людямъ, потому что руки ихъ постоянно бываютъ черствы, безъ перчатокъ; но въ нихъ, генералъ, течетъ неиспорченная кровь!...

— Въ тонѣ рѣчи вашей, заговорилъ злобно нѣмецъ, слышится чувство гордости, опредѣляющее степень того самодовольства и высоты, на которую говорящій ставитъ себя въ отношеніи къ слушателю. Я бы оскорбился вашимъ поведеніемъ въ отношеніи меня, но, вижу, что вы, къ несчастію, положительно больны, и вѣроятно, неизличимо... Тотъ больной вѣкъ, когда въ немъ кричатъ и терзаются. При всемъ томъ, что вы сдѣлались смѣшны въ цѣломъ здѣшнемъ городѣ и пріобрѣли печальную популярность между всѣми, я рѣшился было принесть жертву необходимости (вотъ новое доказательство, что я не принадлежу къ староверамъ), надѣясь, что вы, откровенно выслушавши мои совѣты и убѣжденія, оставите домъ Морозова, свои гордыя идеи и будете жить потомъ подъ моимъ руководствомъ, какъ живутъ всѣ практическіе люди; но

теперь, извините, я долженъ, къ прискорбію моему, сказать вамъ, что между мною и вами съ этихъ поръ все кончено. Я жалѣю, что доселѣ защищалъ васъ предъ всѣми въ городѣ и въ особенности предъ губернаторомъ, вашимъ начальникомъ, къ которому вы, говоря откровенно, крайне неблагодарны и несправедливы

— Благодарю за непрошенное покровительство, отвѣтилъ Долинскій. — О губернаторѣ я имѣю свое мнѣніе, при которомъ и располагаю остаться.

— Меня удивляетъ одно, заговорилъ уже совсѣмъ занозчиво нѣмецъ, — какъ же это вы, при вашей гордости, позволили себѣ смутить сердце дѣвушки, за которой полмиліона приданаго, не потрудясь принять въ разсчетъ разности вашихъ положеній.

— А! Наконецъ вы высказались! вскричалъ Долинскій. — Теперь для меня ясно, что дочь Морозова готовилась и, вѣроятно, не безъ вашего совѣта, за вельможу, за миліонера, хотя и глупца... и вы пришли помѣшать мнѣ въ моемъ дѣлѣ съ Надеждою Павловною. Теперь мнѣ все ясно! Вы устраиваете средство удалить меня изъ города за либерализмъ... Понятно! Вѣдь вы коротки съ губернаторомъ. Подряды отъ него берете вмѣстѣ съ Морозовымъ, стало быть тутъ все возможно. Такъ знайте же, чтобы со мною ни случилось, а я не выпущу изъ своихъ рукъ Надежды Павловны! Она отдалась мнѣ свободно и честно, и мнѣ должна по праву принадлежать навсегда!

Съ искусанными отъ злости губами вышелъ послѣ этой энергической рѣчи, нѣмецъ-генералъ изъ квартиры Долинскаго, бормоча на лѣстницѣ: — Эти люди или сумасшедшіе, или несокрушимая сила въ государствѣ.

VI.

Потерпѣвъ пораженіе у жениха, нѣмецъ-генералъ, какъ истый дипломатъ, отправился попытать счастія у его невѣсты. На этотъ разъ онъ наткнулся, вмѣсто питомицы, на воспитательницу ея. Умная, пережившая много въ жизни, 40-лѣтняя женщина догадалась, съ перваго же слова подосланнаго дипломата, въ чемъ дѣло, и рѣшилась съ своей стороны дать отпоръ алчному нѣмцу, подкупленному адвокату, за самодурство степнаго миліонера Морозова.

Бюргеръ началъ было рѣчь съ дурныхъ отзывовъ о Долинскомъ, но Сбоева прервала его съ первыхъ же словъ такимъ образомъ:

— Генералъ! я не буду слушать васъ, если вы станете обидно выражаться о Долинскомъ. Моя питомица, которую я люблю, какъ свою дочь, любитъ Долинскаго, и я не позволю, чтобы имя этого человѣка унижалось при мнѣ. За кого бы она ни вышла замужъ, и гдѣ бы она ни была, имя это навсегда останется драгоцѣннымъ дня нея. Если вамъ угодно говорить со мною въ самомъ дѣлѣ серьезно, то и будемте говорить именно серьезно. Мы оба вѣдь не дѣти, и вамъ извѣстно, что я въ состояніи разсуждать и убѣждаться, если доводы ваши будутъ сильнѣе моихъ возраженій.

— Надежда Павловна рѣшились быть женою Долинскаго? спросилъ Бюргеръ.

— Да! отвѣчала Сбоева.

— Въ такомъ случаѣ узнайте и рѣшеніе ея отца, который не даетъ ей ничего изъ своего благопріобрѣтеннаго имѣнія, а родоваго у нея нѣтъ. Долинскій же бѣденъ, будущее его неизвѣстно; имъ придется жить чѣмъ нибудь, и какъ нибудь, тогда какъ Блудовъ богатъ и единственный наслѣдникъ послѣ отца.

— Любящему сердцу, отвѣчала Сбоева, — нужна живая и разумная привязанность, а не размалеванный солдатскій мундиръ, или мѣшокъ съ деньгами. Для полнаго счастія въ жизни семейной нужна душевная связь характеровъ, взглядовъ; иначе люди только соединятся, но не сольются... Поддѣлываясь подъ супружеское счастіе, нельзя быть счастливымъ... Поддѣльнымъ можетъ замѣниться дѣйствительное только для глазъ, въ сущности же оно рушится отъ перваго прикосновенія. Что же будетъ тогда? Нравственная смерть, — развратъ, какой мы видимъ всюду, особливо въ такъ называемыхъ высшихъ и богатыхъ классахъ, отъ неравныхъ и безобразныхъ браковъ. Вотъ что вы прочите моей питомицѣ въ будущемъ!

— Но спрашивала ли Надежда Павловна хорошенько свои чувства, и въ самомъ ли дѣлѣ любовь ея къ Долинскому есть истинная любовь, а не бредъ разстроеннаго воображенія? заговорилъ Бюргеръ внушительно. — Привязанность дѣвушки къ мужчинѣ бываетъ иногда ничто иное, какъ желаніе перемѣны своего положенія; сходятся, клянутся другъ другу въ вѣрности до гроба, и потомъ клятвы эти обыкновенно таятъ съ первымъ снѣгомъ. Бываетъ и то, что за любовь принимаютъ слѣдствіе ловкой лести мужчины. Я знаю, Долинскій ее захватилъ, а опытомъ дознано, что всего вѣрнѣе отуманить голову женщины, если будутъ постоянно говорить ей, что она отличается отъ толпы... Когда женщина ходитъ въ этомъ туманѣ, тогда она будто счастлива, когда же туманъ пройдетъ, тогда часто остается на лицо одна бѣдность. А знаетъ ли ваша воспитанница что такое бѣдность?

— Не пугайте ее, генералъ, этимъ выраженіемъ; она не устрашится этого, еслибъ даже и случилось, что дошла до бѣдности.

— Вотъ то-то и жаль, отвѣчалъ дипломатически Бюргеръ, — что она знакома съ бѣдностію только по наслышкѣ и если мечтаетъ о любви въ хижинѣ, такъ это хижины, какія существуютъ только въ поэзіи, или паркѣ богача, имѣющаго полмиліона дохода. Какъ всѣ воспитанные въ довольствѣ, она не знаетъ цѣны богатства и думаетъ, что оно ничего не значитъ. Дѣти, воспитанныя въ довольствѣ, всего охотнѣе соглашаются жить въ бѣдности, которая является имъ въ видѣ маленькаго кордоннаго домика, похожаго на игрушку, или на прогулку пѣшкомъ, когда ихъ возятъ въ каретахъ. А мое мнѣніе вотъ какое: положеніе Надежды Павловны теперь опасно, но изъ него можетъ быть счастливый исходъ. Теперь препятствія подстрекаютъ ея желанія, а вы сами знаете, что влюбленные дѣлаются всегда тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ больше этихъ препятствій.... Но это положеніе можно измѣнить, и именно вотъ какъ: женщина всегда носитъ въ себѣ способность полюбить мужчину, даже сначала не любимаго ею, когда наконецъ увѣрится въ его любви. Она выйдетъ замужъ за Блудова, уѣдетъ съ нимъ за границу... ну, потомъ и привыкнетъ къ нему. Окруженная полнымъ довольствомъ и заботами о себѣ, она съумѣетъ оцѣнить свое положеніе и наконецъ рано или поздно полюбитъ своего мужа, да такъ, что будетъ даже смѣяться надъ ребяческимъ увлеченіемъ къ Долинскому, и тогда...

— Что тогда? спросила строго Сбоева.

— Вдали образъ любимый всегда любится меньше, и она скоро забудетъ о немъ, какъ дитя о нянѣ, послѣ ея сказки.

— Вы совѣтуете и утѣшаете, генералъ, сказала Сбоева, — съ удивительнымъ благоразуміемъ, которое такъ свойственно всякому постороннему. — Выгодный женихъ дѣйствительно есть что-то весьма удобное для покупки, продажи, промѣна и вообще для комерческихъ оборотовъ, но вы забываете, что истинная любовь не покупается никакими деньгами, никакими благодѣяніями,

и что сердцемъ честной и благородной женщины можно овладѣть только открыто и честно.. . Вы не потрудились, при своихъ доводахъ, поглубже вникнуть въ природу той любви, которою Надежда Павловна связана съ Долинскимъ. Вамъ неизвѣстна, вѣроятно, страсть такой любви, которая начинается съ умственныхъ сношеній, развивается отъ взаимной симпатіи и одинаковыхъ стремленій въ жизни и основывается на искреннемъ уваженіи,—этомъ одномъ изъ самыхъ прочныхъ основаній для истинной, никогда не умирающей любви. Когда сердце женщины плѣнено, то разумъ хоть и слабо защищается, но все-таки, скоро или поздно, можетъ взять верхъ, и женщина будетъ въ состояніи владѣть собою, примириться съ своимъ положеніемъ; но когда и чувства и разумъ плѣнены—что тогда?

— Тогда у человѣка отнимается навсегда всякая способность понимать вещи и измѣнить свое положеніе, отвѣчалъ Бюргеръ.

— Такъ знайте же, сказала Сбоева, что Надежда Павловна именно въ такомъ положеніи! Вы признаете конечно страсть женщины къ бреттёру, шулеру и всему, въ чемъ проявляется сила, въ чемъ видѣнъ энтузіазмъ, увлеченіе; такъ поймите же, что въ Долинскомъ мою воспитанницу увлекла умная сила и новизна его свѣжихъ и смѣлыхъ стремленій, его горячій энтузіазмъ ко всему высокому и благородному и рыцарская смѣлость, съ которою онъ презираетъ пошлыхъ, износившихся и изжившихся до гнилья людей... Случилось это очень просто: всякая женщина, при сближеніи съ мужчиной, или хочетъ видѣть его гораздо ниже себя, или выше, и ей всегда истинно пріятно встрѣтить человѣка, который бы ей удивлялся, или которому она удивлялась. — Долинскій принадлежитъ къ послѣднимъ.... и Надежда Павловна покорно предъ нимъ преклонилась. Оковы любви, которыми онъ приковалъ ее къ себѣ, она цѣлуетъ... и рабство ея сладостно для нея!... Ея

поведеніе такъ естественно въ дѣвушкѣ, которая выучилась мыслить, а не вздыхать только на луну и всему безусловно покоряться. Морозовъ испугался воспитанія своей дочери. Да, онъ въ расчетѣ ошибся! Онъ хотѣлъ видѣть въ дочери своей дѣвушку, замѣченную лишь дураками, которымъ можно ее, какъ игрушку, легко навязать за ихъ деньги. Такъ пусть онъ разубѣдится въ этомъ! Надежда Павковна не свѣтская а аристократическая дѣвушка, которая изъ болѣе или менѣе удачнаго букета—дѣлаетъ себѣ серьезное занятіе, изъ свѣтскихъ успѣховъ — жизнь, изъ затянутаго въ размалеванный мундиръ глупаго — мужа, изъ сплетней и пустоты — великосвѣтскій серьезный интересъ. Она женщина, умѣющая мыслить и знать цѣну людямъ, соображать окружающія обстоятельства и найдтись среди ихъ! Я знаю, что, быть можетъ, папенька Нади раскаявается теперь въ томъ, что, смотрѣлъ сквозь пальцы на проводимыя ею ночи за книгами. Но что дѣлать? онъ уже проигралъ!... Такъ и передайте ему.

— Это чортъ, а не женщина! мысленно проговорилъ разбитый въ своихъ расчетахъ нѣмецъ, и вышелъ отъ Сбоевой, какъ пристыженный школьникъ. Когда Сбоева передала потомъ своей воспитанницѣ о томъ, какая туча собирается надъ ея головою, то пораженная такимъ ударомъ дѣвушка упала на грудь своей воспитательницы и горько заплакала....

VII.

Послѣ передачи Бюргеромъ Морозову свѣдѣній о свиданіи своемъ съ Сбоевою и Долинскимъ, неумолимый фанатикъ разсвирѣпѣлъ и, собравши послѣдній „сборъ" одновѣрцевъ своихъ, большею частію такихъ же невѣждъ, какъ и самъ, подъ предсѣдательствомъ, разумѣется, того же Бюргера, спрашивалъ: какъ поступить

съ дочерью? Рѣшено было, послѣ долгихъ совѣщаній, дочь выслать ночью, съ завязанными глазами, въ отдаленный и глухой Евпраксинъ скитъ на годъ, но такъ, чтобы до поры до времени и слѣда ея никто не зналъ; въ городѣ же распустить подъ рукою слухъ, что уѣхала на богомолье въ отдаленные олонецкіе скиты. Что же касается жениха ея, Долинскаго, то ходатайствовать у губернатора, чего бы это ни стоило, удалить его административно изъ города навсегда. Рѣшеніе это взялся привести въ исполненіе тотъ же алчный нѣмецъ Бюргеръ.

Въ первую же ночь послѣ этого соборнаго рѣшенія дѣйствительно „раскольничья дочка" весьма секретно вывезена была четырьмя дюжими молодцами, въ глухой повозкѣ, по дорогѣ въ Евпраксинъ скитъ, и Долинскому утромъ, на другой день, было предписано выѣхать изъ города навсегда. Гувернантку Сбоеву, съ полнымъ расчетомъ, въ 24 часа проводили съ подорожной на ея родину, въ одинъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи.

Получивъ роковое извѣстіе о пропажѣ своей невѣсты и приказаніе оставить городъ навсегда, Долинскій ходилъ по комнатѣ скорыми шагами и бралъ себя судорожно за голову.

— Что съ тобой? Ты кажется хандришь, — сказалъ вошедшій къ Долинскому Никаноръ Ѳомичъ Милонинъ, мужчина лѣтъ 45, жившій въ городѣ въ качествѣ сосланнаго подъ надзоръ полиціи и считавшійся лучшимъ другомъ Долинскаго.

Долинскій разсказалъ все случившееся Милонину. Милонинъ остолбенѣлъ.

— Ну вотъ и съ жизнію расчетъ поконченъ, сказалъ Долинскій, опуская руки. — Исчезло все, весь чадъ и дымъ надеждъ, которыя мнѣ душу расширяли. Судьба заставила меня выпить по каплѣ весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія впродолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, и наконецъ замотала какъ зайца на угонкѣ. Ахъ тяжело! Душа какъ будто окаменѣла! сердце можно поразить только до извѣстной степени: всѣ же послѣдующія раны только притупляютъ его чувствительность. Да, я вѣрю теперь, что есть страданія, которыя не возвышаютъ человѣка, а напротивъ ожесточаютъ его противъ всѣхъ и каждаго, убиваютъ всѣ его хорошія душевныя качества и доводятъ, наконецъ, до апатіи, мизантропіи и полнаго ожесточенія въ жизни. Внѣшнія обстоятельства всесильны; они могутъ подавить какую угодно сильную душу, если безпрерывно тяготятъ ее и когда противъ нихъ нѣтъ никакой защиты. Нѣтъ, я самъ виноватъ; я былъ строгъ къ людямъ, которыхъ судьба загнала въ жизни, называлъ ихъ дѣтьми безъ воли и характера, съ двусмысленной улыбкой смотрѣлъ на нихъ, смѣялся ихъ безсилію; теперь же самъ смѣшонъ... ха, ха, ха...

— Я не узнаю тебя, увѣщевалъ Милонинъ. — Ты ужъ слишкомъ палъ духомъ. Это непозволительно. Люди страждущіе должны находить утѣшеніе въ самыхъ своихъ страданіяхъ.

— Да, правда! отвѣчалъ Долинскій. — Но скажи мнѣ: какой философъ переносилъ спокойно зубную боль? А вѣдь они съ безпримѣрнымъ краснорѣчіемъ писали противъ рока и страданій! Я знаю самъ, что отчаяніе дурной совѣтникъ, что за его неистовыми взрывами слѣдуетъ обыкновенно душевный сонъ; но что же дѣлать? я такъ въ расплохъ подавленъ и разбитъ въ самыхъ горячихъ вѣрованіяхъ! А ты знаешь, что за сокрушеніемъ юношескихъ надеждъ всегда слѣдуетъ прометеевъ коршунъ, бичъ мыслящихъ людей, сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ значеніи всей, до сихъ поръ прожитой, жизни... Въ мои лѣта потеря надеждъ влечетъ за собою полную мизантропію. Надо мной тяготитъ какая-то судьба; я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточе-

ніемъ, похожимъ на личную ненависть. Съ великими радостями я почти никогда не встрѣчался, какъ не встрѣчаются съ ними миліоны людей, вполнѣ ихъ достойные. Скажи же мнѣ, пожалуйста, гдѣ тутъ достать силъ и твердости!

— Судьба доблести всегда одна, жить между зубовъ ненависти! отвѣчалъ Милонинъ.

— Больно сознаніе, сказалъ Долинскій, — что жертвы-то у насъ на Руси все приносятся безслѣдно.... Люди, которые безнаказанно тяготятъ надъ другими, преспокойно остаются жить и благоденствуютъ, а сражавшіеся съ ними сходятъ со сцены безъ участія, безъ рукопожатія зрителей.

— И городъ вѣдь будетъ доволенъ всею этою трагикомедіею, проговорилъ Милонинъ.

— Ахъ, и не говори! отвѣчалъ Долинскій. — Когда я вспомню, что по отъѣздѣ моемъ попрежнему будутъ здѣсь заправлять общественнымъ мнѣніемъ идіоты и убогія скудоумныя городскія думы, что такъ называемыя особы будутъ долго еще продолжать грабить казну и народъ и продовать чиновничьи мѣста, такъ что честный человѣкъ для того, чтобы заплатить этимъ сатрапамъ постыдную аренду, долженъ почти босикомъ ходить цѣлый годъ и ѣсть черствый кусокъ хлѣба съ водою, — у меня кровь застываетъ въ жилахъ. Да что я говорю только объ этомъ городѣ, вездѣ почти тоже. Я пристально всматривался въ жизнь, меня окружавшую, ощупалъ всѣ ея стороны и видѣлъ лишь одни противорѣчія... За какой вопросъ я ни брался, всюду встрѣчалъ лишь слово, идущее въ разладъ съ дѣломъ, или темь подземную, трущобу непроходимую, изъ которой не выйдешь.... Вездѣ одной рукой крестятся, другой воруютъ; молятся и въ то же время тащатъ съ ближняго послѣднюю копѣйку; ставятъ пудовыя свѣчи предъ иконами и пьянствуютъ до разсвѣта; дерутъ носъ къ верху надъ низшими и подло гнутъ спину предъ всякой палкой; либеральничаютъ наединѣ и подличаютъ въ обществѣ; толкуютъ о правахъ человѣка и скотски попираютъ ихъ на каждомъ шагу: ищутъ дружбы и продаютъ за грошъ... Ужели это жизнь? Скорѣе это какой-то адъ заглохшій... Ахъ жизнь, жизнь! Гадка ты мнѣ стала. Скажи, Никаноръ Ѳомичъ, чего же ждать намъ при такой жизни? Скажи, научи, у меня потеряна всякая вѣра!...

— Я самъ потерялъ ее! глухо проговорилъ Милонинъ. — Смотря на тебя, я вижу теперь, что вѣроятно люди еще долго будутъ повторять меня. Какъ грустно это!

— Что ты этимъ хочешь сказать? спросилъ пытливо Долинскій.

— Да, повторять меня! Ты повторяешь своею жизнію меня, прожитое мною...

— Какъ же это? допрашивалъ Долинскій.

— Мы видимся теперь съ тобою, Аркадій Николаевичъ, должно быть въ послѣдній разъ въ жизни, отвѣчалъ Милонинъ, — потому я сообщу тебѣ мое прошлое и ты, выслушавъ его, поймешь свое настоящее положеніе и то, какъ ты повторилъ меня своею жизнію, и какъ вѣроятно еще многіе будутъ повторять меня и тебя вмѣстѣ. Ахъ! Глубоки раны моего сердца, слишкомъ много отравлена моя жизнь и я боюсь, чтобъ не растревожить тебя еще болѣе своимъ разсказомъ; ты ужъ и такъ слишкомъ палъ духомъ.

— Ничего! Если пить горькую чашу, такъ пить до дна, сказалъ Долинскій.

— Ты въ той порѣ, когда въ человѣкѣ кипятъ искреннія и теплыя стремленія къ знанію, къ правдѣ, къ живой дѣятельности мысли и воли. Я любовался тобою и втихомолку вспоминалъ свое, это же дорогое въ жизни время, которое къ несчастію, какъ и для тебя, безплодно и безслѣдно минуло для меня... Мнѣ горько и стыдно было предъ тобою вспомнить объ

этомъ: ты пристыжалъ меня своею смѣлою и полезною дорогою, но теперь, къ несчастію, я вижу и тебя въ томъ же положеніи, которое испытывалъ, и я потому могу разсказать тебѣ все... Но ты самъ увидишь, что я не виноватъ!

— Повѣрь, сказалъ Долинскій, — я съумѣю оцѣнить твое довѣріе и откровенность! Безвыѣздная жизнь твоя, по приказу, въ этомъ городѣ всегда была для меня загадкою.

— Я постараюсь быть краткимъ, сказалъ Милонинъ, опустившись на диванъ. — Батюшка мой, дворянинъ К.....ской губерніи, былъ хорошій хлѣбосолъ и въ свое время денегъ на воспитаніе мое не жалѣлъ. Росъ я при гувернерахъ; начальнымъ воспитаніемъ моимъ занималась сама матушка, со всѣмъ стараніемъ степной помѣщицы, начиная съ самаго дня моего рожденія и до тѣхъ поръ, пока стукнуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тогда свезли меня въ Москву въ университетъ, гдѣ я вскорѣ и попалъ въ тотъ дорогой въ то время кружокъ, изъ котораго потомъ вышли Кудрявцевъ, Станкевичъ и др. Но мнѣ стыдно тѣней этихъ лицъ...

— Да вѣдь ты знаешь, что и на солнцѣ бываютъ пятна, проговорилъ Долинскій.

— Правда! отвѣчалъ Милонинъ. — Слушай далѣе: симпатическая натура моя рано открылась тогда для любви и дружбы, но я не велъ въ студенчествѣ этой буршовской разгульной жизни, которая, къ несчастію, такъ нравится намъ и усыпляетъ въ насъ лихорадочныя движенія души, безплодно истощающія воображеніе молодыхъ людей прежде, нежели для нихъ настанетъ пора дѣйствовать или твердо мыслить. Я былъ одаренъ страстію къ наукамъ, которая смягчаетъ трудъ, превращаетъ его въ удовольствіе и, конечно, одна изъ всѣхъ страстей, способная украшать жизненную дѣятельность нашу. Кончивъ въ университетѣ курсъ, я отправился за-границу, ходилъ пѣшкомъ изъ города

въ городъ, изучалъ, и именно изучалъ, съ любознательностію ребенка, памятники науки и искуства, слушалъ лекціи во многихъ университетахъ, ловилъ съ жадностію на лету каждое живое слово професоровъ, изучалъ нѣмецкихъ философовъ, зачитывался Шеллинга, Канта и Гегеля и выучилъ наизустъ Шиллера и Гете. И какія ожиданія возбуждалъ я тогда у всѣхъ! Какое высокое мнѣніе возымѣлъ о своей особѣ, особливо въ первое время по возвращеніи своемъ изъ за-границы, когда сталъ служить? Россію я полюбилъ пламенно, какъ родную мать, и сердце широко забилось тогда отъ мысли осчастливить свою родину полезною дѣятельностію. Кажется, такъ бы и обнялъ тогда всю Русь и прижалъ къ груди всякаго, нуждающагося въ моей помощи...

— И ты успѣлъ въ этомъ? спросилъ Долинскій.

— Вотъ то-то и горько, что нѣтъ! Любя всѣхъ, я былъ гордъ противъ презрѣнія, непрошеннаго покровительста, снисходительной ласки надутыхъ не заслугами, а дарами фортуны людей. Общественное благо, гражданская добродѣтель, позоръ крестьянскаго рабства, безобразіе дворянскихъ выборовъ, гнусность взяточничества, — вотъ слова, которыя я больше всѣхъ сталъ употреблять на службѣ... и нажилъ заразъ кучу враговъ. Какое, помню, было блаженство имѣть возможность и законную силу какому нибудь служебному генію въ отставкѣ безъ мундира сказать, что онъ смѣшонъ и жалокъ съ своими грубыми и тупыми претензіями на служебную величость для пользы общественной! Какимъ святымъ восторгомъ наполнялось сердце, когда, бывало, удастся защитить бѣднаго крестьянина отъ грабежа становаго, истязаній дикаго помѣщика, или при рекрутскомъ наборѣ обличить всю казенную палату въ взяточничествѣ и тѣмъ избавить крестьянъ отъ рекрутскаго разоренія. — Что прикажете дѣлать? Молодость была ключемъ, силы обуяли; не хотѣлось

заплыть жиромъ, хоть оно, говорятъ, и здорово! — Но не долго длилось это время. Скоро сочли меня за безпокойнаго человѣка, донесли куда слѣдуетъ — какъ хотѣли и какъ съумѣли... и я покончилъ тѣмъ, что живу теперь безъвыѣздно одиннадцать лѣтъ вотъ въ этой лужѣ, величаемой снисходительными людьми городомъ. Я еще не совсѣмъ старикъ, а ты видишь, что у меня уже сѣдые волосы на головѣ.

— Вездѣ работалъ и работаетъ умъ, и безсиліе несло и несетъ ему преграды! сказалъ Долинскій. — Но скажи, Никаноръ Ѳомичъ, ты развѣ не былъ женатъ и не испыталъ высокаго чувства любви къ достойной женщинѣ?

— Судьба позволила мнѣ и это счастіе, отвѣчалъ Милонинъ, — но не надолго! Я былъ женатъ на бѣдной сиротѣ, безъ всякаго состоянія и воспитанной на казенный счетъ въ одномъ институтѣ. Это было прекрасное и благородное существо! Оно вѣрило въ меня отъ всей души и едва не молилась на меня Богу... Бѣдность ея мнѣ нравилась. Ты знаешь, что есть что-то пріятное для благородной гордости сдѣлаться опорою бѣднаго существа, но потомъ любимаго, одѣвать его и заботиться о немъ. Притомъ же счастіе позволило моей женѣ какимъ-то чудомъ узкользнуть отъ того нашего барскаго воспитанія, послѣ котораго наши, такъ называемыя воспитанныя барышни, какъ выучатся разъ глядѣть на изворотъ на свѣтъ Божій, такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ мужу и людямъ. Мать ея, считавшая себя аристократкою по происхожденію и манерамъ, на самомъ дѣлѣ по внутреннему содержанію своему походила болѣе на тѣхъ торговокъ толкучаго рынка, которыя продаютъ ситцевыя рубашки, бумажные платки и шерстяные чулки... Неровная женитьба моя стоила мнѣ ссоры съ моимъ отцомъ и матерью, которые отказали мнѣ въ

ихъ благопріобрѣтенномъ имѣніи, и я долженъ былъ жить одною службою.

— Но гдѣ-жъ теперь твоя жена? спросилъ Долинскій.

— Софья не перенесла удара и умерла послѣ трехъ мѣсяцевъ моей подсудности и за два дня до высылки меня въ этотъ городъ. Помню, меня допустили къ ея похоронамъ. Дѣло было весной. Приходская церковь была невелика, стара, иконостасъ почернѣлъ, стѣны голыя, кирпичный полъ мѣстами выбитъ. Внесли гробъ, помѣстили на самой срединѣ предъ царскими дверями, одѣли полинялымъ ковромъ и поставили кругомъ три подсвѣчника. Во всю ширину раскрытыхъ оконъ шевелились и лепетали молодыя и свѣжія листья плакучихъ березъ; со двора несло травянымъ запахомъ. Я стоялъ какъ убитый предъ гробомъ. Все минувшее мгновенно воскресло предо мною: и студенческая жизнь, и клятвы студенческія не мириться со зломъ и бороться съ жизнію безбоязненно, и широкія мечты за-границею, и все... все... И слезы потекли тогда потокомъ изъ глазъ моихъ и душили меня. Наконецъ я приложился къ холодному лбу покойницы, и мнѣ показалось, что робкое, нѣмое выраженіе ея лица упрекало меня въ томъ, что я загубилъ ее преждевременно, что я убійца своей жены... Тутъ вдругъ грудь мою что-то сдавило и я ужъ не видѣлъ дальше, какъ дорогой прахъ опустили въ землю, и очнулся только тогда, когда предъ моими глазами возвышался свѣжій, могильный холмъ.

— Ужели страданія неизбѣжныя пошлины, которыя на таможнѣ здѣшней жизни приходится непремѣнно уплачивать за все что есть истинно добраго, честнаго, благороднаго и справедливаго? спросилъ съ горячностью Долинскій.

— Покуда такъ, отвѣчалъ Милонинъ. — Ахъ! тяжко... Мои дни сочтены; я растревожилъ раны моего сердца; меня душитъ...

— Прости мнѣ, проговорилъ Долинскій, — что я невольно коснулся твоихъ ранъ; я не могъ думать, что твой разсказъ могъ такъ дорого стоить тебѣ.

— Ничего! пройдетъ.... протяжно говорилъ Милонинъ, — я ужъ давно чувствую, что я медленно утихаю. Я становлюсь проще, яснѣе. Жизнь удаляется... Она ровно и тихо бѣжитъ отъ меня прочь, какъ берегъ отъ взоровъ мореходца. Ахъ! тяжело живому существу разставаться съ жизнію. Сердце, способное и готовое любить, скоро перестанетъ биться... И неужели оно затихнетъ навсегда, не расширясь болѣе подъ сладостнымъ бременемъ радости? Еслибъ по крайней мѣрѣ хоть теперь я услышалъ о лучшей участи новыхъ дѣятелей моей милой родины, я помирился бы съ жизнію и людьми... Но умереть такъ безъ этой надежды — тяжело. Увы! въ моей жизненной траги-комедіи разыгрывается послѣдній актъ.

— Теперь я вижу, отвѣчалъ Долинскій, — какъ я повторилъ тебя въ своей жизни. О родина, родина! Ужели и я тоже умеръ для тебя?

Черезъ часъ послѣ этой сцены Долинскаго не стало въ городѣ. Въ сопровожденіи двухъ жандармовъ онъ выѣхалъ изъ города по направленію къ одному изъ отдаленныхъ городовъ Россіи, а чрезъ недѣлю не стало и Милонина на свѣтѣ. Онъ умеръ отъ аневризма сердца.... и былъ свезенъ на полицейскихъ казенныхъ дрогахъ на городское кладбище. За гробомъ его не шло ни одного человѣка...

VIII.

На маслянницу, въ прощеный день, 5-го марта 1861 года, весь Петербургъ преобразился въ свѣтлый праздникъ воскресенія 23 миліоновъ русскихъ людей. То былъ день, назначенный для объявленія манифеста объ

уничтоженіи рабства въ Россіи. Изъ всѣхъ окрестностей столицы сбѣжался къ этому дню народъ и ночевалъ, за недостаткомъ квартиръ, даже на площадяхъ. Было узнано заранѣе, что камень отъ гроба, въ которомъ лежало въ летаргіи 23 миліона русскихъ людей, рукою Александра II еще 19 февраля отваленъ, и народъ сбѣжался въ столицу узрѣть лицо избранника небесъ, которому поручено было Провидѣніемъ призвать миліоны людей къ той жизни, какая указана имъ Богомъ... Рано утромъ, 5 марта, загудѣли въ столицѣ колокола, изъ которыхъ нѣкоторые были литы въ то время, когда Петръ I указомъ о ревизіи закончилъ прикрѣпленіе крестьянъ, и на этотъ гулъ отозвались новые колокола петербургскихъ церквей: звонъ этотъ возвѣстилъ Россіи, что торжественная минута воскресенія 23 миліоновъ рабовъ наступила.... и на вѣки вѣчные вписалась божественнымъ перстомъ, чрезъ Александра II, въ лѣтописяхъ всемірной исторіи самая лучезарная страница. Народъ мгновенно наполнилъ церкви, и громадный храмъ Исакіевскій ярко освѣтился тысячами огней. Еще за полчаса до начала обѣдни не было уже мѣста въ храмахъ, гдѣ среди народа тѣснилось и множество представителей иностранныхъ державъ, поспѣшившихъ на міровое зрѣлище воскресенія полцарства русскаго. Въ эти великія міровыя минуты смутно бродилъ по улицамъ Петербурга раскольникъ Морозовъ, пріѣхавшій изъ своего города по сектантскимъ и комерческимъ дѣламъ. Какъ слѣпой фанатикъ, онъ твердилъ всю жизнь, что русскій царь есть слуга антихриста, и никогда рука его не слагала крестнаго знаменія на тѣлѣ своемъ за этого царя. Инстинктивно повинуясь всеобщему увлеченію, Морозовъ вошелъ въ православный Исакіевскій соборъ и точно статуя сталъ неподвижно у дверей. Во всю жизнь свою онъ не молился въ православныхъ храмахъ съ щепотниками, называя ихъ чадами антихриста, и въ первый

разъ отъ рожденія своего инстинктивно пріобщился къ общей русской семьѣ.... Зачитали съ церковнаго амвона, безсмертный въ лѣтописяхъ исторіи, высочайшій манифестъ 19 февраля и все въ храмѣ замерло, все затаило дыханіе и сдерживало жгучія слезы; когда же громогласно произнесены были знаменательныя слова манифеста: „*осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ!*" то полхрама пало на колѣни и зарыдало какъ одинъ человѣкъ... То было первое осѣненіе крестомъ свободнаго чела! Предъ Богомъ свободы, за царя свободы, былъ положенъ первый поклонъ свободныхъ людей! Морозовъ, точно громомъ пораженный, стоялъ съ минуту въ онѣмѣніи и потомъ какъ-то невольно началъ судорожно складывать раскольничье двуперстіе для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ вмѣстѣ съ другими. „Преклоните колѣни", раздались съ амвона слова церковнаго краснорѣчія, — и поднявъ очи къ небу воскликните": благословенъ Господь Богъ Израилевъ, что призрѣлъ на смиреніе рабъ своихъ и отнынѣ блаженнымъ нарекутъ Александра II всѣ племена!" Послѣднія слова точно стрѣла вонзились въ сердце раскольника и, какъ огонь подъ свинцомъ, расплавляли его ожесточенное сердце, такъ что когда протодіаконъ на великой эктиньѣ возгласилъ: „благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича.... да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ", и благодарный народъ въ соборѣ какъ одинъ снопъ, повалился на землю, то Морозовъ не совладалъ съ собою и вмѣстѣ съ другими опустился на полъ, положивъ первый въ жизни своей поклонъ за своего царя...

Изъ храма Исакіевскаго Морозовъ механически направился въ другія церкви Петербурга и вездѣ, какъ стрѣлою молніи, былъ поражаемъ въ самое сердце... Въ одномъ храмѣ онъ услышалъ слова церковнаго витіи: „Просите Бога, чтобы онъ сохранилъ намъ на

долго драгоцѣнную жизнь нашего царя, дабы онъ самъ видѣлъ и вкусилъ плоды своего насажденія и, окруженный всенародною любовію, долгое время наслаждался счастіемъ освобожденнаго народа. Въ другомъ храмѣ священникъ говорилъ народу, держа высоко въ рукахъ манифестъ: „Храните эту бумагу въ роды родовъ! пусть она перейдетъ къ дѣтямъ вашимъ, внукамъ и правнукамъ; храните ее за образами и передавайте какъ святыню по завѣщанію, ибо эта бумага пріобщила васъ къ одной общей русской семьѣ!..."

И такъ, вся Русь стала съ этого дня одною русскою семьею, съ царемъ освободителемъ во главѣ... Разбита рабства цѣпь, вставайте мертвецы! Вставайте лазари изъ гроба, усыпьте вайями открытую для васъ дорогу!

При этомъ общемъ, благоговѣйномъ и святомъ ликованьи, Морозовъ чувствовалъ, что онъ оставался одинокимъ въ русской семьѣ, чуждый всѣмъ, какъ отверженикъ неба и земли, какъ скитающійся безъ пристанища Каинъ, а онъ былъ также, съ головы до ногъ, *русскій человѣкъ, какъ и всѣ*; эта жгучая мысль съ сокрушающею силою загорѣлась внутри его и быстро размягчила его очерствѣлое сердце. Въ груди фанатика затеплилась новая лампада!

По окончаніи обѣденъ, умиленный народъ разсыпался по улицамъ Петербурга и судорожно разбиралъ раздаваемые безплатно манифесты, обнимая на радостяхъ даже полицейскихъ служителей, чрезъ которыхъ раздавались манифесты. Съ Сѣнной и Конной площадей двинулись тысячи крестьянскихъ саней, и все это быстро разсыпалось по улицамъ столицы. Въ саняхъ сидѣли матери уже свободныхъ дѣтей и, прижимая ихъ горячо къ сердцу въ порывѣ радости, со слезами на глазахъ, взывали: люди добрые! помолитесь за батюшку царя. Высоко держа въ одной рукѣ манифестъ, другою правя лошадьми, обливаясь слезами радости, смотрѣли отцы на дѣтей своихъ, и отъ избытка

чувствъ, обращаясь къ проходящимъ, говорили: братцы! други милые! Христосъ воскресе! Ликующій народъ опрометью бѣжалъ по улицамъ Петербурга, махая въ воздухѣ манифестомъ и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, обнимался съ словами: „братъ, похристосуемся!" Одинъ 70-ти лѣтній старикъ, вышедшій изъ Казанскаго собора, въ виду раскольника Морозова схватилъ на руки внука у своей дочери, сидѣвшей въ саняхъ и, поднявъ его высоко предъ храмомъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ: „нынѣ отпущаеши раба твоего владыко, по глаголу твоему съ миромъ!" и потомъ, какъ скошенный, въ слезахъ, повалился въ сани... Аминь! невольно отвѣтилъ старику Морозовъ и, взглянувъ на крестъ православнаго собора, благоговѣйно перекрестился. Другой крестьянинъ, отецъ семейства, сошедши съ папертей церковныхъ, отъ волненія едва дотащилъ ноги до своихъ саней и, обнявши мальчика сына, могъ только выговорить: „Ванюшка, Христосъ воскресе!" и за тѣмъ у всей семьи полились ручьями лишь слезы безъ словъ...

Чье сердце могло оставаться спокойнымъ при видѣ всѣхъ этихъ простыхъ, въ первый разъ въ жизни одушевленныхъ невыразимымъ счастіемъ лицъ? Въ этотъ день все мертвое ожило, что было вещію, то стало существомъ, что было безмолвно, то заговорило...

Скорѣй же други прочь отъ двери гробовой,
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ, живымъ работы много,
Впередъ, васъ братья ждутъ, впередъ рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одна, всѣмъ общая дорога!

На Невскомъ знакомые всѣхъ классовъ, забывши чванный этикетъ, при встрѣчѣ дружески обнимались и поздравляли другъ друга со днемъ воскресеніи Россіи... Попадавшіеся на встрѣчу дворовые здоровались съ своими бывшими господами и въ этой встрѣчѣ нѣ-

когда рабы заговорили впервые языкомъ свободныхъ гражданъ...

И роднаго слова звуки
Вновь понятны стали намъ,
На яву узрѣли внуки
То что снилося отцамъ!

Въ братскихъ объятіяхъ русскіе люди, поздравляя крестьянъ на улицахъ и площадяхъ, въ домахъ и церквахъ, какъ бы говорили имъ:

Давайте-жъ руку намъ,
Давайте и пойдемъ, насъ ждетъ работа
И радость и печаль все вмѣстѣ пополамъ,
Про дѣло земское всѣмъ общая забота!

Въ этотъ же день рано утромъ вся Европа чрезъ телеграфъ узнала, что въ Петербургѣ объявленъ манифестъ, которымъ призваны къ жизни 23 миліона людей и въ благоговѣйномъ удивленіи заговорила, что совершившійся фактъ освобожденія почти полцарства рабовъ долженъ оставаться единственнымъ въ исторіи всего свѣта, ибо вездѣ свобода пріобрѣталась цѣною кровавыхъ жертвъ, и только одной Россіи пришлось проливать слезы благодарности къ царю своему за совершеніе дѣла, которое было ввѣрено ему Богомъ и собственною совѣстію.

А этотъ царь, въ печатномъ манифестѣ на имя брата своего, великаго князя Константина Николаевича, скромно говорилъ своему народу: „мы можемъ съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для освобожденія крестьянъ всѣ бывшія во власти нашей средства и съ смиреніемъ уповать, что покровительствующее нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, которыхъ чистота ему извѣстна!"

Но и народу было хорошо извѣстно, на сколько въ этомъ дѣлѣ принимало участіе вселюбящее сердце Государя; и вотъ онъ чрезъ нѣсколько времени явился на дворцовую площадь благодарить царя за счастье, котораго не знали его отцы и дѣды, за счастье своихъ внуковъ. Погода, гармонируя съ событіями времени, была ясная и тихая; солнце, прорѣзывая жиденькія сѣрыя тучки, устремляло лучи свои на царскую площадь. Скоро море головъ заколыхалось предъ царскимъ дворцомъ. Жены, дѣти, отцы, дѣды и внуки тѣснились вокругъ Зимняго дворца, ожидая появленія своего освободителя. Народу въ это время былъ данъ полный просторъ и всѣ прочія сословія почтительно отступили на заднiй планъ къ зданіямъ Штаба и Адмиралтейства, уступивъ законное мѣсто возставшимъ изъ гробовъ мертвецамъ... Нетерпѣніе ожидавшихъ увеличивалось съ минуты на минуту. Тысячи сердецъ бились какъ одно, миліоны думъ сливались въ одну думу, въ одно горячее желаніе увидѣть скорѣе Воскресителя полцарства...

На этомъ новомъ міровомъ праздникѣ предъ дворцомъ раскольникъ Морозовъ, помѣстившись на углу Штаба и Невскаго проспекта, стоялъ неподвижно, въ онѣмѣніи подъ общимъ впечатлѣніемъ народнаго торжества. Въ немъ происходила страшная борьба; въ его грудь стучали, какъ молоты въ наковальню, неизвѣданныя, разнообразныя, неумолимо подавляющія впечатлѣнія дня... Вдругъ послышались слова: Царь идетъ! Царь идетъ! и площадь заколыхалась какъ море. Мгновенно обнажились людскія головы и

Явился къ народу царь —
Что земной не ищетъ славы,
Что не служитъ духу битвъ...
И вѣнцы войны крововой
Не манятъ его мечты.
Кого духъ мирный отъ рожденья

Благодатью осѣнилъ
И на кротость, на спасеніе,
На любовь благословилъ!

Все что было ближе къ явившемуся государю моментально пало на колѣни и какъ раскаты грома стало переливаться громкое ура! изъ конца въ конецъ дворцовой площади. Государь, подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, былъ видимо взволнованъ и неразъ скрывалъ царственныя слезы на своихъ глазахъ.... Взглянувъ на площадь, на колѣнопреклоненный народъ, онъ взволнованнымъ голосомъ могъ только проговорить слова: „здравствуйте, дѣти! Благодарите одного Бога за все что сдѣлано для васъ". Народъ на минуту онѣмѣлъ. Сильный приливъ чувствъ убилъ въ немъ слово. Упавшіе къ ногамъ царя не имѣли силы встать съ земли... Это была торжественная міровая минута! Въ этотъ моментъ царь русской земли являлся земнымъ творцомъ, вдохнувшимъ новую душу въ грудь 23 миліоновъ людей и какъ творецъ среди творенья словами: здравствуйте, дѣти! благословлялъ на жизнь свое творенье.... Въ этомъ великомъ таинствѣ царь и народъ слились въ одно таинственное тѣло, одухотворенное одною искрою Божества. Къ экипажу, въ который сѣлъ государь, поднимались издали младенцы и дѣти, протянувшіе къ царю невинныя руки, которыя не касались еще суроваго плуга и тяжелыхъ крѣпостныхъ работъ; матери просили на нихъ царское благословеніе, взывая: Батюшка царь, благослови!

Послѣ долгихъ вѣковыхъ стенаній подъ игомъ рабства, народъ на дворцовой площади, съ царемъ по срединѣ, образно представлялъ собою израильтянъ, приведенныхъ наконецъ Моисеемъ въ землю обѣтованную. Когда экипажъ Государя тронулся вдоль площади, народъ въ благоговѣйномъ умиленіи бросалъ по дорогѣ одежду и, загораживая царю путь, молилъ его еще минуточку побыть съ ними, чтобы насмотрѣться на его

царское лице. Экипажъ медленно двигался впередъ по направленію къ Невскому проспекту и когда раскольникъ Морозовъ завидѣлъ лице государя, то обомлѣлъ. Онъ въ первый разъ еще въ жизни былъ такъ близко къ своему царю... и преступная мысль, что онъ доселѣ называлъ антихристомъ того, котораго народъ называетъ посланникомъ небесъ, убила его.. кровь русскаго человѣка заговорила въ немъ и закипѣла какъ въ котлѣ. Взглянувъ на кроткое и взволнованное на этотъ разъ любовію народа лице царское, раскольникъ зарыдалъ отъ угрызенія совѣсти... и, когда народъ бросалъ одежду свою подъ выбиравшійся на Невскій проспектъ царскій экипажъ, онъ самъ рынулся подъ лошадей... и, лишившись чувствъ, едва былъ спасенъ отъ погибели....

Ночью, пришедши въ себя, Морозовъ сжегъ въ своей квартирѣ кожаныя книги, исполненныя хулы на царя своего, проклялъ все свое мрачное прошлое и, павши предъ образами на колѣни, слезно, въ раскаяніи, промолился на голомъ полу до утра, посыпавъ пепломъ сожженныхъ книгъ свою повинную голову.....

IX.

Исторія, случившаяся съ Морозовымъ на Адмиралтейской площади, достигла до слуха близкихъ къ престолу людей. Опредѣлено было отобрать отъ искренно раскаявшагося старика подробное о немъ свѣдѣніе. И вотъ къ Морозову, чрезъ день послѣ происшедшаго съ нимъ, явилось одно высокопоставленное лице, исполняя возложенное на него порученіе. Исповѣдь старика предъ посланнымъ была искрення: онъ чистосердечно разсказалъ о своей дочери, заключенной въ скитъ и женихѣ ея, высланномъ въ отдаленный глухой городъ. По докладѣ о семъ кому слѣдуетъ, въ тотъ же

день чрезъ телеграмму вызванъ былъ въ Петербургъ молодой энтузіастъ изъ глухаго города. Чрезъ четыре дня онъ былъ уже въ Петербургѣ у высокопоставленнаго лица въ кабинетѣ.

— Вы не чувствуете ко мнѣ недовѣрія, молодой человѣкъ, — за то, что я тайный совѣтникъ? спросилъ хозяинъ дома своего гостя.

Долинскій промолчалъ.

— Такой мой вопросъ не долженъ удивлять васъ. Я знаю по разсказамъ ваше положеніе. Будьте откровенны со мною и выскажитесь мнѣ обо всемъ прямо.

— Я предупрежденъ объ васъ съ хорошей стороны, отвѣчалъ смущенно Долинскій.

— Я также боролся, отвѣчалъ гостю хозяинъ дома, — съ немощами людскими и наконецъ судьба позволила мнѣ достигнуть того положенія, въ которомъ вы меня видите теперь. Я пользуюсь полнымъ довѣріемъ нашего государя и на этомъ посту считаю для себя священнымъ долгомъ облегчать трудный еще пока въ нашемъ обществѣ путь истинно-честныхъ и съ горячею любовію стремящихся къ добру и правдѣ молодыхъ людей. Подробности обо мнѣ вы узнаете въ послѣдствіи, теперь же, полагаю, вы повѣрите мнѣ на слово въ этомъ?

— Въ вашихъ словахъ, проговорилъ Долинскій, — звучитъ искренность и, какъ мнѣ кажется, рисуется предо мною человѣкъ, о которыхъ я и подобные мнѣ позволяютъ себѣ только мечтать...

— Вы знаете исторію вашего нареченнаго тестя, которая съ нимъ случалась на Адмиралтейской площади, знаете его раскаяніе въ прежней своей жизни?

— Да, мнѣ все передано, отвѣчалъ Долинскій, — и я видѣлся сейчасъ съ старикомъ.

— Тѣмъ лучше! отвѣчало высокопоставленное лице. — Стало быть повторять этого нечего. Теперь два слова собственно о вашемъ положеніи. Если вы мнѣ

сколько нибудь довѣряете, то выслушаете меня, съумѣю ли я понять ваше положеніе. Всякое общество, въ особенности юное и быстро просвѣщающееся, можетъ указать на нѣкоторое число лицъ, по своему уму и избытку благородныхъ чувствъ, достойныхъ назваться передовыми. Такіе люди зовутся надеждою общества'.

— Да! отвѣчалъ Долинскій.

— Слушайте же дальше. Въ великой драмѣ жизни, каждый театръ имѣетъ свою уборную. Людямъ съ иниціативой нужно знать что дѣлается за кулисами житейской драмы, иначе они никогда не поймутъ, какъ говорятъ и двигаются актеры. Передовые молодые люди, о которыхъ мы говоримъ, воспитанные въ новыхъ правилахъ, внося новый элементъ въ жизнь, презираютъ закулисную жизнь общества, оттого тотчасъ же путаются въ дѣйствіяхъ; имъ подставляютъ ногу и они, спотыкаясь на первомъ шагу, въ своихъ самопожертвованіяхъ, дѣлаются игрушкою бездушныхъ плутовъ. Исполненные великодушныхъ стремленій, они обыкновенно чистосердечно безстрашны, строги къ недостаткамъ другихъ и съ пренебреженіемъ смотрятъ на невѣжество, говорятъ въ глаза самыя неопровержимыя истины, безпощадно казнятъ взяточничество и проповѣдуютъ обществу о нравственности. Имъ душно среди этихъ существъ и они могутъ дышать свободно только среди людей, которыхъ сердце открыто для всего разумнаго и человѣческаго....

— Душно, душно! бормоталъ Долинскій.

— Находясь въ той порѣ молодости, когда молодая кровь волнуется до шума въ вискахъ, они, въ своей восторженности, всегда подвержены крайностямъ, такъ что у нихъ никогда ни въ чемъ нѣтъ середины; для нихъ или все превосходно, изумительно и божественно, или отвратительно и чудовищно...

— Да! это правда, отвѣтилъ Долинскій.

— Участь такихъ людей, болѣе или менѣе, одинакова. Надорвавшись въ невѣжественной средѣ до истощенія силъ, наживши себѣ кучу враговъ, и въ старомъ, и въ маломъ, они сходятъ съ общественной арены, сопровождаемые смѣхомъ людей, среди которыхъ дѣйствовали такъ горячо, и измятые до изнеможенія, съ ожесточеніемъ въ душѣ, махнувъ рукой на свѣтъ, погружаются въ безвыходную апатію, потерявъ всякую надежду идти противъ враждебныхъ обстоятельствъ, которыя, какъ они видятъ, всюду гнутъ человѣка безъ милости и жалости, безъ причины и цѣлей... Съ жизнію и людьми они не мирятся часто до гроба, но тѣмъ не менѣе уже никогда не возстаютъ для полезной служебной дѣятельности отечеству.

— Все правда, все правда!... отвѣчалъ Долинскій.

— Другіе же изъ этихъ людей, обманувшись въ своихъ надеждахъ, незамѣтно для себя, особенно въ провинціи, втягиваются наконецъ, понемногу, въ эту тинистую жизнь съ ея мелочными, узкими интересами, съ ея мертвящимъ застоемъ и мѣщанскою моралью, принимаютъ въ ней свою роль и начинаютъ жить какъ и всѣ. Не правда-ли: въ первомъ портретѣ вы узнаете себя?

— Да, да! я съ вами согласенъ, говорилъ Долинскій, — но кто же тутъ виноватъ, и гдѣ исходъ изъ всего этого?

— Виновато главнымъ образомъ общество тѣмъ, что невѣжественно, вслѣдствіе чего, не умѣя относиться къ молодости и щадить ея порывы, становится къ ней въ крайнюю враждебную опозицію; вы же, — новые дѣятели, — тѣмъ грѣшите иногда, что забываете, что посредственность ничѣмъ такъ не оскорбляется, какъ истиннымъ превосходствомъ. Я не говорю, что мы не должны возвышать голоса противъ общественныхъ пороковъ и язвъ. Нѣтъ, будь все тихо и чинно, будь все комплименты и вѣжливости, какой просторъ былъ

бы тогда для шарлатанства и невѣжества! Не кому было бы изречь грозное слово правды; но только какъ это сдѣлать, — вотъ въ чемъ вопросъ! Нѣтъ истины, которой нельзя бы было растолковать человѣку, но только какъ передать ее, въ этомъ вся тайна ученія...

— Но что же дѣлать людямъ съ убѣжденіями?... возразилъ робко Долинскій. — Научите, укажите исходъ, я вамъ повѣрю! Въ вашихъ словахъ слышится искренность и благородство, искушенныя опытностію. Ужели молчать, когда у нихъ нѣтъ умѣнья говорить?

— Живой человѣкъ не можетъ не имѣть убѣжденій; не имѣть ихъ могутъ только или люди необразованные; неразвитые и тупые, или же безчеловѣчные; но энергія, при проведеніи высокихъ и благородныхъ убѣжденій въ жизнь, должна быть не судорожная, которая сходна иногда съ припадками горячки и всегда приводитъ только къ изнеможенію, но должна выражаться не только здоровьемъ, живучестію, долговѣчностію и силою въ перенесеніи всѣхъ тяжестей на пути жизненномъ, но еще крайнею осторожностію и умѣньемъ приносить пользу тамъ, гдѣ она возможна...

— Съ этими словами, проговорилъ Долинскій, — я хотѣлъ бы не согласиться, но не могу; они кажутся мнѣ убѣдительны.

— Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, вмѣсто дѣйствованія, тратитъ время въ ожесточенныхъ воплях, ожидая, чтобы къ нему пришли изъ другаго государства снять тяготѣющее надъ нимъ бремя. Кто знаетъ, какое великое дѣло экономія человѣческихъ силъ, тотъ долженъ понять, какъ важно для благосостоянія всякаго общества, чтобы всѣ его умныя силы берегли себя въ цѣлости и пристраивались лишь къ дѣйствительной полезной работѣ... Реформы намъ необходимы; безъ нихъ нѣтъ исторіи, въ нихъ совершается движеніе жизни; но задача лицъ, совершающихъ реформу, состоитъ не въ томъ, чтобы безполезно

сражаться съ мельницами, а въ строгомъ и неутолимомъ изученіи дѣйствительности и въ напряженнѣйшемъ и благоразумномъ соображеніи средствъ къ устраненію препятствій для сближенія тѣхъ, которые хотятъ сойдтись... и къ раздѣленію тѣхъ, которые не хотятъ быть вмѣстѣ и ищутъ другихъ сочетаній.

— И въ этомъ убѣждаюсь! проговорилъ Долинскій.

— На сильныя болѣзни потребны и сильныя лекарства. Потому нужна сильная воля, чтобъ дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ на общество, довести до сознанія чего нибудь темную массу, и главное, много довѣрія къ тому, кто станетъ проводить въ нее свое ученіе, иначе несмѣлый шагъ его, неудачный поступокъ взволнуетъ самолюбіе и возбудитъ упрямство; и тогда дѣло будетъ проиграно... Лишняя жертва принесена безполезно. Общество безжалостно заклеймитъ позоромъ проповѣдника и будетъ только тупо ухмыляться при видѣ его мученическихъ конвульсій... Вѣрите-ли вы мнѣ въ этомъ?

— Чѣмъ больше слушаю я васъ, отвѣчалъ Долинскій, — тѣмъ яснѣе начинаю понимать свое положеніе и убѣждаться, что я теперь понятъ вами такъ, какъ, быть можетъ, я самъ себя никогда бы не понялъ... Не правда ли? Я жертва изъ неумѣлыхъ и надорванныхъ напрасно?

— Нѣкоторые старые путешественники находятъ удовольствіе пугать молодость и неопытность, я же все, что сказалъ вамъ, сказалъ совсѣмъ съ иною цѣлію. Вы не пугайтесь тѣмъ, что вы при вашемъ умѣ и честномъ взглядѣ, при вашей энергіи, совершенный младенецъ въ жизни... Прошедши чрезъ огонь внутреннихъ терзаній и горя, наболѣвшись вдоволь о людяхъ, вы можете быть еще дороже нашему отечеству, если воспользуетесь опытами вашей жизни и тѣмъ, что я доселѣ вамъ сказалъ откровенно и, смѣю думать, честно. Кто часто спотыкался, тотъ научается легче

вставать и держаться потомъ крѣпче на ногахъ. Я имѣю приказаніе опредѣлить васъ въ министерство и дать вамъ болѣе просторный ходъ для полезной дѣятельности. Независимо отъ сего я долженъ сказать вамъ, что старикъ Морозовъ простилъ въ моемъ присутствіи свою дочь и далъ согласіе на бракъ съ любимымъ ею человѣкомъ. Вамъ остается поскорѣе поѣхать и взять свою невѣсту изъ скита, гдѣ она заключена. Вотъ маршрутъ къ этому раскольничьему скиту. Поѣзжайте съ Богомъ. Счастливо вамъ возвратиться сюда обратно!

X.

По странному, роковому стеченію обстоятельствъ, въ одинъ и тотъ же день и почти часъ описаннаго нами разговора Долинскаго съ высокопоставленнымъ лицемъ въ Петербургѣ, вотъ что происходило въ глухомъ Евпраксиномъ раскольничьемъ скитѣ.

Надежда Павловна получила въ это число изъ своего города письмо, писанное почеркомъ одной подруги, въ которомъ извѣщалось о смерти Долинскаго, причемъ приложены были, для бóльшей достовѣрности, и кое какіе документы, имѣвшіе форму оффиціальныхъ. Первымъ движеніемъ молодой дѣвушки, по прочтеніи этого письма, было пасть на колѣни предъ образомъ Божіей матери и Неумолимыя печали и выплакать свое всесокрушимое горе... Съ тѣхъ поръ, какъ несчастная поступила въ скитъ, она никому не довѣряла своихъ тайнъ, ни предъ кѣмъ не проливала своихъ слезъ, кромѣ какъ предъ ликомъ Божіей Матери. Положеніе ея въ скиту походило на положеніе человѣка, за-живо схороненнаго, который, очнувшись отъ летаргическаго сна, ощупью пробирается сквозь мракъ катакомбъ, ища какого нибудь исхода. Надежда Павловна искала исхода изъ своего положенія въ одной молитвѣ. Кто-то сказалъ, что для того, чтобы находить услажденіе въ одиночествѣ, нужно быть или ангеломъ, или скотомъ. Молодая дѣвушка не чувствовала себя ни наравнѣ съ ангеломъ, ни на одной ступени съ послѣднимъ. Но она имѣла въ сердцѣ своемъ любимый образъ дорогаго человѣка, и это было достаточно для того, чтобы ея одиночество выносилось. Какъ свѣточъ, огонь любви горѣлъ въ ея сердцѣ, и этотъ огонь не давалъ остыть членамъ разбитаго горемъ тѣла. Съ этою горящею лампадою въ душѣ, дѣвушка молча подчинялась своему положенію и выносила все безобразіе жизни, ее окружающей. А безобразіе это было велико! Безумная страсть скитницъ къ бѣглымъ попамъ и монахамъ „превосходила все что можно себѣ вообразить". Ихъ болѣе всего тѣшила запрещенная свобода, которою онѣ пользовались, чтобы видѣться съ любовниками своими. Были въ скитѣ такія Элоизы, которыя по недѣлѣ проводили самую животную жизнь въ кельяхъ своихъ въ усадительной бесѣдѣ съ своимъ избраннымъ Абеляромъ... Чтобы прикрыть бѣглаго любовника, скитницы притворялись больными и смѣло получали возможность держать его по мѣсяцу въ своей кельѣ. Одна скитница цѣлый годъ видалась съ бѣглымъ попомъ по три раза въ день: утромъ онъ жилъ на чердакѣ, немного позже въ чуланѣ, а послѣ обѣда являлся въ келію своей духовной дочери бесѣдовать съ нею до утра. Другая скитница, живя въ губернскомъ городѣ, питала страсть къ одному пѣвчему архіерейскому, изъ православныхъ, и имѣла на столько романической твердости, что, будучи заключена въ Евпраксинъ скитъ, оставалась вѣрна ему цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ переписывалась съ нимъ, мѣнялась подарками и отъ времени до времени видѣлась тайкомъ на скитскомъ кладбищѣ. Когда же пѣвчій женился наконецъ и оставилъ свою жертву на безвыходное одиночество, то дѣ-

вушка повѣсилась въ кельѣ на своемъ поясѣ, накинутомъ на дверной крючокъ... Словомъ, вся обстановка Евпраксина скита была способна сбить съ толку умъ и совратить съ истиннаго пути совѣсть и сердце, и Надя молила небо о томъ, чтобы оно сохранило невредимымъ ея бѣдный разсудокъ.

„Что мнѣ дѣлать? задавала она себѣ не разъ вопросъ. Куда дѣваться? Къ кому прибѣгнуть? Съ одной стороны — тюрьма, съ другой — другая, всюду отчаяніе и одиночество! Если жестокая судьба столько обстоятельствъ нагромоздила противъ меня, то неужели же не найдется хотя какой нибудь законъ для моей защиты?“ И бѣдная дѣвушка послѣ этихъ вопросовъ уходила внутрь себя, переселялась въ свой внутренній міръ воспоминаній о любимомъ человѣкѣ и надежды рано или поздно соединиться съ нимъ, отдаться ему вполнѣ. Эти самоуглубленія, эти мечты она доводила даже до поэзіи... и благодарила небо, давшее ей образъ, могущій поэтизировать горечь ея изгнанія, заставить ее полюбить самыя свои оковы и примирить свое влюбленное сердце съ однообразнымъ бездѣйствіемъ, съ монотонной тишиной... Когда же роковымъ извѣстіемъ вырвали у Надежды Павловны изъ сердца любимый ею образъ, то лампада въ груди ея мгновенно потухла... Она быстро впала въ смертельное уныніе; ей казалось, что какая-то желѣзная рука сжала ей горло; она задыхалась... Въ ночь, послѣ полученія извѣстія о Долинскомъ, ей не спалось. Пробило часъ. Въ это мгновеніе она выронила изъ рукъ зажженную свѣчу, которая, упавъ на полъ, потухла... Странное предзнаменованіе! У дѣвушки мелькнула мысль тоже потухнуть.... умереть.... Но какъ? Оставшись подъ окномъ въ темной комнатѣ, она стала задумчиво глядѣть въ него. Небо было застлано облаками, быстро носимыми вѣтромъ. На краю горизонта кое-гдѣ мерцалъ лучъ какой-то затерявшейся звѣздочки и луна, окутанная въ

густой туманъ, дрожащимъ свѣтомъ обливала стѣны глухаго скита. Глубокое молчаніе изрѣдка прерывалось вѣтромъ, и снова все смолкало кругомъ.

„Прошлое, думала Надежда Павловна, умерло для меня, будущность тоже; воспоминанія мои сдѣлались тщетными грезами, надежды преступленіемъ... Что же мнѣ дѣлать теперь? Доселѣ, имѣя въ душѣ своей образъ любимаго человѣка, я чувствовала себя если не счастливой, то, по крайней мѣрѣ, спокойной въ надеждахъ. Душа моя, углубившись, сосредоточившись сама въ себѣ, создала мнѣ особый скитъ, внутри самаго скита. Въ оградѣ моего убѣжища, въ которомъ я вела уединенную жизнь, я была еще счастлива надеждою рано или поздно соединиться съ моимъ женихомъ. Теперь же что мнѣ остается дѣлать?“

Луна, выплывшая внезапно изъ-за облаковъ, освѣтила на минуту колодезь скитскій. Навѣсъ надъ колодцемъ показался Надѣ голубцомъ могильнымъ, и въ головѣ ея мелькнула мысль найдти себѣ въ этомъ колодцѣ могилу...

XI.

Между тѣмъ, когда вѣсть объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости достигла губерніи, гдѣ находилась огромная миліонная фабрика Морозова, и 4000 рабочихъ изъ раскольниковъ прочли присланный имъ мѣстною полиціею манифестъ 19 февраля, то умиленію русскихъ людей, научаемыхъ доселѣ, что русскій царь есть антихристъ, не было конца... Первая мысль, которая пришла имъ въ голову подъ впечатлѣніемъ выслушаннаго ими манифеста, была о томъ, что ихъ доселѣ обманывали коноводы раскола, разлучая ихъ изъ своей корысти съ царемъ русскимъ. Раздраженіе на хозяина, у котораго они работали *за полцѣны*

именно потому, что они раскольники.... и большею частію убѣжавшіе кто отъ консисторіи, кто отъ становаго, сдѣлалось всеобщимъ...

— Мы обмануты! слышались голоса;—*изъ насъ высасывали только кровь миліонеры!...* Идемъ къ царю-батюшкѣ и раскаемся предъ нимъ во всемъ!.. Буря разыгрывалась все сильнѣе и сильнѣе. Прикащики, разодѣтые въ бобры, начали угрожать бунтовщикамъ военною командою. Этого было достаточно для того, чтобы туча разразилась, наконецъ, громомъ... Смѣльчаки ночью же подожгли въ разныхъ мѣстахъ миліонную фабрику Морозова и разбѣжались всѣ по разнымъ губерніямъ, кто откуда пришелъ, съ полнымъ раскаяніемъ въ душѣ... И горѣла цѣлыхъ два дня громадная фабрика Морозовыхъ со всѣмъ товаромъ, находившимся въ ней, и въ эти два дня погибло все миліонное добро нѣкогда мужика и чуть ли не бурлака раскольника, темными путями съ помощію раскола нажитое.

Вѣсть о разореніи отца дошла на другой же день до дочери его Надежды Павловны.

— И такъ теперь я нищая! было первымъ словомъ дочери. Что-жъ? это кстати! Нѣтъ жениха. Само Провидѣніе ведетъ меня къ одному концу...

И мысль, найдти себѣ въ колодцѣ могилу загорѣлась въ ней съ новою силою.... Мученица скитская начала неотложно приготовляться къ этой могилѣ.

Въ эту же ночь, когда на часахъ пробило 10, „раскольничья дочка" стала собираться въ жизнь новую, безмятежную...

XII.

Мѣрно стучалъ часовой маятникъ въ келіи Надежды Павловны. Тихо шумѣлъ вѣтеръ надъ глухимъ скитомъ. Въ углу келіи предъ иконою Божіей матери тускло

горѣла лампада. Молодая дѣвушка, смертельно убитая двумя роковыми извѣстіями, опустившись на стулъ, соображала, какъ лучше проститься ей съ жизнію.... Она то обращалась къ иконѣ, то брала себя судорожно за голову обѣими руками, то падала на постель и обливалась слезами. Наконецъ, одѣвшись въ вынутое изъ комода бѣлое кисейное платье, назначаемое для причащенія въ церкви, и, надѣвши на голову цвѣты, снятые ею съ иконы, она подошла къ зеркалу.

— И такъ, я невѣста, сказала она, любимаго мною человѣка и должна умереть невѣстою его, какъ и онъ умеръ моимъ женихомъ! Нѣтъ жениха, отецъ разоренъ, зачѣмъ же мнѣ жить?

Съ этими словами дѣвушка зажгла всѣ свѣчи въ своей келіи и, взявъ въ руки восковую свѣчку, которую перевязала обручальною лентою, опустилась на колѣни предъ иконою для прощальной молитвы...

— Тебѣ, матерь Божія, говорила она голосомъ скорби,—извѣстны глубокія страданія человѣческаго сердца! Ты переносила ихъ на крестѣ твоего сына. Ты мать, и тебѣ доступнѣе женское горе. Не осуди меня и умоли сына твоего о прощеніи мнѣ невольнаго моего грѣха. Я не могу долѣе жить; я не должна жить!

И припавъ къ холодному полу лицемъ, молящаяся оставалась предъ иконою неподвижно. Ударилъ въ чугунную доску скитскій привратникъ, и глухіе звуки погребальнымъ звономъ отозвались въ сердцѣ вдохновившей молитвою дѣвушки...

— Это для меня! невольно вырвалось изъ болѣзненной груди ея. — Да, для меня! Меня хоронятъ... Меня выживаютъ изъ этого міра... И я медлю, и я заставляю жениха своего ждать себя. Иду, иду къ тебѣ, другъ милый!

И Надя быстро направилась къ двери своей кельи, но, окинувъ глазами комнату, остановилась на минуту.

Снявъ съ стѣны икону Богоматери, она благословила ею себя и сквозь слезы проговорила:

— Прощай, жизнь! Прощай, отецъ. Прости мой лучшій другъ, Аделаида Ивановна! Твоя Надя идетъ къ человѣку, котораго разъ навсегда избрало ея сердце... и ты благословила. Простите всѣ, которымъ, подобно мнѣ, предстоитъ выбиваться изъ заколдованной, темной и душной раскольничьей семьи! Моей судьбы вы не пугайтесь. Учитесь, пробивайте себѣ *новую дорогу*, любите, но отыскивайте людей достойныхъ, хотя бы не изъ вашей среды и хотя бы требовалось для этого бѣгство изъ душной темной семьи... Будутъ при этомъ жертвы, нельзя же безъ нихъ, но за то вы разрушите, наконецъ, стѣну, 200 лѣтъ раздѣляющую темный міръ отъ міра лучшаго, отъ міра умнаго, свѣтлаго и болѣе счастливаго, чѣмъ въ какомъ живете вы. Простите!...

Чрезъ минуту фигура въ бѣломъ платьѣ и съ фонаремъ въ рукѣ проскользнула мимо скитскаго привратника и быстро опустилась въ колодезь. Съ шумомъ и рѣзкимъ гуломъ всплеснула вода въ колодцѣ и заставила вздрогнуть караульнаго. Дозорный кинулся къ колодцу, но поздно. У Нади съ жизнію расчетъ былъ конченъ...

Сбѣжались скитницы на тревогу караульнаго, бившаго въ чугунную доску, какъ въ набатъ, принесли зажженные фонари, вынули тѣло покойницы и въ ужасѣ отступили отъ холоднаго трупа, одѣтаго подъ вѣнецъ... Погрязшія въ голомъ развратѣ по расчету скитницы всѣ до единой бросили камень осужденія въ чистую, какъ хрусталь, любовь пылкой и честной дѣвушки....

Чрезъ два дня послѣ похоронъ Нади на скитскомъ кладбищѣ, пріѣхалъ изъ Петербурга въ „Евпраксинъ скитъ“ Долинскій. Нужно ли говорить о его отчаяніи, о томъ, что онъ цѣлые сутки лежалъ въ онѣмѣніи на холодной могилѣ, скрывшей въ себѣ самое горячее

сердце... и всѣми силами души проклиналъ Бюргера, фальшивою рукою написавшаго, преслѣдуя свои планы, письмо къ его дорогой Надѣ...

XIII.

Въ поѣздкѣ 1866 года, предъ Пасхой, мой путь лежалъ чрезъ лѣсъ. Длинными сплошными уступами тянулись предъ глазами синѣющія громады густаго бора; весь кругозоръ былъ охваченъ лѣсомъ, и тусклый стальной туманъ висѣлъ надъ неподвижной и молчаливой массой деревъ. Чѣмъ-то мертвеннымъ, хотя и величавымъ, вѣяло со всѣхъ сторонъ бора. На дворѣ стоялъ конецъ апрѣля, и большія жидкія сѣрыя тучи плыли тихо по высокому небесному своду. Кругомъ все было нѣмо, холодно и грозно въ тоже время. Малоснѣжная зима не пощадила даже дубовъ и ясней. Обнаженные, кое-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ серебристой безлиственной березой, на которой въ свою очередь торчали толстые, сухіе, мертвые сучья. Со многихъ деревъ кора долой спадала, иныя вовсе повалились и гнили, словно трупы на землѣ. Статные, могучіе стволы сосенъ величаво чернѣли среди рябины и липы, стройно рисуясь въ блѣдномъ туманѣ небосклона. Пестрые дятлы глухо стучали порой по толстой корѣ дуба, зайцы осторожно перебѣгали по проталинамъ. Апрѣльскіе лучи солнца живили отталую землю, и влажный воздухъ сладко раздражалъ грудь. Легкій весенній вѣтерокъ, порхая между обнаженными стволами деревъ, обдавалъ по временамъ запахомъ разрытой земли.

Весна видимо вступала въ свои права.

Лошади мѣрно шлепали ногами по рыхлой грязи узкой лѣсной дороги, кучеръ молчаливо сидѣлъ на козлахъ. Вдругъ мелькнула въ голубомъ оврагѣ церковь,

показались два, три зубца каменной стѣны съ башнями, и снова все исчезло. Сплошной стѣной надвинулся опять густой ельникъ, закраснѣли снова голые стволы сосенника и опять потянулся густой, смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустарниками черемухи и рябины.

— Скажи, кучеръ, что за бѣлыя стѣны и куполъ церковный мелькнули передъ нами? спросилъ я ямщика.

— То мирная обитель, отвѣчалъ набожный крестьянинъ и, скинувъ шапку, перекрестился трижды.

— Знатна и богата эта обитель?

— Не богатствомъ славится она, сказалъ ямщикъ,— а великими трудами старцевъ. Въ ней спасающіеся носятъ желѣзныя вереги на шеѣ и поясья на тѣлѣ съ стальными острыми иглами.

Обитель мира и успокоенія страстей, невольно проговорилъ я, и сердце трепетно сжалось, точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Тутъ люди, думалъ я, прощаются съ жизнію, тутъ нѣтъ надеждъ, нѣтъ возврата обольстительнымъ мечтамъ, тутъ льются изъ глазъ скупыя, позднія капли слезъ и пріучаются къ смиренію, къ горькимъ словамъ: прости и навсегда! Тутъ стараются забыть прошлое, не оглядываются назадъ, не стремятся туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга. Тутъ люди, забытые міромъ.

И мнѣ захотѣлось посмотрѣть эту строгую обитель.

Ямщикъ свернулъ въ монастырскій дворъ и дорогою разсказалъ мнѣ объ иноческихъ подвигахъ отшельниковъ и суровыхъ трудахъ нѣкоего старца, бывшаго прежде раскольникомъ.

— Богачъ въ раскольникахъ былъ, таинственно говорилъ разскащикъ, — а теперь носитъ въ три пуда вереги на шеѣ, дважды лишь въ недѣлю хлѣбъ съ водою принимаетъ.

— Что за догадки? думалось мнѣ, и желаніе видѣть такого подвижника перешло въ томительное любопытство.

Скоро ямщикъ мой довезъ меня до обители, и послѣ долгихъ переговариваній со старцемъ и увѣреній, что заѣзжій путешественникъ желаетъ побесѣдовать съ строгимъ отшельникомъ, я былъ впущенъ наконецъ въ его келью. Провожатый оставилъ меня и вернулся къ своимъ лошадямъ.

При входѣ въ келью взорамъ моимъ предстала высокая фигура сѣдаго старика, значительно истомившаго свое тѣло, но сохранившаго еще сильный огонь въ глазахъ. Видъ келіи былъ страшно мраченъ. Каменный изъ плитъ полъ, голыя съ трещинами стѣны, одно узкое съ мелкимъ переплетомъ окно, досчатая скамейка въ углу и двѣ иконы съ двумя горящими лампадами, предъ которыми стоялъ кожанный аналой съ евангеліемъ,—все это производило какое-то особое впечатлѣніе на душу.

При входѣ моемъ инокъ приподнялся со скамейки и просилъ присѣсть, впиваясь въ меня своими проницательными глазами. При движеніи отшельника послышалось тяжелое хрустѣніе его костей, вѣроятно отъ трехпудовыхъ, какъ носился слухъ, веригъ, сокрытыхъ подъ его черною, широкою одеждою. Я сказалъ о себѣ; инокъ повелъ рѣчь объ обители, въ которой поселился уже четыре года и въ которой такъ быстро старилъ не по днямъ, а по часамъ, о строгости правилъ обители, которая тѣмъ и славится, что пустынна, малолюдна и составляетъ строгое убѣжище для отрекшихся отъ міра людей, а не удобное помѣщеніе для тунеядцевъ, затѣмъ перешелъ къ вопросу о цѣли моего посѣщенія.

— Ты молодъ, обратился онъ съ рѣчью ко мнѣ: — зачѣмъ же тебѣ захотѣлось быть среди полумертвых отшельниковъ?

Я сказалъ о своей любознательности вообще и въ частности о томъ, что заинтересованъ личностію своего собесѣдника не только какъ простаго отшельника, но какъ *раскольника* и притомъ бывшаго багача, каковой переходъ, выразился я, отъ богатства къ отшельнической скромности, отъ почестей къ смиренію и, наконецъ, отъ раскольнической догмы къ православію, для меня необъяснимъ и составляетъ загадку...

— А ты бы хотѣлъ, добрый человѣкъ, отгадать эту загадку?

— Да, говорю, и записать ее вмѣстѣ съ отгадкою на память и въ назиданіе другимъ.

— Такъ ты пишешь книги?

— Пишу, отвѣчалъ я.

Отшельникъ мгновенно перемѣнилъ тонъ, движенія и рѣчь, и вскорѣ, послѣ обмѣна нѣсколькихъ уже довѣрчивыхъ словъ и объясненій, мы открылись другъ другу какъ люди, способные понимать одинъ другаго. Старикъ подалъ мнѣ въ мѣдномъ чайникѣ настою изъ мяты, который употреблялъ вмѣсто чая, и предложилъ какъ угощеніе. Разговоръ нашъ перешелъ наконецъ въ откровенный. Я высказалъ знакомство съ жизнію раскольниковъ, книжное и отчасти практическое, и изъявилъ неотступное желаніе выслушать исторію жизни своего собесѣдника.

— За свою жизнь я въ отвѣтѣ передъ однимъ Богомъ, сказалъ тревожно и какъ-то глухо старикъ; — но такъ какъ грѣшники древніе раскаявались и предъ людьми, чтобы ихъ раскаяніе послужило для потомковъ назиданіемъ, то и я скажу тебѣ свою жизнь, но именно потому только, чтобы ты записывалъ все слышанное и передалъ какъ урокъ тѣмъ, кто захочетъ воспользоваться имъ.

— Ты вѣрно убійца? сорвалось у меня невольно съ устъ.

— Хуже! отвѣчалъ отшельникъ и мгновенно перемѣнился въ лицѣ. Кости его снова захрустѣли подъ рясою и руки судорожно сжались. — Я Морозовъ, сказалъ строгій отшельникъ, — извѣстный своимъ богатствомъ, и когда ты выслушаешь мою жизнь, то самъ рѣшишь: грѣшнѣе ли я убійцы?

Съ этими словами мрачный отшельникъ тяжело опустился на скамейку и разсказалъ мнѣ свою жизнь, которую я и записалъ для читателей.

Черезъ мѣсяцъ по выслушаніи настоящей исторіи, на обратномъ пути изъ своей поѣздки, мы сдѣлали большой крюкъ, чтобы заѣхать въ „Евпраксинъ скитъ" и вглянуть на могилу „раскольничьей дочки". За стѣнами скита стояла распряженная тройка и возница; на вопросъ нашъ, чьи лошади? отвѣчалъ — мои! Кто пріѣхалъ? — Баринъ, который пробудетъ здѣсь до утра. Оставивъ своихъ лошадей по другую сторону скита, мы вошли въ ворота „мертваго дома" и направились прямо на кладбище. Солнце уже сѣло, и по майскому небу тихо плыли низкія, дымчатыя тучки. Трава не шевелилась, жадно поглощая вечернюю влагу; деревья на кладбищѣ томно трепетали своими свѣжими листьями. Прислонившись къ плакучей березѣ, стояла надъ одной могилою фигура въ дорожномъ плащѣ. То былъ Долинскій, могила же—могила его невѣсты Нади! Онъ пріѣхалъ въ губернію изъ Петербурга съ сенаторомъ ревизоромъ и при первомъ же удобномъ случаѣ отправился на перекладныхъ въ скитъ, на могилу своей невѣсты. Долинскій шелъ шибко по службѣ и предназначался скоро въ вице-губернаторы. Предъ взоромъ его возвышался безмолвно могильный холмъ, засыпавшій преждевременно цѣлый прекрасный міръ. Съ сумерками небо очистилось. На кладбищѣ установилась тишина, та кроткая тишина, нарушить которую не рѣшаются даже безвинныя птицы. Вошелъ мѣсяцъ и бѣлымъ саваномъ одѣлъ одинокую могилу Нади. Освѣ-

щенное матовымъ свѣтомъ лице Долинскаго выражало глубокую скорбь и сильное, затаенное горе.... Онъ ближе наклонился къ свѣжему холму могилы и, раскинувъ плащъ надъ дорогимъ прахомъ своей невѣсты, тихо опустился на землю. Здѣсь въ тайнѣ, какъ древній жрецъ, онъ приносилъ священную жертву своей любви, своему кумиру—Надѣ, и свидѣтелемъ этого жертвоприношенія была лишь нѣмая природа...

На могильномъ холмѣ своей невѣсты Долинскій далъ себѣ слово не жениться и остаться вѣрнымъ своей Надѣ. Да, такіе люди иначе и не поступаютъ. Полюбивши разъ глубоко и честно, они никогда не осквернятъ того жертвенника, на которомъ разъ возженъ былъ свѣтильникъ чистой и непорочной любви...

II.

РУСАНОВЪ

БѢГЛЫЙ РАСКОЛЬНИЧІЙ АРХІЕРЕЙ.

Въ 186* году довелось мнѣ быть въ селѣ Бѣлый-Ключъ и остановиться по дѣламъ дня на два, на три. Село расположено среди распаханныхъ полей, близь оврага, опушеннаго лѣсомъ; нѣсколько кусковъ ракитъ, березъ и ветельника составляли все богатство растительной природы края. Мужики этого села были большіе краснобаи, и разсказамъ ихъ о прежней жизни не было конца... Жили они послѣ 19-го февраля 1861 года на волѣ и значительно поопpy правились. Въ селѣ виднѣлось много новыхъ сосновыхъ срубовъ. Всѣ обыватели глядѣли смѣлѣе, занимались торгомъ, чему способствовало положеніе села на большой дорогѣ, и носили, вмѣсто прежнихъ лаптей, сапоги, смазанные дегтемъ. Избы ихъ видимо стояли какъ-то прямѣй, ворота плотно запирались, плетни и заборы не вываливались наружу и не звали въ гости всякую прохожую свинью. Въ избѣ, занимаемой мною и стоявшей на краю села, было довольно чисто. На стѣнахъ красова-

лись картины: объ освобожденіи крестьянъ, молитва православнаго народа въ 19-е февраля и т. п. Между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ и не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Я сѣлъ къ растворенному окну за вечернимъ чаемъ и глядѣлъ на улицу. Молодой парень, собиравшійся въ ночную съ лошадьми, появился на завалинѣ съ большой бѣлой жестяной кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной чашкѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на скамейку, прислонился къ забору и началъ уписывать, съ улыбкой поглядывая кругомъ. Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, кудрявый и краснощекій, ѣхалъ верхомъ на водопой и съ трудомъ удерживалъ пѣгаго жеребца. Противъ моей квартиры, близь опушки оврага, на расчищенной и разработанной полянѣ стоялъ одиноко этапъ, обнесенный желтымъ высокимъ заборомъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, выкрашенныхъ желтою краскою. У воротъ этапа инвалиды тревожно посматривали на большую дорогу и видимо кого-то ждали. День былъ лѣтній и тихій. Дневной знойный воздухъ давно замеръ, вечерній холодокъ живительно стлался по селу и пахнулъ мнѣ въ растворенное окно.

— Этапные, этапные идутъ! раздалось вдругъ на улицѣ.

И улица мгновенно наполнилась высыпавшими изъ домовъ ребятишками. Мужики, прислонившись къ заборамъ, ожидали партіи. Бабы высовывали головы въ окна и кричали на ребятишекъ. На улицѣ показалась партія ссыльныхъ, и звукъ кандаловъ ихъ тоскливо раздавался въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. Сѣрые армяки запестрѣли предъ окнами и поворотили круто къ этапу. Партіонный офицеръ, взглянувъ на мое растворенное окно и стоявшій на столѣ самоваръ, какъ-то странно улыбнулся и будто полукивнулъ головой. Я

тотчасъ догадался, что онъ радъ былъ этой встрѣчѣ; и едва ворота этапа затворились, какъ я уже былъ у партіоннаго, славнаго малаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Черезъ пять минутъ мы оба пили чай въ моей квартирѣ. Среди разговора о томъ, о семъ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что у него въ партіи идетъ въ Сибирь арестантъ *раскольничій архіерей,* съ которымъ онъ не разъ говорилъ и который, по его наблюденію, замѣчательная личность.

— Можно съ нимъ говорить? спросилъ я партіоннаго.

— Отчего же нѣтъ? Онъ заинтересуетъ васъ.

— А есть еще замѣчательные субъекты въ вашей партіи?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ партіонный.—Есть два головорѣза, три убійцы своихъ женъ, одна дѣвушка, утопившая свое дитя, и человѣкъ десять поджигателей лѣсовъ. Прочіе все, кажется, мазурики — кто судился за взломъ амбаровъ, сундуковъ, кто просто за конокрадство.

— Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, сказалъ я офицеру этапному, — если бы позволили раскольничьему архіерею побывать у меня здѣсь, разумѣется, въ сопровожденіи надлежащаго караула.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ офицеръ.

Чрезъ полчаса нашей бесѣды я распрощался съ партіоннымъ, а чрезъ часъ сидѣлъ въ моей квартирѣ и раскольничій архіерей, по фамиліи Русановъ. Я далъ караульнымъ на водку и предложилъ имъ расположиться на крыльцѣ, или въ сѣняхъ, какъ они найдутъ для себя удобнѣе. Солдаты, довольные подачею, расположились на крыльцѣ. Мы остались съ Русановымъ въ избѣ двое, и я предложилъ ему чаю. Русановъ распоясалъ свой сѣрый армякъ и сѣлъ къ столу. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать физіономію замѣчательнѣе Русановой. Онъ былъ лѣтъ 40. Широкая борода его закрывала до половины бѣлое лице; изъ подъ сросших-

ся бровей смѣло глядѣли большие глаза. Носъ, заостренный книзу, придавалъ его физіономіи выраженіе *смышленое и бойкое.* Русановъ слегка оперся руками на столъ и сидѣлъ въ позѣ человѣка, далеко *не арестантской*... При малѣйшемъ его движеніи на стулѣ, ножные кандалы издавали непріятный звукъ, и лязгъ желѣза производилъ тяжелое впечатлѣніе на душу. Русановъ вздрагивалъ при этомъ звукѣ, и его какъ будто коробило. Долго у насъ разговоръ не клеился. Русановъ скрытничалъ, отнѣкивался, отдѣлывался полусловами, полурѣчами и наконецъ, когда я, своимъ *участливымъ* разговоромъ, своимъ неподозрительнымъ обращеніемъ и дружескимъ тономъ произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, онъ проговорилъ:

— Дѣлать нечего, такъ и быть, я разскажу вамъ исторію моей жизни безъ утайки! Вы человѣкъ, я вижу, знающій, ну и я *понаметался*-таки, — стало быть *понимать васъ могу!*

И Русановъ началъ свой разсказъ, который мы передаемъ читателямъ, раздѣливъ его на главы.

I.

РАСПРОКЛЯТОЕ ЖИТЬЕ.

Жилъ я, сударь мой, въ 1845 г., въ р—ской губерніи и былъ помѣщичьимъ *рабомъ*, не простымъ, однако, мужикомъ, а конторщикомъ въ конторѣ князя Б...го. Скверный, скажу вамъ, былъ человѣкъ этотъ князишко: мотъ, тиранъ, развратникъ, въ деньгахъ счету не зналъ и разорялъ крестьянъ своихъ не приведи Господи какъ! Въ городѣ живетъ бывало — только и знай, что денегъ тысячами высылай ему изъ конторы; въ село пріѣдетъ — крестьянскимъ дѣвкамъ нѣтъ житья, а мужиковъ и бабъ по цѣлому дню деретъ въ конюшнѣ,

даже часто изъ *собственныхъ рукъ*... Какъ бойкій малый, я былъ отданъ имъ, по двѣнадцатому году, въ губернскій городъ для обученія конторскому занятію и вывезенъ потомъ въ деревню двадцати-трехъ лѣтъ, гдѣ и сталъ заправлять конторою барскою. Привелъ я эту контору князишкѣ въ порядокъ и зажилъ-было ничего—лучше крестьянскаго, но одно обстоятельство повредило тутъ мнѣ навсегда. Полюбилась мнѣ старостина дочка Прасковья Борисовна, да такъ полюбилась, что мы жить другъ безъ друга не могли; дня, не свидѣвшись, не могли пробыть! Личкомъ она была бѣленькая, глаза черные, коса полная, ручки совсѣмъ барскія. Говорила она мало и словно крадучись, а на людей смотрѣла всегда въ половину глазъ, изъ подъ рѣсницъ. Отецъ ея былъ хотя и староста, но человѣкъ небогатый, ну, и въ рукахъ барина! Челядь барская вся за ней гонялась и не давала покоя, но Параша, бывало, какъ сдвинетъ свои густыя брови, да какъ взглянетъ этакъ *гордо* изъ подъ черныхъ рѣсницъ на нахаловъ, такъ тѣ и не шелохнутся. Съ однимъ мною она была ласкова и привѣтлива. Ну, и я цѣнилъ ея любовь! День и ночь не выпускалъ ее изъ мыслей и дарилъ ей все, что только попадалось подъ руку въ городѣ. Стали мы и о свадьбѣ было поговаривать, какъ пріѣхалъ послѣ Пасхи на лѣто въ село князишка, которому наговорили про *гордость* Параши, про ея красоту и любовь ко мнѣ сердечную. Вскипѣлъ этотъ князишка желаніемъ увидѣть Парашу и отбить у меня... Какъ увидѣлъ онъ ее, такъ и сказалъ: „не видать, говоритъ, этому свиному рылу такой дѣвочки прежде меня!“ Два гайдука князишки схватили однажды вечеромъ Парашу на улицѣ и привели въ спальню къ барину... Сказываютъ, что она сильно билась и молила что было силъ — ничто не помогло! Когда съ Парашей остался одинъ гайдукъ, а другой пошелъ докладывать князишкѣ, что вотъ молъ *усобствовали* вашему

сіятельству эту дѣвчонку, Параша, не будь дурна, рванулась у гайдука въ сѣни, приперла его въ спальнѣ и, бросивъ свѣчку въ кудель, что была въ сѣняхъ, сама чрезъ гумно, да въ лѣсъ. Какъ овинъ сухой вспыхнулъ барскій домъ и гайдукъ чуть было не сгорѣлъ. Парашу кинулись искать. Привезли наконецъ ее въ село, заковали въ кандалы и посадили въ арестантскую. Что только было со мной, скажу вамъ, сударь, когда я увидѣлъ ее въ кандалахъ! Весь свѣтъ помутился у меня въ глазахъ... Лишился я хлѣба совсѣмъ, когда производили слѣдствіе о Парашѣ. Князишкѣ въ одинъ мѣсяцъ выстроили другой домъ; въ домѣ этомъ пьянствовали приказные до разсвѣта, и дѣло обдѣлали такъ, что черезъ годъ вышло рѣшеніе Парашѣ въ Сибирь. Я во все время слѣдствія ночевалъ каждую ночь у нея подъ окномъ и изнывалъ объ ея несчастной судьбѣ. Льетъ она, бывало, слезы ночью, а сама все проситъ меня не терзать себя и идти домой. „Простудишься", говоритъ. Когда отправили ее въ острогъ, я не вытерпѣлъ и уѣхалъ за ней въ городъ. А самъ все думаю: не жить мнѣ безъ Параши одному, не покину я ее изнывать въ тюрьмѣ и Сибири! Думалъ, думалъ я, да и рѣшился *бѣжать*... Тутъ услышалъ я, что Парашу выгнали уже въ дорогу. Отецъ, мать и семья ея воротились изъ города и ревутъ благимъ матомъ, инда земля стонетъ... „Живую, говорятъ, въ землю зарыли". Махнулъ я тогда рукой, перекрестился на крестъ своей церкви, тяпнулъ всю находившуюся казну въ конторѣ князишки, сѣлъ на верховую лошадь и уѣхалъ сначала въ лѣсъ, гдѣ скрывался недѣли двѣ, а потомъ и наѣхалъ на слѣдъ Параши. Гляжу, идетъ она въ партіи арестантской на работы въ заводы сибирскіе, и въ землю взоръ вперила; сѣрый армякъ подпоясанъ ремнемъ, рука скована съ рукой другой бабы. Облилось у меня сердце кровію. Однако я выдержалъ, и проѣхалъ благополучно мимо *сибирныхъ*. У

этапа въ деревнѣ я остался въ сторонѣ у воротъ поджидать Парашу. Долго показалось мнѣ время до вечера, когда въ сумерки, наконецъ, приблизилась партія къ этапу. У меня замерло сердце. Всѣ стали разбираться, кто въ этапъ, кто во дворъ.

— Здравствуй, говорю, Параша!

Какъ взглянула, сударь мой, она на меня, такъ и остолбенѣла. Зашаталась даже.

Я обнялъ ее и припалъ къ груди дѣвической.

Караульные спросили меня, кто я? я сказалъ, что братъ Параши.

— Иди прочь, тутъ не время растобаривать.

Однако я выпросился у нихъ за три рубля серебромъ видаться съ Парашею.

Тутъ разсказалъ я ей все и условился видѣться съ нею на этапахъ, то подъ видомъ путешественника, то богомольца, то идущаго на заработки.

Наконецъ мы разстались, и я шелъ за Парашей, какъ условился, до Сибири.

На работахъ Параша вяла-вяла, и словно свѣчка *догорѣла*,.. Я былъ на похоронахъ ея, своими руками вырылъ ей могилу, снесъ на своихъ плечахъ ея гробъ и не помню, какъ самъ замеръ на сырой землѣ. Меня подняли, допросили, потребовали вида и заподозрили *совсѣмъ*. Я разсказалъ всю правду, въ горячахъ, начальству. Меня засадили въ острогъ какъ бѣглаго и начали судъ да дѣло... *Озлился* я тогда до немоготы.

— Ужъ коли такъ, думаю, вы не хотѣли уважить моей горькой судьбы и страданій и засадили еще въ острогъ, такъ не достанусь же я вамъ! Будетъ, что сгубили одну душу. Выбралъ я ночь потемнѣй, разобралъ кирпичи у рѣшетки оконной, пустилъ кирпичемъ въ голову караульному и убѣжалъ изъ тюрьмы уѣздной сначала въ лѣсъ, а потомъ совсѣмъ долой изъ Сибири. И такъ я, значитъ, *совсѣмъ ужъ бѣглымъ*!

II.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Ходилъ я долго изъ губерніи въ губернію, изъ лѣса въ лѣсъ, скитаясь точно Каинъ, убившій брата своего Авеля. Днемъ и ночью не зналъ спокоя. Ляжешь, бывало, въ лѣсу подъ сосенкою, вздремнешь и только забредишь, какъ кто нибудь стукнетъ въ лѣсу, или вязъ отъ жару хряснетъ, ну и обомлѣешь. Вотъ тебя точно хватаютъ сзади и хотятъ заключить въ острогъ. Скверная эта *жизнь бѣглаго*, доложу вамъ! Лучше бы скорѣе гдѣ нибудь повѣсили. Пройдешь иногда по какому нибудь селу вечеркомъ и заглянешь въ избы. Всѣ сидятъ передъ лучиною—хозяинъ плететъ лапти, жена прядетъ, дочь шьетъ что нибудь, ребятишки клѣтки изъ щепокъ строятъ. Изба хоть, напримѣръ, небольшая — не царскія хоромы, а какъ подумаешь, что въ ней люди живутъ себѣ въ теплѣ и никого не страшатся, такъ и зависть сейчасъ возьметъ. Наконецъ, бродя вездѣ и проклинаючи свою жизнь, я наткнулся въ костромской губерніи въ одномъ лѣсу на отшельника. Жилье его я сначала принялъ за берлогу медвѣжью. Въ полугорѣ, близь ручья, подъ густыми кустами видѣлась дверь не дверь, а что-то похожее на западню. Спрятавшись въ кусты, я рѣшился подкараулить, кто тутъ живетъ? Пролежалъ день. Вечеромъ, какъ закатилось солнце, смотрю: вышелъ изъ западни сѣдой, какъ лунь, старикъ и, погрузившись въ воду три раза, одѣлся, поклонился на четыре стороны и скрылся опять въ западню. На другой день то же. На третій день я рѣшился познакомиться со старцемъ. Солнышко сѣло. Лѣсъ затемнѣлъ и загудѣлъ подъ вечеръ. Явилась на небѣ и первая звѣздочка. Старикъ вышелъ по прежнему изъ западни, искупался

въ ручьѣ, поклонился на четыре стороны и хотѣлъ идти въ свою пещеру. Я вылѣзъ вдругъ изъ-за кустовъ и сказалъ:

— Старецъ праведный! вижу, что ты стяжаешь себѣ вѣнецъ праведника. Не оставь меня твоимъ ласковымъ словомъ.

— Кто, говоритъ, ты такой? какъ сюда попалъ?

А самъ точно испугался и остолбенѣлъ.

— Не удивляйся, говорю; я — смирный человѣкъ и не бойся меня.

— Ты не разбойникъ, не тать?...

— Нѣту.

— Кто же ты?

— Бѣглый, но тихій и кроткій человѣкъ.

— Отъ кого же ты бѣгаешь?

— Отъ Сибири.

— Отъ Сибири? отъ *геены земной*?

— Да, говорю, отъ нея. Не отвергни!

Старецъ взялъ меня за руку и спросилъ:

— А какой ты вѣры?

— Самъ не знаю какой! не то православной, не то никакой.

— А хочешь, говоритъ, познать вѣру истинную?

— Хочу.

— Ну, иди со мною.

И мы вошли въ пещеру. Смотрю: горница просторная, но темная и мрачная. Полъ, стѣны и потолокъ деревянные, лавки каменныя и столъ каменный, а на немъ лежатъ книги кожаныя. Въ углу горитъ лампада предъ мѣдными складными образами. Кровати нѣтъ, а вмѣсто нея три шаршавые камня, покрытые кожей. У образовъ лѣстовки и ладонница. Окошко самое маленькое, выходитъ изъ подземелья наружу прямо въ кустъ, и величиною не больше четверти аршина. Въ углу изъ глины сложена печь, и вязанка дровецъ лежитъ за печью. Высѣченное изъ камня блюдцо стоитъ

на шесткѣ, и кузовокъ тутъ же съ хлѣбцемъ и грибами. Старецъ посадилъ меня на камень и сталъ разспрашивать о моемъ житьѣ-бытьѣ. Я разсказалъ ему все безъ утайки, отъ начала до конца.

— Вижу, говоритъ человѣкъ Божій,— что ты несчастенъ, что ты въ царствѣ сатаны гибнешь и страдаешь ни за што ни про што. Хочешь ли *миръ* душѣ обрѣсти и царствіе Божіе себѣ уготовить?

— Хочу.

— Ты грамотный?

— Грамотный.

— Божественныя книги читалъ?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно! Я разскажу тебѣ все.

И старецъ, сѣвши на другой камень, началъ свою рѣчъ:

— Я, сынъ мой, долго искалъ вѣры, *пыталъ* разныя вѣры, и наконецъ увидѣлъ, что истинной вѣры нѣтъ нигдѣ.... Всѣ бродятъ въ слѣпотѣ.... и *нищенствуютъ духомъ*.... Начальственныя лица *враждебны* къ намъ, почему изображаютъ собою истинныхъ слугъ антихриста. Народъ не знаетъ, что дѣлать съ собою. Да, сынъ мой! нѣтъ на землѣ истинной вѣры — я это чувствую, и, не нашедши нигдѣ чистой вѣры, ушелъ отъ людей въ пещеру и хочу спасаться одинъ. Не знаю, права-ли будетъ моя вѣра, но чувствую, что постомъ, молитвою и трудами я буду угоденъ Богу. Будетъ ли когда вѣра истинная на землѣ — не знаю, но по крайней мѣрѣ я умру съ спокойною совѣстью, что не осквернялся въ мірѣ и выбралъ себѣ на землѣ *жизнь по разуму*. Попытай ты теперь разныя вѣры; можетъ гдѣ и найдешь истинную вѣру; ты моложе меня, а если не хочешь пытать, то разумѣй, что истинная вѣра будетъ та, если ты послѣдуешь моему примѣру. Пусть бѣжитъ народъ въ лѣса и пещеры

отъ неправды, отъ разоренія, отъ нищеты.... пусть бѣжитъ отъ власти антихриста.

— Чтó же мнѣ дѣлать, старче праведный? сказалъ я.

— Прежде всего отрекись отъ царства сатаны и послѣдуй мнѣ, если не найдешь гдѣ нибудь истинной вѣры. Я чту древнюю церковь, когда архіереи и пастыри не были *наемники*, а истинные слуги христовы. Благочестивѣйшими и благовѣрными царя и всю царскую фамилію признаю тогда, когда они освободятъ народъ отъ притѣсненія начальства—слугъ антихристовыхъ, отъ разорительныхъ податей, отъ скверныхъ правителей, отъ невѣжества, лѣни и своекорыстія духовенства. О благоденствіи и долголѣтіи царя и царской фамиліи молюсь, но Богъ и безъ моей просьбы милуетъ царей своихъ, когда царь бываетъ любъ народу своему; за неимѣніемъ настоящихъ хорошихъ законовъ, я признаю одинъ законъ христовъ. Вотъ, сынъ мой, моя вѣра! Хочешь прими ее, не хочешь — поищи другой, лучшей!

Всю ночь я не уснулъ послѣ этихъ словъ старца, который простоялъ до утра на острыхъ камняхъ и битомъ стеклѣ голыми колѣнями. По утру, на зарѣ, онъ вышелъ изъ пещеры и, окунувшись трижды въ ручьѣ и поклонившись на четыре стороны—востоку, западу, сѣверу и югу, прилегъ часа на два. *Смутился* духъ мой тогда совсѣмъ! Я припоминалъ слова старца, повѣрялъ ихъ, соображалъ и видѣлъ, что онъ *сердитъ* очень на міръ весь и хочетъ другой жизни.

Вольному, думаю, воля, спасенному рай! Но слова его не выходили у меня изъ памяти. Такихъ словъ я еще никогда нигдѣ не слышалъ и не зналъ, чтó подумать объ нихъ.

Солнышко вошло въ дерево, какъ старецъ поднялся съ своей постели каменной и сталъ на утреннюю молитву.

Я смотрю на его длинную сѣдую бороду, на сухія руки и исхудалое тѣло. Слышу, высохшія кости его трещатъ при каждомъ поклоненіи. Глаза, постоянно обращенные къ небу, свѣтились кротостію и смиреніемъ. Длинная бѣлая рубаха, подпоясанная веревкою, ноги, обутыя въ деревянныя сандаліи, лѣстовицы въ рукѣ, лампады, горящія въ темнотѣ пещеры — все это понравилось мнѣ и такъ подѣйствовало на меня, что я захотѣлъ *подражать* старцу въ житіи. „Уйду изъ этого міра нечестиваго, отъ распроклятой жизни своей въ пещеру и буду спасать свою душу“, мысленно сказалъ я себѣ, когда принялъ благословеніе старца и простился съ нимъ. „По крайней мѣрѣ въ бѣгахъ никого бояться не буду... мірный пріютъ себѣ на землѣ найду и какую хоть нибудь вѣру обрящу!“

III.

Пытаніе себя.

И запала у меня, сударь ты мой, послѣ этого, крѣпкая дума, какъ бы въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвою спасти свою душу, и замолить прощеніе за убійство часоваго, за ограбленіе конторы. Стала мучить меня эта дума и, глядя на синеву дремучаго лѣса, я только и помышлялъ о томъ, какъ бы въ этомъ лѣсу келійку поставить и въ безмятежной пустынѣ Богу молиться, какъ бы дивіимъ овощемъ питаться и честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладывая и очи съ неба не спуская. Войду я, бывало, въ лѣсъ, вперю вдаль очи свои, стою и самъ ничего не слышу, а на душѣ такая сладость разольется, что инда слезы закапаютъ на сырую траву. Спустится ночь на землю, яркія звѣздочки, одна за другой, начнутъ вспыхивать на небѣ, полный мѣсяцъ выкатитъ изъ-за лѣса и серебристыми лучами разсыплется по лугамъ и рѣкѣ, а я не чувствую ни голода, ни холода, — стою на луговинѣ, и все думаю свою думу о спасеніи. Наконецъ я рѣшился вырыть себѣ пещеру въ коломенскомъ уѣздѣ, московской губерніи и поселиться въ ней. Съ мѣсяцъ я рылъ эту пещеру и однако кончилъ. Сдѣлалъ въ ней стѣны, полъ, потолокъ, лавки и смазалъ изъ глины печку. И наложилъ я на себя прежде всего постъ велій, такъ что кромѣ хлѣба да воды въ ротъ ничего не сталъ брать; насыпалъ у себя на полу битыхъ кремней и стеколъ и стоялъ на нихъ на колѣнахъ по трое сутокъ не вставая — по три тысячи поклоновъ въ сутки клалъ. День пошелъ за днемъ, годъ за годомъ. Прошло цѣлыхъ три лѣта, какъ я началъ подвизаться въ пещерѣ и славу ужъ пріобрѣлъ у людей. Стали меня посѣщать люди разные, чтобы бесѣду мою слушать — и о спасеніи души поговорить. Я принималъ къ себѣ всякаго, кто ни постучится у пещеры, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ христовымъ. Много всякаго народа насмотрѣлся я тутъ, и увидѣлъ, что всѣ-то *ходятъ въ потемкахъ*... ничего-то *не понимаютъ*... всѣ спрашиваютъ объ истинной вѣрѣ, а я и самъ не знаю ее! Смотрю, у меня борода длинная отросла, а мнѣ тогда еще было всего тридцать пять лѣтъ. Всѣ твердили, гдѣ ни послышишь, что воцарился антихристъ и *великое нечестіе по всей землѣ распространилось*; всѣ говорили о томъ, что нѣтъ правды на землѣ, всѣ люди, и судьи особенно, стали латинскую одежду носити и *пакости* на землѣ *творити*; что попы и архіереи православные небрегутъ о своей вѣрѣ, и сдѣлались не пастыри, а наемники, которые лишь толстѣютъ и деньгами карманы набиваютъ, что вѣры правой нѣтъ на землѣ, и надо искать ее въ лѣсахъ и пустыняхъ! И *плачетъ народъ* такъ, что жалко смотрѣть! Что же это такое, думаешь, бывало: куда

дѣваться, гдѣ искать вѣры истинной? И станешь молиться до пóту кроваваго и просить Бога, чтобы открылъ очи слѣпыя. Такимъ-то образомъ я трудился до тѣхъ поръ, пока въ одинъ вечеръ не посѣтилъ меня отецъ Антоній, прослышавшій про меня отъ сосѣднихъ жителей, особенно раскольниковъ, которые считали меня почему-то за своего, хотя я кромѣ лѣстовокъ на рукахъ ничего не имѣлъ раскольничьяго, да и не зналъ хорошенько, чтó такое за раскольники! Думалось мнѣ только, что не ихъ ли вѣра въ самомъ дѣлѣ правая, не лучше ли вѣра у людей разныхъ, которые именуются всякими названіями сектантскими? Постучался этотъ Антоній ко мнѣ въ пещеру и молитву сотворилъ. Я впустилъ его, и онъ, обнявъ меня, сталъ разсказывать про вѣру раскольничью, называя ее истинною вѣрою на землѣ. Антоній былъ высокаго роста мужчина, съ большими глазами. Одѣтъ онъ былъ въ широкое, плотно застегнутое на мѣдныя шарообразныя пуговицы, суконное полукафтанье, съ малыми сборами назади. Голова его была тщательно причесана; длинные, гладко примазанные волосы спускались съ головы небольшими кудрями. Походка была тихая, осторожная и *смиренная*; рѣчь томная, вкрадчивая. Хотя онъ и называлъ себя старцемъ, но былъ еще весьма нестаръ, звалъ всегда себя грѣшнымъ Антоніемъ. Сперва онъ допытывался у меня: какого я толку, какъ душу свою спасаю, *отчего* въ пýстыню пошелъ? Я разсказалъ ему про свою жизнь въ Сибири, про свои грѣхи тяжкіе, убійство... сомнѣнія въ вѣрѣ... про свиданіе съ отшельникомъ и говорилъ, что *пытаю вѣру* и прошу Бога открыть мнѣ, какая вѣра правая, гдѣ люди живутъ по божески и гдѣ можно грѣшному человѣку спастися вѣрнѣе? Долго слушалъ меня Антоній и наконецъ заговорилъ:

— Всякимъ людямъ, чадо, уготована часть въ царствіи небесномъ: внидутъ въ селенія праведныя и тати,

и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои и по истинной вѣрѣ пойдутъ.

Ночью поздно мы стали оба на молитву. Антоній, попросившійся побыть у меня нѣсколько дней, поставилъ, въ особомъ уголку, свои мѣдные образа — мо- имъ онъ не сталъ молиться — и клалъ земные поклоны. Я сталъ на камни и стекла голыми колѣнями и взывалъ къ Богу. Антоній долго на меня смотрѣлъ и, наконецъ, предъ разсвѣтомъ почти, подозвалъ къ себѣ. Я подошелъ.

— Вижу, говоритъ, — что ты готовишь себѣ хорошее мѣсто, и духъ божій на тебѣ почиваетъ! Въ нынѣшнія времена міръ преисполненъ ересей; благодать взята на небо, и стадо избранныхъ вѣрныхъ рабовъ христовыхъ день ото дня малѣетъ. Да, чадо! заговорилъ онъ шибче и шибче: — вселенная стала пуста, нѣтъ истиннаго благочестія нигдѣ, и антихристъ пустилъ по людамъ власть свою. Все осквернено имъ — и грады, и села, и стогны, и люди; какую бы строгую подвижническую жизнь ни проводили они въ трудахъ неусыпныхъ, постѣ и молитвѣ, въ милостынѣ, нищелюбіи и страннолюбіи — всуе, безъ истинной вѣры, трудиться будутъ!

— Но гдѣ же правая вѣра? спросилъ я. — Ужели и я тружусь напрасно?

— Напрасно! отвѣчалъ мнѣ Антоній.

— Такъ научи меня, какъ не напрасно можно трудиться?

— Изволь, говоритъ.

— Какъ же?

— Хочешь ли креститься въ правую вѣру?

— Хочу. — Но гдѣ же?

— Идемъ въ рѣку.

— Теперь же?

— Теперь.

И мы пошли въ рѣку. Антоній на зарѣ окрестилъ меня подъ большимъ дубомъ. Луна тихонько сіяла тогда, и звѣдочки сверкали такъ привѣтливо, что я думалъ, что онѣ припали къ землѣ и смотрѣли на меня. Когда мы воротились въ пещеру и легли спать, мнѣ видѣлись чудные сны: будто меня ввели въ двери райскія, гдѣ только избранные сидѣли у молочной рѣки, а всѣ прочіе люди ходили около стѣны и золотыхъ воротъ, но въ рай не попадали. Утромъ, когда мы проснулись, Антоній повелъ меня въ городъ *пріобщить къ стаду спасаемыхъ.*

IV.

БЫЛЪ БЫ ХЛѢБЪ, А МЫШИ НАБѢГУТЪ.

Городъ, куда привелъ меня Антоній, былъ довольно большой, хоть и уѣздный. Раскольниковъ въ немъ много. Въ городѣ еще всѣ спали, когда прошли мы по улицамъ и подошли, наконецъ, къ большому каменному двухъ-этажному дому. Строенія занимали чуть не цѣлый кварталъ. Антоній стукнулъ три раза въ калитку и калитка отворилась. Входимъ въ домъ. Всѣ засуетились, повскакали съ постелей и кланялись Антонію въ поясъ при встрѣчѣ съ нимъ. Меня это удивило. Наконецъ, часа черезъ три, вышла къ намъ сама купчиха, хозяйка дома, Аграфена Кириловна, и поклонилась Антонію въ поясъ, назвавъ его *ваше преосвященства*! Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Гляжу во всѣ глаза и дивлюсь только.

— Вотъ раба божія и овцу заблудшую я привелъ въ христово стадо, заговорилъ Антоній. — Любите и жалуйте ее!

Аграфена Кириловна поклонилась Антонію, обняла меня толстыми руками и повела въ богато убранную

комнату. Я узналъ потомъ, что Антоній самолично ходилъ за мною въ пустыню и жилъ у меня для того, чтобы показать предъ раскольниками свою *ревность* объ обращеніи заблудшихъ овецъ... Въ комнатѣ было довольно народу. Хозяйка дома подала мнѣ на блюдѣ сторублевую бумажку, говоря, что это отъ Бога у нихъ дается всякому новокрещенному *на рубашку*. Я принялъ, и пошла у насъ бесѣда! Меня стали разспрашивать о житьѣ въ пещерѣ, хвалили мое спасеніе, разсказывали о моихъ подвигахъ въ постѣ и молитвѣ, и вообще бесѣдовали со мною съ большимъ уваженіемъ. Я разсказывалъ имъ о всемъ и слушалъ многое отъ нихъ. За столомъ тутъ же сидѣлъ монахъ, пріѣхавшій за подаяніемъ. Аграфена Кириловна имѣла много дочерей, которыя были розданы за богатыми раскольниками въ Москвѣ и Тулѣ, о при ней жила одна только дочь съ зятемъ, который и заправлялъ ея дѣлами; сама же она только и знала, что принимала у себя своихъ архіереевъ, поповъ и странниковъ... и слыла на многіе города благодѣтельною и *богобаязливою* вдовою. Когда кончились разспросы всѣхъ о моемъ житьѣ въ пещерѣ, въ комнату вошелъ другой монахъ, тучный старецъ— лице красное, плѣшь во весь лобъ, борода широкая и долгая, чуть не въ поясъ. Я видѣлъ въ окно, когда онъ въѣхалъ на дворъ Аграфены Кириловны, какъ отдалъ лошадь работникамъ, потомъ въ передней снялъ батрацкую одежду, распоясалъ красный мужицкій кушакъ и одѣлся въ монашеское одѣянье, хранившееся у него въ кожаной сумкѣ, надѣлъ свитку, камилавку съ кафтыремъ, взялъ въ лѣвую руку лѣстовку и сталъ какъ надо быть монаху. Вошедши въ горницу, монахъ, звавшійся Ардаліономъ, положилъ уставный семипоклонный „*началъ*“, потомъ, поклонясь въ поясъ на всѣ стороны, подошелъ къ хозяйкѣ. Аграфена Кириловна какъ ни была богата, въ какомъ почетѣ ни стояла, сотворила „*метанія*“ дважды по уставу и припала къ

стопамъ его, говоря: „прости, честный отче! благослови, честный отче!“

— Богъ проститъ! отвѣчалъ Ардаліонъ и, подавая письмо отъ игумена скита, повелъ рѣчь: — Добродѣтелями сіяющая, бѣднымъ и убогимъ скорая помощница, смиреніемъ, яко бисеромъ украшенная, истинная вдова Аграфена Кириловна! Сіе письмо отъ игумена нашего и всей честной братіи. Отверзи щедрую руку твою и благоволи отъ трудовъ твоихъ праведныхъ подаяніе на монастырь учинити. Обнищали бо и къ тебѣ притекаемъ!

— Садиться милости просимъ, честный отче, отвѣчала Аграфена Кириловна: — по силѣ своей поможемъ!

Отецъ Ардаліонъ взглянулъ на бывшую тутъ монаха-странника какъ-то искоса и потомъ сѣлъ. Канонницы, штукъ десять, сидѣвшія вдоль стѣнъ, переглянулись между собою.

— Побесѣдуйте, честные отцы, сказала купчиха Салотопникова: — просвѣтите насъ *скудоумныхъ* своею бесѣдою! И сама велѣла кликнуть свою дочь и прочихъ странниковъ, бывшихъ въ ея домѣ. Народу набралось въ комнаты много. Монахи глянули другъ другу въ очи и, нахлобучивъ камилавки, повели бесѣду.

— Слышала ли, мать наша, заговорилъ Ардаліонъ, — что антихристъ со дня на день *усиливается*?

— Слышала, слышала, отче святый! отвѣтила Аграфена Кириловна.

— Вмѣсто престола христова установили теперь престолъ сатаны, на которомъ усиливается все больше антихристъ.

— О-о — о-хъ! послышались вздыханія въ ўглахъ.

Закусочку подали — икру паюсную, стерлядь, вязигу, осетриковъ, водочки графинчикъ и винограднаго бутылочку.

— Благословите, честные отцы — откушайте среди бесѣды! обратилась вдовица-хозяйка къ монахамъ.

— Можно! отвѣчалъ Ардаліонъ и, чинно положивъ три поклона, выпилъ стаканчикъ ерофеичу. За нимъ повторилъ и странникъ.

— Вино веселитъ сердце человѣка и усты развerзаетъ благодатію, заговорилъ опять Ардаліонъ! — Не въ уста сквернитъ, а изъ устъ.

Вошелъ городничій въ комнату и проговорилъ:

— А! бесѣдуете духовно?

— Бесѣдуемъ, батюшко, бесѣдуемъ, отвѣчала Аграфена Кириловна. — Людямъ соблазну не чинимъ, никого не трогаемъ и душу свою *ублажаемъ*.

— Ублажайте, ублажайте! отвѣчалъ городничій. — Я не мѣшаю.

— Водочки-то, батюшко, удостойте?

— Ладно! отвѣчалъ городничій. — Можно.

И онъ, приблизившись къ столу, выпилъ два стаканчика и икрой закусилъ.

— Продолжайте, говоритъ, продолжайте!

Старцы переглянулись между собою. Купчиха подошла къ Ардаліону и шепнула на ухо:

— Можно, честный отецъ! это свой человѣкъ, онъ знаетъ насъ ужъ давно, хлѣбъ-соль водимъ съ нимъ.

Городничій сѣлъ среди канонницъ, тѣ засуетились было...

— Не бѣжите, не бѣжите, говорилъ городничій, покручивая усы: — не укушу!

Кононницы присмирѣли.

— Вотъ чада божіи, заговорилъ опять Ардаліонъ: — архіереи и священники православные творятъ, такимъ образомъ, волю антихриста, покоряютъ и народъ подъ власть его; законопреступно живутъ сами, денегъ много оставляютъ послѣ смерти своей, духовенство обираютъ, женщинъ иные вдовые держатъ... И *смутился* весь міръ отъ того... смятеніе въ немъ происходитъ давно. И архіереи, и попы, и начальство не заботятся о спасеніи душъ человѣческихъ, а только стараются рас-

пространить душепагубные соблазны, чтобы всѣ шли за ними вслѣдъ сатаны, и само это начальство русское онѣмечилось, идетъ къ сатанѣ и исполняетъ волю его...

— Э, братъ! да ты завираешься, вскричалъ городничій. — А хочешь я тебя въ острогъ?

Всѣ испугались. Городничій подошелъ къ Ардаліону, да какъ вскрикнетъ: — а гдѣ у тебя билетъ?

Старецъ задрожалъ, и голосъ у него прервался...

— Онъ въ *духѣ Божіемъ ходитъ!* заговорила купчиха, подойдя къ городничему и ласково усаживая его. — Не безсудьте на немъ батюшка! мы ужъ ваши кормители...

— То-то кормители! Вы врите, врите, да не завирайтесь про начальство!

— Сотворите бесѣду о другомъ, старцы честные, заговорила Аграфена Кириловна.

Ардаліонъ смекнулъ дѣло и вопросилъ странника:

— Рцы ми братъ: кто умре, а не истлѣ?

Мало помедливъ, отвѣтилъ тихимъ голосомъ странникъ:

— Матерь Божія! та умре, но не истлѣ, а бысть жива взята на небо.

— А какой твари не было въ ковчегѣ Ноевѣ? вопросилъ опять Ардаліонъ?

— Рыбы! отвѣтилъ странникъ: — понеже она и въ водѣ можетъ жити и дыханіе чинити.

— Ну вотъ, давно бы такъ! сказалъ городничій: — а то завираться еще вздумали...

И городничій сталъ собираться домой.

— У васъ, я слышалъ нынче служба будетъ происходить архіерейская? спросилъ онъ хозяйку дома.

— Будетъ, батюшка, будетъ! отвѣчала Аграфена Кириловна. — Мы отъ васъ ничего не таимъ, вы это знаете...

— Знаю, знаю. Что же до сихъ поръ вы *ублаженья*-то мнѣ не прислали? Обычай то чай знаете?

— Припасли, припасли, покровитель нашъ, только что хотѣли прислать

И Аграфена Кириловна сунула городничему 25 рублевую бумажку.

— А ждать васъ къ христолюбивому нашему богослуженію, спросила она его на прощаньѣ.

— Сегодня некогда? Я дѣтей пришлю. Новенькаго вѣдь ничего не будетъ!

— Все попрежнему совершается, батюшка.

— Ну, я видѣлъ ужъ! Вотъ дѣтей посмотрѣть пришлю. Примите ихъ и ублажите ..

— Ублажимъ, сударь, ублажимъ!

— Чадо сатаны! сказалъ Ардаліонъ, когда хозяйка дома вошла опять въ зало, проводя городничаго. — Яко левъ рыкая ищетъ кого поглотити...

— Воля господня, отче святый, воля господня! отвѣчала купчиха. — Намъ надобно быть мудрыми, яко змія, а вы вотъ, честный отецъ, чуть не осердили городничаго?

— Въ лѣсахъ матушка живу, не привыкъ обращаться съ ними!

— Пора начинать обѣдню, сказалъ попъ Досиѳей, входя въ зало, — *святый* архіерей Антоній повелѣлъ чинити собраніе къ обѣднѣ.

Всѣ встали и направились въ угловую комнату. Растворились двери. Смотрю: передняя стѣна вся уставлена древними, богатоукрашенными иконами, подъ которыми висѣли пелены парчевыя, бархатныя, шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ. Предъ иконами большія лампады и свѣчи. На скамьяхъ сидѣлъ народъ съ лѣстовками, собравшійся со всего города. Молельня была большая и человѣкъ четыреста вмѣщала. Начали обѣдню. Антоній, что былъ у меня въ пещерѣ, одѣвшись въ архіерейскую одежду, въ архіерейской митрѣ осѣнялъ постоянно народъ двукиріями и трикиріями,

Досиѳей же въ поповскихъ, древняго покроя, ризахъ купно съ нимъ совершалъ богослуженіе.

Въ половинѣ обѣдни послышались въ передней голоса: „пріѣхали, пріѣхали!“ Народъ разступился, и двѣ дѣвочки, одна лѣтъ четырнадцати, другая — лѣтъ десяти, въ шляпкахъ, вошли въ молельню. Имъ подали два кресла и усадили противъ каѳедры архіерейской. Горничная стала позади ихъ. Длилось это богослуженіе, сударь мой, часа три, такъ-что я усталъ порядкомъ, и наконецъ кончилось. Аграфена Кириловна проводила городническихъ дочекъ и подарила имъ на прощаньѣ двѣ штуки шолковой матеріи *въ ублаженіе* за посѣщеніе ихъ, а горничной ситцу на платье. Антоній подпустилъ всѣхъ къ восмиконечному кресту и своей рукѣ. Народъ падалъ ему въ ноги и клалъ приношенія за посѣщеніе изъ города на серебряную тарелку, поставленную у клироса. Рублей 200 наклали. Досиѳей собралъ деньги, положилъ въ карманъ, и народъ разошелся въ умиленіи...

Вечеромъ у купчихи опять совершилось бесѣдованіе; собрались гости ради пребыванія архіерея Антонія въ городѣ. Антоній въ полукафтанѣ чернаго атласа, сѣлъ на первомъ мѣстѣ и сталъ бесѣдовать. Позади его сѣла хозяйка дома.

Въ толпѣ собравшихся слышались одобрительныя шушуканья. Многіе старцы вынули книжки кожаныя и стали записывать карандашемъ мудрыя рѣчи... Окна въ домѣ были наглухо закрыты, у дверей стоялъ караулъ. Домъ и особливо комната, гдѣ бесѣда чинилась, горѣли огнями. Меня все это очень занимало, и я точно въ новое царство вступилъ изъ своей пещеры. Смотрю все и слушаю, а соображать ужъ было некогда...

Долго длилась бесѣда архіерейская, за полночь, съ народомъ — его паствою. Его разспрашивали о Бѣлой-Криницѣ, о раскольникахъ иркутскихъ, саратовскихъ, о мѣрахъ правительства противъ раскола, о лицахъ, кои заправляютъ расколомъ въ министерствѣ и пр. Антоній разсказывалъ имъ все, какъ по книгѣ и просилъ сборъ для правительства русскаго, которое будто ожесточилось на олонецкіе скиты и ломаетъ ихъ. Всѣ изъявили согласіе и обѣщали прислать на другой день деньги. Антоній далъ имъ и книгу для записи жертвованій, скрѣпленную своею рукою и припечатанною архіерейскою печатью. Наконецъ поужинали всѣ вкупѣ и разошлись съ веселіемъ въ душѣ...

Когда всѣ полегли спать, я не могъ уснуть. Все видѣнное было такъ ново для меня, что я не зналъ, что обо всемъ этомъ подумать. У меня родилась сначала мысль: правда ли, что это настоящая вѣра? Не *надуваютъ* ли эти старцы и отцы честной народъ? Потомъ я сталъ раздумывать о единодушіи раскольниковъ, о томъ, отчего они всѣ такъ богаты сравнительно съ православными? Не въ самомъ ли дѣлѣ ихъ вѣра Богу любезная, и они взысканы такъ? И прочія такія думы не давали мнѣ спать. Ударило ужъ четыре часа, а я и глазомъ не смигнулъ. Вдругъ слышу, дверь архіерея скрипнула. Антоній спалъ черезъ одну комнату со мною. Послышались шаги и направились къ его комнатѣ. Я припалъ къ двери и въ замочную дырку смотрю. Полная и бѣлотѣлая Аграфена Кириловна, со свѣчкою въ фонарикѣ, прошла въ комнату Антонія и заперлась у него... Такъ меня и обдало, точно варомъ!

„Тутъ *надуваютъ* одни другихъ“, мелькнуло у меня въ умѣ, и больше ничего!

Прибѣжавъ въ свою комнату, я зажегъ свѣчку и упалъ предъ иконою на колѣни, взывая. „Господи! не спасусь я тутъ! Зачѣмъ я вышелъ изъ пещеры?“ Въ такихъ *сомнѣніяхъ и думахъ* я провелъ всю ночь до утра, не спавши и не смыкая глазъ, такъ-что, когда Аграфена Кириловна на разсвѣтѣ прошла крадучись изъ комнаты Антонія, я выскочилъ, не помня себя, изъ

комнаты своей и схватилъ ее за воротъ. Она вскрикнула охъ! и обмерла... Выбѣжалъ Антоній и, взявъ меня за руку, привелъ въ свою комнату.

— Какъ это, говоритъ, случилось, что ты *изловилъ* Аграфену-то Кириловну?

— Ты меня обманулъ! кричалъ я. — Тутъ нѣтъ правой вѣры, тутъ обманъ. Зачѣмъ ты соблазнилъ меня и взялъ изъ пещеры.

— Ну, если ты ужъ видѣлъ *грѣховное дѣло*, отвѣчалъ мнѣ Антоній, — такъ поѣдемъ со мною завтра въ Москву: я покажу тебѣ тамъ истинную вѣру, и ты золотомъ будешь надѣленъ и не раскаешься. Я свожу тебя въ Австрію въ Бѣлую-Криницу, и ты посвятишься тамъ въ попы, а потомъ, современемъ, и въ архіереи, какъ я... Согласенъ?

Я *сбился съ толку совсѣмъ* въ эту ночь: разъ, что не спалъ всю ночь, а другой — не зналъ, что съ собою дѣлать. Думалъ-думалъ, да и сказалъ, что согласенъ. А самъ держу на умѣ: посмотрю еще Москву, Австрію, а тамъ увижу, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ гдѣ найду истинную вѣру? Ну и архіереемъ-то быть понравилось! Думаю, какъ сдѣлаюсь я архіереемъ, такъ самъ новую, самую *чистую*, самую *правую вѣру* основную, если всѣ вѣры осквернены...

Послѣ этого я заснулъ и такъ крѣпко, что проспалъ до обѣда. Когда я всталъ, домъ уже полнехонекъ былъ народу, и лошадей готовили въ Москву. Глупые купцы принесли сборъ свой въ тысячу рублей серебромъ на защищеніе скитовъ черниговскихъ отъ мнимаго притѣсненія правительства и въ книгу собственноручно сборъ свой записали. Антоній взялъ деньги и книгу и спряталъ все это въ кожаную сумку. Черезъ часъ насъ проводили въ кибиткѣ на тройкѣ. Антоній одѣлся купцомъ нижегородскимъ, паспортъ купеческій досталъ, а меня нарядилъ парнемъ при себѣ и назвалъ купеческимъ сыномъ Краюшкинымъ. На станціи подъ Москвой, когда у насъ не стало бумаги завернуть икру, Антоній *вырвалъ* всѣ листы изъ книги, гдѣ записанъ былъ сборъ на черниговскіе скиты, и завернулъ въ нихъ паюсную икру...

V.

Москва — золотыя маковки.

На разсвѣтѣ подъ воскресенье мы въѣхали въ Москву. Антоній далъ кучеру три цѣлковыхъ на водку и велѣлъ направиться на Остоженку, къ одному грубому мужику, покровителю раскольниковъ, московскому фабриканту, живущему на берегу Москвы рѣки. Мы подкатили къ воротамъ, когда чуть-чуть начинало свѣтать. Сторожъ допросилъ Антонія, скинулъ шапку, поклонился до земли и отворилъ ворота. Мы поселились въ просторныхъ комнатахъ, назначаемыхъ всегда для пріѣзжихъ бѣглыхъ поповъ. Скоро къ намъ собрались учители и наставницы, и Антоній велъ съ ними долго бесѣду. Къ вечеру началась на фабрикѣ всенощная, и чудаковъ собралось изъ Москвы порядочно. На другой день была обѣдня, потомъ опять всенощная.

Меня Антоній, къ качествѣ испытуемаго, всегда употреблялъ при своемъ богослуженіи и сказалъ братіи, что повезетъ меня въ Бѣлую-Криницу, гдѣ митрополитъ и посвятитъ меня въ попы.

— Ты всматривайся и изучай все *наше*, сказалъ мнѣ Антоній однажды вечеромъ, когда мы были одни. — Тебѣ нужно будетъ все знать, если хочешь быть попомъ, или архіереемъ нашимъ. Несвѣдущаго наши не примутъ. Такъ ты смекай самъ!..

Между тѣмъ временемъ я бывалъ съ Антоніемъ во многихъ домахъ московскихъ раскольниковъ, гдѣ онъ совершалъ разныя требы, особливо на Таганкѣ. И,

доложу вамъ, много денегъ набралъ онъ въ Москвѣ! Только вотъ что его огорчало. Въ Москвѣ стали у купцовъ дѣти учиться въ гимназіяхъ и пансіонахъ, почему и начали *смѣяться* надъ темною вѣрою отцовъ своихъ... Антоній всѣми мѣрами старался *искоренить это зло*, но плохо успѣвалъ.

— Растетъ несчастіе, растетъ! говорилъ онъ однажды въ домѣ купца Аллилуіева, куда мы пріѣхали совершить свадьбу его дочери. — Въ Москвѣ Антоній не осмѣливался называться архіереемъ, а только попомъ, ибо тутъ былъ свой бѣглый насиженный архіерей, тоже Антоній. — Антихристъ правитъ царствомъ, седьмой фіалъ льется на Россію... Наши единовѣрныя, твердилъ Антоній, — дѣти измѣняютъ постановленіе согласія: маковцы ихъ заростаютъ волосами, не стыдятся носить сапоговъ съ каблуками, ходятъ въ трактиры, гдѣ, напитавшись табачнымъ дымомъ, являются потомъ въ молельню. Но не смущайтесь этимъ, братія, не обратитесь вспять, да не узримъ вашихъ плещъ! Ратоборствуйте противъ антихриста и искушеній его.

— Что это вы, ваше священство, за *гали матью* несете? сказалъ вдругъ женихъ Аллилуіевой, стрикулистъ такой, выучившійся въ училищѣ? — Это, говоритъ, смѣшно слушать! Какое, я вамъ скажу, смятеніе вдругъ сдѣлалось въ домѣ отъ этого. Ухъ! Раскольники, собравшіеся къ Аллилуіеву, какъ зарычали на этого жениха, а потомъ накинулись на тестя его. „Что ты, дескать, кого въ зятья-то принимаешь, *волка хищнаго*; да мы, говорятъ, и домъ твой прахомъ разнесемъ за это!" Аллилуіевъ сконфузился, накинулся на зятя и велѣлъ убираться вонъ, чтобы онъ о его дочери и не думалъ. Струсилъ этотъ женихъ и растерялся.

— Помилуйте, говоритъ, я не смѣюсь надъ Антоніемъ, но такъ только спросилъ; нельзя же не спросить, когда я не понялъ словъ отца Антонія.

— Нѣтъ послѣ этого тебѣ невѣсты, рычалъ Аллилуіевъ: — убирайся вонъ!

А невѣста-то, сударь мой, съ 50 тысячью приданаго и хорошенькая такая.

— Это соблазнъ, этого не попустимъ! кричали раскольники.

Малый туда-сюда заметался — нѣтъ! Онъ кланяться тестю да раскольникамъ, а Антонію тутъ же въ ноги. Кончилось тѣмъ, что Антоній, чтобы не *попустить соблазну*, опредѣлилъ этому жениху семь дней быть на эпитимьѣ до свадьбы, и житіями *столповъ вѣры* поучаться. Дѣлать было нечего. Малый былъ радъ и этому! Слышно потомъ было, что, получивъ купчую на домъ за невѣстою въ руки и шкатулку денегъ въ приданое, онъ на другой же день обругалъ и тестя, и всѣхъ пустосвятовъ раскольниковъ, грозилъ жаловаться на нихъ генералъ-губернатору, а Антонія заключить въ острогъ. Нынѣ онъ перешелъ и съ женою въ единовѣріе, бросилъ темный міръ раскольничій и записался даже членомъ въ благородное собраніе московское.

Однажды вечеромъ вошелъ ко мнѣ Антоній и говоритъ: — поѣдемъ на Мясницкую, къ московскому богачу раскольнику. Ты увидишь, что это за человѣкъ. Всѣ у него ѣдятъ и пьютъ на убой... Это, братъ, сила! У него будутъ гости разные ученые, и мы грѣшные изъ-за двери допускаемся посмотрѣть, чтобы, значитъ, видѣли его силу и разсказывали по Россіи объ таковой силѣ... У этого мясницкаго раскольника съ мордовской физіономіей и мышачьими, постоянно щурящимися, глазами былъ дѣйствительно тогда вечеръ. Тутъ были и ученые простаки, восхищающіеся съ дуру поддѣльными иконами отъ девятаго вѣка, ловко мошеннически подмалеванными пьяницею художникомъ П—мъ, и сочинители книгъ и газетныхъ статей, строчащіе по найму всякую чушь въ пользу раскола и невидящіе ничего дальше своего носу и бутылокъ

шампанскаго. Тутъ указывали мнѣ и одного плюгаваго редактора московской скверненькой сѣрой газетки, кушающаго хлѣбъ-соль плута раскольника... и въ своей паршивой газеткѣ защищающаго всякую пакость раскольничью, лишь бы давали деньги... Онъ не брезгуетъ даже скопцами.

— Если татары имѣютъ узаконенную іерархію, кричалъ съ пѣною у рта господинъ въ очкахъ и съ бородою, которому раскольники обѣщали готовую квартиру и 6,000 р. с. въ годъ содержанія, когда онъ, надувши правительство, будетъ издавать въ Москвѣ большую газету въ пользу раскольниковъ и купечества вообще съ заглавіемъ славянскими буквами разрисованнымъ, — то какъ же не узаконить іерархію раскольникамъ и не дать имъ своего сѵнода, своихъ митрополитовъ, право созывать свои соборы и предавать анаѳемѣ кого слѣдуетъ...

— Важнецки! закричалъ про себя сидѣвшій съ нами въ углу Прохоръ, наперстникъ мясницкаго раскольника. — Для эвтаго малаго не жалко 6,000 руб. сер. въ годъ. Ходитъ!..

— Я скажу вамъ, шепталъ на ухо мордовской физіономіи, отводя ее немного въ сторону, плюгавый редакторъ скверненькой московской газетки, — никогда противъ васъ и вашихъ бѣглыхъ поповъ не печатаю въ своей газеткѣ, а вотъ за васъ такъ всегда щипкомъ, да урывкомъ словечко вставлю...

— Милости-съ просимъ! указывала мордовская физіономія на столъ съ шампанскимъ и всякою всячиною...

— Вотъ нынче въ министеріяхъ-то стало тугонько! замѣтилъ мясницкій раскольникъ! Бывало отсыплешь кому слѣдуетъ за всю Москву и Россію, ну и получаешь что нужно, а нынѣ капризничаютъ.... Мнѣ передали сударь, что мордовскую физіономію эту года два перестали принимать въ Петербургѣ, какъ ходатая по росколу всероссійскому. Указали, слышь, порогъ...

— Сломимъ еще! мычалъ про себя въ углу Прохоръ на жалобы мордовской физіономіи.

Бесѣда мясницкаго богача съ гостями своими длилась до полночи. Всѣ напились мертвецки пьяны, шампанскаго выпили не одинъ ящикъ. Скоро послышались одни несвязныя рѣчи...

— Что такое православіе? кричалъ господинъ съ бородою въ очкахъ, будущій редакторъ раскольничей газеты. Тоже что и татарство!...

— Важнецки! замѣтилъ Прохоръ, стоя у двери.

— Прохоръ, пора! вскричалъ наконецъ хозяинъ. — Мою карету и три извощичьихъ. Скоро гостей уложили въ растяжку въ четыре кареты и развезли по домамъ.

— Смѣшной, право, народъ! замѣтилъ по отъѣздѣ гостей Прохоръ. А впрочемъ, кабы ихъ министрами подѣлать, важнецки бы было. Я бы тоже въ раскольничьи митрополиты произведенъ былъ, въ сѵнодѣ бы въ лентахъ сидѣлъ.

— А теперь пока посиди здѣсь, еще часослова не прошелъ, на складахъ сбиваешься! замѣтилъ мясницкій богачъ. Вели подавать мнѣ карету къ Сухаревой башнѣ.

— Ну, да и ты-то небольше меня грамотенъ! промычалъ себѣ подъ носъ Прохоръ. Такой же мужикъ, что и я. Что француженокъ-то содержишь, въ Римъ таскаешься да за кулисами въ театрахъ слоняешься, это еще не велика мудрость...

Вскорѣ послѣ этого мы съ Антоніемъ выѣхали изъ Москвы по дорогѣ въ Криницу.

VI.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

Ѣхали мы путемъ-дорогою, останавливались въ раскольничьихъ селахъ, совершали гдѣ по глуше бого-

служеніе архіерейское, брали большія деньги и подарки... и пріѣхали, наконецъ, къ одному женскому скиту раскольничьему. Скитъ этотъ стоялъ въ лѣсу, позади одного раскольничьяго села. Тройка наша подкатила, въ самую глухую полночь, къ воротамъ. Кучеръ постучался въ калитку, и караульный окликнулъ: кто тутъ?

— Вашъ архіерей, сказалъ Антоній. — Поживѣй поворачивайся!

Сбѣжались сейчасъ же всѣ скитницы принять благословеніе архіерея и поздравить съ пріѣздомъ. Явилась *мать-матушка*, бѣлотѣлая женщина, и привела цѣлый рой скитницъ. Смотрю—такія все быстроглазыя, красивыя: на глазахъ черныя манатейки плисовыя или бархатныя, сарафаны китайчатые, черные, съ крупными пуговицами, платочками въ рукахъ, а на пальчикахъ лѣстовицы. Антоній благословилъ всѣхъ по чину и отпустилъ по кельямъ. Мать-матушка Устинья Ивановна осталась съ одною послушницею бесѣдовать съ Антоніемъ о вѣрѣ и дѣлахъ раскольничьихъ. Подали закусочки съ дороги, винъ дорогихъ, лакомствъ городскихъ. Антоній кушаетъ, а Устинья Ивановна подливаетъ; меня подчуетъ скитница-послушница матьматушки и такъ умильно поглядываетъ... Рюмочку за рюмочкой, стаканчикъ за стаканчикомъ. Смотрю — Антоній придвинулся ужъ къ Устиньѣ и этакъ прижалъ ее къ себѣ... Моя скитница сама придвинулась ко мнѣ поближе.... Антоній бесѣдуетъ, а самъ давно городитъ вздоръ, мелетъ и забывается...

На утро, когда мы проспали въ четверомъ, заперевши изнутри двери, ни Устиньи Иванавны, ни молоденькой скитницы не было уже въ нашихъ комнатахъ; однѣ пустыя бутылки валялись на полу еще неприбранными: икра, вины, сардинки и снадобья разныя стояли на столѣ попрежнему... Антоній велѣлъ мнѣ все убрать и сходить за Устиньей Ивановной. Я

узналъ впослѣдствіи, что она была давно его *закадышной*, и выѣхала въ скитъ изъ Москвы, убѣжавъ отъ родителей, которые хотѣли выдать ее насильно замужъ за безобразнаго брюхана купца. Я сходилъ за Устиньей Ивановной, и, какъ только вошелъ въ ея комнаты, она меня сейчасъ въ свой кабинетъ, да сторублевую въ руку. „Будьте, говоритъ, знакомы, я рада съ вами познакомиться! Навѣщайте насъ и не забывайте нашъ скитъ съ Антоніемъ, или и одни .. Во всякое время будемъ рады гостямъ!"

Смотрю на убранство ея комнатъ: ковры вездѣ разостланы, чистота и довольство всюду. Келейницы шмыгаютъ взадъ и впередъ. На меня смотрятъ такъ ласково.

„Ухъ, вы плутовки, думаю! Рады видѣть мужчину съ голодку-то!.." Въ 10 часовъ ударили въ желѣзную доску, висѣвшую близь молельни, и канонницы посыпали въ церковь. Антоній началъ службу въ родѣ полуденной молитвы, осѣнилъ трикиріями канонницъ и сказалъ рѣчь *о воздержаніи* и спасеніи души... Затѣмъ, мы съ Антоніемъ остались обѣдать у Устиньи Ивановны и подчиваться всякими блюдами, которыхъ перемѣняли до пятнадцати. Винъ наставлено было съ возъ всякихъ — пей не хочу! Съ этого обѣда Антоній запилъ такъ, что каждый день, впродолженіе недѣли, мы не *просыпались* хорошенько...

— Веселись, говоритъ, — стадо мое, пока пастырь вашъ среди васъ! а самъ ужъ сталъ безобразничать... Бутылками началъ въ канонницъ швырять. Житье было раздольное! Устинья Ивановна сама запила *безъ просыпу*, къ канонницамъ набѣжались ихъ любовники, которыхъ онѣ прежде принимали только *тайкомъ*, и пошла потѣха! Кружились мы, такимъ образомъ, цѣлую недѣлю, безъ всякой ужъ сноровки и осторожности. Антоній *забылся* совсѣмъ, ворота плотно замкнулись на день и ночь...

Вѣсть объ этомъ соблазнѣ разнесли вѣрно какъ нибудь по окрестностямъ, и исправникъ, хоть жилъ за сто верстъ отъ скита, однако провѣдалъ какъ-то о житьѣ нашемъ въ скитѣ и прискакалъ изловить архіерея раскольничьяго. Господи ты мой, какая свалка сдѣлалась! Прикатилъ онъ въ самую полночь на воскресенье, обставилъ скитъ понятыми, и заперъ ворота своимъ замкомъ, а самъ шасть прямо въ кельи. По счастію попалъ не въ наши, а въ сосѣднія, и намъ въ одно мгновеніе дали знать. Какъ ни были мы пьяны, но когда вскричали сбѣжавшіяся канонницы, что исправникъ здѣсь и оцѣпилъ скитъ, такъ, скажу вамъ, куда у насъ и хмѣль дѣлся. Канонницы подняли одну половицу въ полу и спустили насъ обоихъ между поломъ. Это была у нихъ давни́шняя западня на случай опасности ихъ поповъ и архіереевъ. Лежимъ мы и слушаемъ: вошелъ исправникъ съ понятыми и закричалъ: „шарьте вездѣ — всѣ углы и печку съ трубою, всѣ комоды и перегородки переберите и обсмотрите!" И пошли и пошли розыски. Мы лежимъ ни гу-гу, а у меня и душа въ пятки ушла. Однако до утра проискалъ исправникъ архіерея въ скиту и ничего не нашелъ. Днемъ прикатилъ, по требованію исправника, становой, и тоже пустился помогать исправнику. Становой этотъ былъ знакомъ скиту, получалъ отъ него кучу денегъ и подарковъ ежегодно, но исправникъ былъ на но́вѣ, и скитницы никакъ не могли съ нимъ сойдтись. Такой былъ *ревнитель* службы, ни на какія ласки не шелъ. Въ другую ночь рѣшили полы вскрыть въ кельяхъ и стѣны перебрать, нѣтъ ли дескать двойныхъ? Исправникъ послалъ становаго за плотниками въ станъ на своей бричкѣ, а въ эту-то бричку насъ вечеромъ въ темнотѣ и уложили канонницы: меня въ сундукъ, стоявшій подъ козлами, а Антонія — въ сундукъ прикрѣпленный сзади повозки. Кучеру за это дали 25 руб. въ руку. Что же бы вы думали, сударь? Вѣдь станово-

вой-то же насъ и вывезъ благополучно изъ скита, самъ не зная, какихъ молодцовъ везетъ въ бричкѣ. Какъ выпустилъ насъ кучеръ изъ сундуковъ, такъ, скажу я вамъ, съ умиленіемъ перекрестились мы на небо!...

VII.

БѢЛАЯ-КРИНИЦА.

Теперь по порядку скажу вамъ о Бѣлой-Криницѣ.

Монастырь Бѣлокриницкій поселенъ съ боку деревни того же имени и обращенъ на улицу слободы. Вокругъ него сдѣлана ограда, а посрединѣ разведенъ садъ. Слобода Криница, или, какъ ее называютъ, Фонтана-альба, стоитъ невдалекѣ отъ буковинскаго городка Серета. Почти смежно съ ней лежитъ другая раскольничья слобода Климоуцы. Въ монастырѣ бѣлокриницкомъ двѣ церкви: старая, святителя-чудотворца Николая съ трапезою, а другая — новая, во имя Покрова Богородицы, называемая соборомъ, предназначеннымъ для архіерейскаго служенія. Такъ какъ нѣмцамъ и прочимъ иновѣрцамъ дозволяется входить въ церковь и смотрѣть богослуженіе, то въ соборѣ устроены для нихъ хоры. Почти смежно съ Криницею стоятъ, кромѣ того, еще два раскольничьихъ поселенія: Миттока-Драгомирна, или Сокольницы, близь Сучивы, и деревня Механдра, близь селенія Бергометъ, на границѣ Буковины съ Галиціею. Во всѣхъ этихъ четырехъ мѣстахъ считается жителей до 400 семействъ, что составляетъ, по меньшей мѣрѣ, до 4,000 душъ. Кельи митрополита и братіи устроены въ двуэтажныхъ корпусахъ, имѣющихъ прекрасныя залы, особливо причетническія.

— Чѣмъ же содержится этотъ монастырь? спросилъ я.

— Весь монастырь, продолжалъ Русановъ, — содержится на общемъ братскомъ иждивеніи, доставляемомъ отъ московскихъ раскольниковъ пустосвятовъ. Вѣдь въ Москвѣ дураковъ то углы не початые!.. Когда мы пріѣхали съ Антоніемъ въ Криницу, намъ отвели келію и дали прислугу. Антоній донесъ самозванному митрополиту о дѣлахъ раскольниковъ въ Москвѣ, и выдалъ пожертвованія, привезенныя съ собою до 500 рублей серебромъ, изъ коихъ половину, разумѣется, укралъ...

— Ужели же, говорю, — нѣтъ средствъ усчитать принимателей жертвованій?

— Никакихъ, отвѣчалъ Русановъ!—Раскольники не возятъ съ собою книгъ и документовъ, а тѣмъ паче не пересылаютъ ничего въ Криницу, и изъ Криницы по почтѣ. Былъ не одинъ случай, что по книгѣ жертвователей, найденной у захваченнаго полиціей бѣглаго попа, *перебрали* всѣхъ жертвователей.

— А давно, говорю,—Кирилъ этотъ сдѣлался митрополитомъ?

— Изъ дѣлъ монастыря, отвѣчалъ Русановъ,—когда я готовился въ попы и перечитывалъ разныя раскольничьи книги и документы, я узналъ, что онъ посвященъ 6 января 1847 года первымъ митрополитомъ Амвросіемъ изъ вдовыхъ мужиковъ, и прежде назывался Купріяномъ Тимофѣевымъ. Но я вамъ, сударь, разскажу по порядку всю исторію бѣлокриницкую, если хотите: ужъ все равно, когда вамъ любопытно.

— Сдѣлай, говорю,—милость! чрезвычайно обяжешь меня.

Раскольники, еще въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, испытали три неудачныхъ попытки получить епископа изъ Молдавіи и Греціи, и наконецъ достигли своего желанія, когда Епифаній въ 1724 году рукоположенъ былъ для нихъ молдовлахійскимъ митрополитомъ. Затѣмъ имѣли епископовъ Анфиногена и

Анфина и многихъ другихъ, которые, однако, какъ-то прекратились. Въ 1730, а потомъ и въ царствованіе императрицы Екатерины II, они искали посвященія въ архіереи за границей, и даже рѣшились рукоположить во епископы кого либо изъ своихъ наставниковъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ рукою мощей св. Іоны. Чудаки вѣдь большіе! Разуму-то не много... Съ 1782 года поиски архіерейства прекратились, ибо раскольники надѣялись, что когда осуществится дѣло единовѣрія, начатое въ этомъ году, то они получатъ епископовъ, но правилами 1800 года дозволено было имъ имѣть только священниковъ, подъ духовною властію православныхъ архіереевъ. Съ тѣхъ поръ, когда дозволенные имъ священники перемерли, новыхъ не давали, бѣглыхъ держать запретили, раскольники, потерявъ надежду на полученіе трехъ законныхъ чиновъ іерархіи, стали искать себѣ архіерея за границей — и поселившіеся изъ нихъ въ Буковинѣ, въ царствованіе императора австрійскаго Іосифа, въ количествѣ 3,000 душъ, располагая значительными денежными средствами, присылаемыми изъ Россіи пустосвятами, избрали для ходатайства по дѣлу о *добытіи* архіерея двухъ мужей, иноковъ Алимпія Милорадова и Павла Василіева, которые въ 1843 году подали автрійскому императору прошеніе, въ коемъ, по случаю смерти всѣхъ іеромонаховъ монастыря, испрашивали привезти епископа изъ-за границы. При этомъ они добавили, что и епископъ и самъ монастырь будутъ содержаться на свой счетъ, и отъ правительства никакого пособія не требуютъ. Кромѣ прошенія императору, уполномоченные подали о своемъ домогательствѣ такія же прошенія брату его Францу-Карлу, дядѣ его Лудвигу, министру внутреннихъ дѣлъ Коловрату, тайнымъ совѣтникамъ Истлю и Вайсу, министру Инцали и барону Миниху. Ну, нѣмцы народъ вѣдь жадный... Видятъ, что дураки ломятся сами въ объятія, потому охотно и

дозволили бѣлокриницкимъ монахамъ искать за границей, кромѣ Россіи, епископа. Тогда Алимпій и Павелъ обтекли Сербію, Валахію, Молдавію, Египетъ, Александрію и Іерусалимъ, и, наконецъ, въ Царьградѣ нашли греческаго митрополита Амвросія, выгнаннаго изъ боснійской митрополіи. Этотъ Амвросій былъ природный грекъ изъ г. Еноса, происходилъ изъ духовнаго званія и былъ въ своемъ родѣ 21-й священникъ. Всѣ духовные чины онъ проходилъ въ своемъ отечествѣ въ разныхъ мѣстахъ, и въ 1835 г. былъ назначенъ митрополитомъ въ Басанъ, а въ 1841 году изъ митрополіи удалился въ Царьградъ. Когда приходили къ нему уполномоченные бѣлокритскаго монастыря, ему было тогда 63 года. Этотъ Амвросій былъ разстриженъ константинопольскимъ патріархомъ за пьянство и развратную жизнь...

Алимпій и Павелъ, продолжалъ Русановъ, — долго уговаривалъ Амвросія согласиться на ихъ предложеніе, представляя ему доводы старообрядческой церкви, и наконецъ убѣдили его рѣшиться пройдти до австрійской границы тѣсною струею. Тогда по письменному условію, заключенному въ Константинополѣ, Амвросій обязался поступить въ старовѣрческую религію верховнымъ пастыремъ надъ всѣми духовными и мірскими людьми, состоящими въ расколѣ; по прибытіи въ бѣлокриницкій монастырь, принять по долгу христіанскому духовнаго отца изъ тамошнихъ священниковъ и учинить то, что будетъ предлагать духовникъ необходимое въ соединеніи церковномъ, согласно съ соборнымъ правиломъ св. отецъ, а потомъ поставить себѣ въ намѣстники другаго епископа изъ бѣлокриницкаго духовенства. Съ своей стороны, монастырь обязался: содержать митрополита и положить ему жалованье въ годъ по 500 червонцевъ австрійскимъ золотомъ, пока будетъ жить, и исполнять правила св. отецъ безъ нарушенія и монастырскій уставъ... Кромѣ того перевезти на свой счетъ изъ Босніи роднаго сына митрополита Георгія Поповича и его жену, купить имъ въ Бѣлой-Криницѣ въ вѣчную собственность домъ съ дворомъ и огородомъ и, въ случаѣ смерти его родителя, вознаградить по усмотрѣнію. Иноки Алимпій и Павелъ клялись митрополиту въ вѣрности исполненія условія предъ св. евангеліемъ и цѣловали оное.

Амвросій къ раскольникамъ, такимъ образомъ, и пріѣхалъ. Сѣвши съ сыномъ своимъ и невѣсткою на пароходъ, онъ Чернымъ моремъ достигъ до Тульчи. Здѣсь встрѣтили его жители всѣхъ дунайскихъ слободъ и черезъ семь дней отправили на пароходѣ же по Дунаю въ Вѣну. Прибывъ въ столицу, Амвросій, совокупно съ уполномоченными бѣлокриницкаго монастыря, подалъ австрійскому императору прошеніе о желаніи приступить къ уставамъ раскольничей церкви, совершать по древнему чину богослуженіе и вступить въ австрійское подданство.

26-го сентября 1846 года, Амвросій прибылъ изъ Вѣны въ Бѣлую-Криницу и былъ принятъ въ монастырѣ по долгу и правиламъ святыхъ отецъ съ иконами и хоругвями, и тутъ ему поднесли многіе подарки: драгоцѣнную, брильятами осыпанную панагію, присланную пустосвятами изъ Москвы, великолѣпныя святительскія ризы и проч. Такъ, сударь, и открылась митрополія въ Бѣлой-Криницѣ! Главными орудователями этого дѣла были, кромѣ Алимпія и Павла, еще Геронтій, который въ началѣ 1846 года, до прибытія Амвросія изъ своей земли въ Австрію, ѣздилъ въ Москву для пріобрѣтенія церковныхъ вещей и сбора пожертвованій; бумаги же всѣ къ правительству по этому предмету писалъ православный іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ, бывшій профессоръ и ректоръ черновицкой семинаріи, сосланный за пьянство и распутство въ православный монастырь Драгомирну. Разсказываютъ, сударь, что этотъ продажный Амвросій, по прибытіи

въ Бѣлую-Криницу, *проклялъ* греческую вѣру и принялъ расколъ... Проклятіе ересей произведено было по требнику, по третьему чину; проклятіе же своей вѣры, ради политики, не читалось. Дѣйствія свои Амвросій началъ тѣмъ, что Геронтія, по общему избранію и согласію, посвятилъ 3-го ноября въ иподіакона и діакона, а 8-го ноября въ іеромонаха. Послѣ того, по условію, заключенному въ Константинополѣ, раскольники требовали немедленнаго избранія другаго епископа, опасаясь, что если бы митрополитъ скончался, не оставя преемника, то весь трудъ былъ бы напрасный и священноначальство, которое стало такъ *дорого*, должно бы было прекратиться. Потому раскольники избрали тотчасъ же въ кандидаты на епископа двѣнадцать человѣкъ изъ новорукоположенныхъ и монашествующихъ и одного мірянина, сельскаго уставщика. Изъ этихъ кандидатовъ митрополитъ съ священнослужителями избралъ трехъ: двухъ священниковъ и одного мірянина, сельскаго уставщика, обнародовавъ общему собранію, что изъ этихъ трехъ лицъ епископъ будетъ избранъ по жребію. Послѣ литургіи жребій палъ на мірянина-уставщика, простаго слободскаго грубаго мужика Купріяна Тимоѳеева, который потому и посвященъ въ епископы подъ именемъ Кирилла, а Геронтій — въ архимандриты монастыря 6-го декабря 1846 года. Съ ними Амвросій сварилъ соборное мνро и посвятилъ въ санъ священниковъ на первый разъ многихъ изъ поселянъ, но постановилъ, что впредь желающій священства обязанъ обучаться книгамъ кожанымъ нѣсколько времени, для чего и завелъ училище на иждивеніе общины бѣлокриницкой. При посвященіи епископа Кирилла, по разсказамъ, находилось много народа и австрійскіе чиновники. На 5-е и 7-е число января 1847 года гости были отмѣнно угощены, устраивались балы съ пальбой и огненными потѣхами. Самъ митрополитъ Амвросій, говорятъ, не разумѣлъ почти

совсѣмъ славянскаго языка, литургисалъ на греческомъ языкѣ, а возгласы были переведены на славянскій языкъ и списаны для него греческими буквами, потому онъ, пребывая въ митрополіи, служилъ только въ большіе праздники. Чаще же и постоянно служилъ его намѣстникъ — мужикъ Кириллъ. Вскорѣ Амвросій этотъ поставилъ архіепископа для некрасовцевъ въ задунайскія слободы, по имени Аркадія, и открылъ епархіи въ Россіи: *Владимірскую* съ архіепископомъ, *Симбирскую* съ двумя епископами, и другія. Вотъ, сударь мой, какова эта Бѣлая-Криница-то!.. Дурятъ пустосвяты эти, да и только!

VIII.

Азбука къ мудрости ступенька.

Съ мѣсяцъ я въ Бѣлой-Криницѣ читалъ разныя старинныя книги и присматривался къ правленію митрополичьему въ консисторіи его, гдѣ *судились* многіе попы раскольничьи за самозванство и злоупотребленія, и между прочимъ мой Антоній, который привезъ меня въ Криницу. Онъ, видите-ли, оказался *половымъ* въ одной московской гостинницѣ и происходилъ изъ мѣщанъ Ростова. *Смекнувъ дѣльце раскольничье*, малый пустился въ путь-дорожку съ какимъ-то раскольничьимъ попомъ, которому представлялъ тайно изъ гостинницы дѣвку, убилъ его потомъ на дорогѣ, обобралъ у него девять тысячъ рублей, купилъ на эти деньги въ Ростовѣ домъ и завелъ торговлю чрезъ брата своего, а между тѣмъ, то подъ видомъ попа, то архіерея, являлся къ раскольникамъ и нажитыя денежки отправлялъ въ Ростовъ, гдѣ у него были жена и дѣти. Въ Криницу онъ прежде этого раза пріѣзжалъ дважды, наблошнился, знаете ли, кое-чему, чтобы умѣть съ раскольниками говорить

и показать, что ему всё дѣла извѣстны. И наконецъ въ третій разъ попался... Когда стали спрашивать: кто его посвятилъ въ попы, онъ сослался на симбирскаго архіерея, а когда спросили, зачѣмъ онъ называется архіереемъ кое гдѣ, то онъ сталъ отпираться, однакоже спутался, и его стали совсѣмъ *уличать*. Не думая долго, видя что дѣло худо повернуло, онъ убѣжалъ изъ Бѣлой-Криницы, и слѣдъ простылъ. Я, знаете ли, этотъ случай и всякіе другіе *смекалъ* про себя и на усъ моталъ. Такимъ образомъ жилъ да поживалъ я въ Криницѣ и научился уму-разуму. Кириллъ меня посвятилъ наконецъ въ попы и далъ слѣдующее наставленіе:

— Если, чадо, хищные волки изловятъ тебя гдѣ, правды не говори, ибо за правду въ острогъ посадятъ, для того и бери на душу грѣхъ — о правдѣ помалчивай. Судъ же скоро въ Россіи не дѣлается... Поволочатъ тебя года четыре, и кончится всё дѣло тѣмъ, если неправду на судѣ скажешь, то пошлютъ тебя въ консисторію раза три на увѣщаніе, а коли правду скажешь, въ острогѣ насидишься и въ закавказскій край угодишь.

Къ лѣту я выѣхалъ изъ Криницы наряженный купцомъ, и повстрѣчался на дорогѣ у этапа съ Антоніемъ. Смотрю, лошадей смѣняютъ, и два жандарма около него курятъ трубки. Удивился я сильно, когда увидѣлъ Антонія, слѣзъ съ своей купеческой повозки и поздоровался съ нимъ. Антоній былъ блѣденъ, какъ полотно, и желтѣлъ отъ худобы и страху. Я подошелъ къ жандармамъ и спросилъ ихъ:

— Можно, молъ, братцы любезные, слова два сказать съ пріятелемъ?

А самъ сейчасъ въ руки имъ 5 цѣлковыхъ.

— Развѣ это твой пріятель?

— Изъ одного села.

— Ну, говори.

И сами отошли въ сторонку раздѣлять бумажку между собою.

Антоній, сударь мой, какъ схватитъ меня за руку да сожметъ.

— Христомъ-Богомъ, говоритъ, умоляю тебя: съѣзди въ село Кудахтино, гдѣ меня схватили и тамъ, на задахъ, у Карпа Елистратова, близь яблони, вырой *дараносицу*, въ которой найдешь пять тысячъ рублей сереб., и отвези эти деньги въ Ростовъ къ моей женѣ и дѣтямъ. За труды себѣ и на проѣздъ возьми сколько хочешь. А коли грѣхъ на душу хочешь взять, то, конечно, ты и всё себѣ возьми; пусть все таки не пропадутъ даромъ! Мнѣ теперь не вырваться, кажется, никогда...

— Кончили, что ли? закричали жандармы.

— Кончили.

Тройка мигомъ полетѣла съ Антоніемъ по столбовой. Жандармы сѣли по обѣимъ сторонамъ его.

— Скверная, подумалъ я, штука эта, когда втискаешься! Оно правда, *легко жить и много денегъ даютъ*, за то какъ проврешься — худо...

Однако я вернулся въ село Кудахтино, верстъ за девяносто назадъ, и нашелъ дароносицу съ пятью тысячами... Думалъ, думалъ: что́ сдѣлать съ деньгами? Себѣ утаить — совѣстно было передъ Антоніемъ, свезти въ Ростовъ — далеко ѣхать. Наконецъ я рѣшился съѣздить въ Ростовъ и прогналъ на почтовыхъ на́скоро. Пріѣзжаю въ домъ Антонія. Палаты каменныя, торговля большая, живутъ по первой гильдіи купечества. Отдалъ я деньги, обрадовались, а какъ сказалъ, что молъ приказалъ долго вамъ жить Антоній — такъ всплакнулись! Пожилъ я въ Ростовѣ дня четыре: народъ посмотрѣлъ, позавидовалъ житью Антоніева семейства въ довольствѣ и при деньгахъ, и *захотѣлось* мнѣ самому *пойдти по его дорожкѣ*, нажить денегъ поскорѣе, купить домъ гдѣ нибудь каменный, завесть торговлю,

взять къ себѣ всѣхъ своихъ родныхъ и бросить потомъ это *ремесло поповское.* Задумано и сдѣлано! И выѣхалъ я изъ Ростова въ черниговскую, костромскую, ярославскую и нижегородскую губерніи попствовать...

IX.

Русановъ попомъ у раскольниковъ.

Первымъ дѣломъ я купилъ антиминсъ въ лавкѣ и заложилъ его въ сапоги подъ кожаной стелькой, между подошвою. Раскольники, скажу вамъ, живутъ вездѣ хорошо. Во всѣхъ монастыряхъ и скитахъ прибываютъ большею частію *бѣлые,* которыхъ хозяева поятъ, кормятъ и скрываютъ, и отъ которыхъ ай-ай! какъ наживаются... Чрезъ это я позналъ, какъ *легко богатѣютъ раскольники,* особливо тузы!. Имѣютъ, знаете ли, они дѣло съ начальствомъ, припишутъ какъ нибудь бѣглаго въ осѣдлость и доятъ его, какъ корову дойную... А чуть онъ забарахтается — такъ сейчасъ ему и ткнутъ въ глаза: ты, дескать, бѣглый, живи и цѣни, что тебя пристроили и прикрыли, а то смотри, — становаго знаешь? Впрочемъ формальныя молельни считаются у раскольниковъ закрытыми, но они собираются въ нихъ, долбятъ кожаныя книги и просятъ совершать богослуженіе, увѣряя въ безопасности.

Въ одномъ селѣ, помню, подошла ко мнѣ келейница и вдругъ спрашиваетъ:

— Скажи, говоритъ, ваше священство, откуда *выписано* сіе писаніе

И она подала мнѣ тетрадь, на которой написана какая-то чепуха. Я прочелъ ее, но какъ въ первый разъ видѣлъ такое писаніе, то и не зналъ откуда это выписано.

— Не знаю говорю.

— Какъ же ты, говоритъ, іерей Бога Вышняго, а не знаешь сихъ писаній? Видно, что *мало ученъ.* Такъ шельма вѣдь и срѣзала! Нельзя же всего перечитать и знать, сами знаете, а эти старыя дѣвки, у нихъ называемыя келейницами, на томъ только и стоятъ, что *долбятъ* всякія книги раскольничьи. Цѣлыми сотнями идутъ онѣ спасаться въ кельи — небольшія избы, устроенныя обыкновенно или позади родственныхъ домовъ, или въ сторонѣ и щеголяютъ потомъ своею начитанностію въ околодкѣ, такъ что въ учености *пытаютъ* поповъ, являющихся къ нимъ. Многія изъ нихъ уходятъ даже на нѣсколько времени въ скиты, изучаютъ тамъ мудрость раскольничью и, возвратившись, играютъ важныя роли; ихъ зовутъ *матушками,* при встрѣчѣ кланяются имъ, и нетолько раскольники, но и православные. Другая, помню, изъ этихъ келейницъ обратилась ко мнѣ однажды съ вопросомъ: можно ли, говоритъ, изъ православныхъ церквей *красть* старинныя иконы съ тѣмъ, чтобы, по освященіи ихъ, кланяться имъ, какъ незараженнымъ рукою антихриста!

— Воровство, отвѣчаю я, непозволительно.

— Развѣ, говоритъ, это воровство? Это — *добытіе* сокровища непонятаго другими, все равно, что добытіе руды изъ земли... и пошла и пошла!

Что же вы думаете, сударь, просто забила меня въ пухъ. На силу отвязался отъ шельмы! Она, видите ли, принадлежала къ *обществу ворующихъ* старыя иконы изъ православныхъ церквей, а я и не слыхивалъ еще объ этомъ; ну, и срѣзался предъ канальей. „Ты, говоритъ, ваше іерейство, *мало знать начитанъ*". Такъ вѣдь и влѣпила въ глаза этакія слова! Однажды былъ со мной и такой случай. Ѣду я путемъ-дорогою и сталъ смѣнять лошадей въ послѣднемъ уѣздѣ на станціи. Вдругъ на станцію въѣзжаетъ полковникъ въ крестахъ, бывалый такой видно и требуетъ тоже лошадей. Съ нимъ

солдатъ. Я смекнулъ дѣло, сижу на лавкѣ и ни гу-гу Онъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Откуда борода?

— Изъ Чернигова-молъ.

— Что подѣлывалъ?

— Ничего не дѣлалъ особенно замѣчательнаго, а вотъ торговалъ шерстянымъ товаромъ.

Смотрю въ окно, а тамъ сыщикъ его, изъ подкупныхъ должно быть, шаритъ ужъ мою повозку.

— Зачѣмъ, говорю, ваше благородіе, тревожатъ мой товаръ-то въ повозкѣ?

— Это, говоритъ, ничего; такъ немножко пошарятъ только.

— Однако это обидно безъ всякаго повода рыть въ чужой повозкѣ.

— Поводъ-то, говоритъ, есть, — ну да это пустяки... и замялъ самъ рѣчь.

Я тоже не погнался за этимъ. Думаю какъ бы только не втискаться.

— Ты, говоритъ, изъ раскольниковъ, любезный?

— Нѣтъ, молъ, какой я раскольникъ?

— А знакомъ съ ними? Ты вотъ чай торгуешь среди ихъ.

— Торгую, да все-таки ихъ не знаю хорошенько. Наше дѣло такое — продашь, деньги получишь, да и конецъ.

— А не слыхалъ ли, говоритъ, гдѣ тутъ ѣздитъ попъ раскольничій — Русановъ по фамиліи. Мнѣ объ немъ донесли подробно, я знаю гдѣ и когда онъ бывалъ, но на слѣдъ не попаду. Я буду благодаренъ тебѣ, любезный.

— Нѣтъ, молъ, не знаю.

А самого, скажу вамъ, въ жаръ даже бросило.

— Говорятъ, шельма живетъ въ этой губерніи, а не попался еще ни разу. Ужъ если бы онъ попался мнѣ въ руки.

— Знать, говорю, не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Жаль. Не попадешь ли ты гдѣ на слѣдъ его, сообщи мнѣ письмомъ, или лично въ Черниговъ, Получишь 100 р. сер. Деньги хорошія; въ твоемъ дѣлѣ это будетъ подмога.

— Ладно, говорю, радъ стараться для вашего благородія.

И онъ сталъ собираться со станціи. Тройка лихихъ стояла ужъ у крыльца.

— Унеси ты Господи, думаю, его отсюда поскорѣй, минуй туча грозная!..

Какъ уѣхало это пугало со станціи, такъ я насилу духъ перевелъ отъ радости. Инда сперло въ горлѣ! Укатила тройка изъ виду, я на другую, и давай Богъ ноги.

X.

Торный путь.

Въ ярославской губерніи я поповствовалъ благополучно. Тутъ я нашелъ столько вѣръ, что не успѣвалъ изучать.

Что не человѣкъ — то вѣра; что не баба — то согласіе... Просто спутаешься! Со мной встрѣтилось на дорогѣ нѣсколько поповъ — бѣглыхъ, какъ я. Спросятъ этакъ стороной:

— Не знаете ли, дескать, въ этомъ селѣ, какого толка раскольники?

— А вамъ зачѣмъ?

— Да такъ. Мы по дѣламъ торговымъ...

— Торговать-то все равно у кого бы ни было.

А самъ, знаете ли, дашь знать и понять, что разумѣемъ молъ, кто вы. Они помнутся-помнутся да и признаются....

— Ты, говорятъ, *изъ нашихъ* видно?

— Да, молъ, изъ вашихъ.

— Ну, такъ выпьемъ.

И сойдешься этакъ и покалякаешь! Нѣкоторые изъ нихъ попадались совсѣмъ ничего незнающіе въ книгахъ, должно быть — просто изъ солдатъ бѣглыхъ. Ну, сейчасъ увидишь, что за птица, и скорѣе разойдешься. А ѣздятъ вѣдь, сударь мой, крестятъ матушку Россію во всѣхъ направленіяхъ, обираютъ безпастушныхъ овецъ!

Съ однимъ мужикомъ изъ филиповцевъ мнѣ привелось говорить въ селѣ Подсиновкѣ, на станціи; въ это время проѣзжалъ чиновникъ какой-то изъ Ярославля. Мужикъ при разговорѣ съ чиновникомъ не снималъ шапки и постоянно употреблялъ слово *братецъ*. Когда чиновникъ замѣтилъ, что онъ ему не ровня, то мужикъ отвѣчалъ: „а что такое? по вашему, кто генералъ, кто ваше благородіе, а по нашему — всѣ ровные братья".

Вотъ вы и извольте толковать съ такимъ народомъ! Теперь, сказалъ Русановъ, — я скажу вамъ, сударь, о томъ, какъ я попалъ въ острогъ въ ярославской губерніи.

— Любопытно слышать, а еще любопытнѣе знать, какъ ты выбрался оттуда? отвѣчалъ я.

— Попался я такимъ образомъ. Когда я пріѣхалъ въ село Кр—ое на станцію, то замѣтилъ одного человѣка въ родѣ попа раскольничьяго, который то и дѣло входилъ въ общую избу изъ особенной задней горницы. На дворѣ повозка стояла распряженная. Человѣкъ этотъ, гляжу, всматривается въ меня и хочетъ что-то заговорить. Я отвертываюсь нарочно, чтобы избѣжать любопытнаго. Онъ посмотрѣлъ на меня, на мою кибитку, и что-то смекнулъ. Потомъ подходитъ и такъ вкрадчиво спросилъ:

— Что, говоритъ, добрый человѣкъ, изъ торговыхъ знать?

— Да, молъ, торгуемъ понемногу, въ Нижній собираемся, товары распродали.

— И я, говоритъ, торгую понемножку, стало-быть мы *по одной дорожкѣ* ѣздимъ.

Я гляжу на него и смекаю, что онъ что-то признаетъ во мнѣ.

— Зайдемъ, говоритъ, въ мою комнату, у меня особая тутъ есть; я съ хозяиномъ коротко знакомъ, и онъ мнѣ всегда уступаетъ особую горницу. Поговоримъ о дѣлахъ торговыхъ.

Входимъ въ горницу. Смотрю, у него лѣстовка виситъ на крючкѣ, дароносица на окошкѣ, кадило у образа и раскольничья книга: *О подвигахъ страдальцевъ покровскаго монастыря, климовскаго, зыбковскаго и злынскаго посадовъ, совершившихся въ 1791 году, по переселеніи изъ Вѣтки*. Я спрашиваю:

— Съ вами, вѣроятно, изъ духовныхъ особъ раскольничьихъ кто-нибудь ѣздитъ?

— Я, говоритъ, самъ духовная особа раскольничья, служу попомъ у нихъ.

И самъ тотчасъ началъ разсказывать свои похожденія.

— А вы, добрый человѣкъ, не изъ нашихъ развѣ?

Я сконфузился, помялся немного, и ничего не подозрѣвая, видя его откровенность, признался ему, вотъ какъ примѣрно теперь вамъ.

— Какъ, говоритъ, вы провозите антиминсъ и чашу съ дароносицею? Я вотъ всегда антиминсъ въ шапку зашиваю, и самъ сейчасъ вынулъ антиминсъ изъ шапки своей: — вотъ только чашу и дароносицу никогда не могу хорошенько спрятать. Подъ козлами въ ящикѣ держу.

— А я, говорю, антиминсъ держу въ сапогахъ между стелькой и подошвой, — и показалъ ему правую ногу: —

дароносицу, чашу, лжицу и копіе въ подушкѣ задней оси. Тамъ у меня вдолбленіе этакое есть.

— Покорно, говоритъ, благодарю, что надразумѣли меня. Я впредь и самъ такъ буду дѣлать!.. И самъ сейчасъ вывернулся изъ горницы. Черезъ три минуты, смотрю — онъ шасть въ горницу съ понятыми и скидаетъ съ себя верхнюю купеческую одежду. Вижу — становой изъ военныхъ и крестъ на груди. Такъ я и ахнулъ! Вотъ, думаю, чего въ жизни еще не встрѣчалъ?..

— Потрудись, говоритъ, любезнѣйшій теперь разуть сапоги твои; мы посмотримъ, что находится между подошвами и стелькой?

Мужики вспороли сапогъ мой и вынули антиминсъ.

— Теперь, говоритъ, свяжите-ка попа-то веревками, да взломайте подушку у задней оси.

Взломали подушку оси и вынули мою дароносицу, чашу, лжицу и копіе.

— Ну теперь, говоритъ, потрудитесь ваше благословеніе сѣсть въ телѣгу, и васъ свезутъ въ острогъ.

Дѣлать было нечего! Я догадался, что филиповецъ, хозяинъ дома, былъ въ заговорѣ съ становымъ и выдавалъ, вѣроятно, не одного меня изъ своей западни. Но было поздно поправить дѣло. Меня заключили въ острогъ. *Торны*, думаю, *дорожки поповскія*, но и въ остроги дорога *торна*.

XI.

На кого кадятъ, тотъ и кланяйся.

Въ острогѣ жизнь скверная и больше всего тѣмъ несносная, что изъ острога дорожка прямая въ Сибирь. Ну и ноетъ сердце день и ночь и не даетъ покоя. Острогъ, куда меня заключили, былъ каменный и крѣп-

кій; дворъ занесенъ высокою каменною стѣною, рѣшетки на окнахъ въ руку толщины. Дѣло было плохое! Однако, думаю, что же? вѣдь я не простой мужикъ, а попъ раскольничій; можетъ какъ и улизну отсюда! И сталъ я подумывать объ этомъ дѣлѣ крѣпко, какъ бы *помощію этого титула* избавиться отъ темничнаго заключенія... Первымъ дѣломъ, разумѣется, мнѣ нужно было найдти друзей и почитателей въ острогѣ, потому, сами знаете, одинъ въ полѣ не воинъ. И вотъ я сталъ присматриваться, когда выпускали арестантовъ на дворъ острожный, нѣтъ ли изъ нихъ кого *попростѣе*. Вижу, однако, все народъ сердитый, смотритъ исподлобья. Я сталъ каноны распѣвать про себя на дворѣ — меня стали слушать; я житія и страданія раскольническихъ подвижниковъ разсказывать — меня услышали два судившіеся за плутовство раскольника, бывшіе среди арестантовъ. Я къ нимъ въ дружбу вхожу. Такъ и такъ, молъ, вотъ я кто!.. Они умилились и прослезились; товарищамъ разсказали, что вотъ-де заточена здѣсь духовная особа съ нами. Смотрю, на меня ужъ стали указывать пальцемъ и проходили мимо меня съ поклонами. Я выбралъ арестанта, раскольника Никиту Карася, въ приближенные къ себѣ и открываюсь ему.

— Хочешь ли, молъ, ты спасеніе себѣ уготовать на небѣ?

— Хочу! говоритъ. Я и такъ все по острогамъ обрѣтаюсь; хоть бы въ будущей-то жизни привелось насладиться райскимъ житіемъ.

— Помоги мнѣ уйдти изъ острога; ты знаешь, что теперь паства моя безъ пастыря, овцы безъ пастуха среди волковъ хищныхъ, среди слугъ антихриста.

— Знаю, говоритъ, знаю.

— Нужно дать знать раскольникамъ, любезнымъ моимъ чадамъ, что я заточенъ и страдаю здѣсь въ тѣсной и мрачной темницѣ.

— Ужели, говоритъ, никто не знаетъ объ этомъ?

— Вотъ въ тамъ-то и бѣда, что никто не знаетъ! Меня взяли тайно съ дороги и обманомъ.

И я съ прикрасами разсказалъ тутъ Карасю мою исторію съ становымъ. Смотрю, расплакался Карась, и слезы полились ручьемъ... „Экіе, говоритъ, волки хищные, не даютъ они житья смиренномудрому и кроткому стаду божію". И началъ Карась причитать...

— Все это, говорю, такъ, да какъ же выбраться-то отсюда? Поможешь ли ты мнѣ?

— Все что не захотите, говоритъ Карась. — Я за васъ въ огонь и въ воду.

— Если такъ, то узнай, кто скоро изъ острога выходить будетъ. Я съ нимъ посланіе напишу къ стаду своему.

— Извольте, говоритъ, завтра же.

— И добудь мнѣ карандаша и бумаги.

— Постараюсь!

На другой день Карась, свидѣвшись со мною на дворѣ, разсказалъ мнѣ, что одинъ мѣщанинъ города, въ которомъ я сидѣлъ въ острогѣ, отживалъ срокъ и чрезъ недѣлю выходилъ на волю, и что онъ упросилъ его снести посланіе мое къ одному богатому купцу-раскольнику Каратаеву. И бумаги при этомъ Карась принесъ мнѣ, только карандаша не досталъ, а принесъ вмѣсто него кусочекъ свинцу.

Я сталъ готовить посланіе и начертилъ свинцомъ на бумагѣ слѣдующее:

„Возлюбленные братіе!

„Да сбудется слово, реченное въ священномъ писаніи: „поражу премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну". Изыщите средства освободить изъ темницы заключеннаго за вѣру истинную и *ваше спасеніе*. Покажите отъ вѣры вашей, что вы мудрѣе мудрыхъ и разумнѣе разумныхъ. Умудритеся и исхитьте изъ узъ заключеннаго невинно. Азъ не о себѣ пекуся на землѣ, никто же бо мой духъ одолѣетъ ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ ярославскихъ, а пекуся и болю о стадѣ моемъ, оставленномъ среди хищныхъ волковъ безъ пастыря. Имѣяй уши слышать, да слышитъ!

Заключенный іерей Русановъ."

Вручилъ я это посланіе Карасю, а тотъ мѣщанину, отбывающему срокъ въ острогѣ. Чрезъ недѣлю смотрю — ко мнѣ прислана ватрушка и прислана такъ, что прямо по назначенію дошла. Разламываю ватрушку — въ ней запеченъ лоскутъ бумаги съ словами: „Не бойся отче праведный! овцы исхитить своего пастыря изъ зубовъ волчьихъ, помощію божіею, съумѣютъ. Не скорби духомъ. Завтра получишь булку со вложеніемъ."

Получивши этакое посланіе, я пріободрился, и у меня отлегло отъ сердца. Авось, думаю, выберусь отсюда!

Вечеромъ сказалъ я объ этомъ Карасю.

— Отче праведный, завопилъ Карась! — Можешь ли ты съ нами сидѣть въ темницѣ? Богъ, видя съ высоты престола своего... И пошелъ и пошелъ!...

— Вижу, молъ, сынъ вѣрный, твое рвеніе къ своимъ іереямъ, и Богъ пошлетъ тебѣ спасеніе за это.

На другой день получаю я бутылку, дошедшую опять прямо ко мнѣ по назначенію, въ которой было запечено 100 рублей бумажками *на отраду въ темницѣ*, и записка съ увѣреніемъ, что скоро я буду исхищенъ изъ зубовъ антихриста.

Я раздѣлилъ деньги съ Карасемъ и велѣлъ раздать половину заключеннымъ въ темницѣ. И пошло веселье въ острогѣ такое, что точно на свободѣ! Арестанты вина накупили; ко мнѣ съ такимъ почтеніемъ стали относиться, что, когда изъ двора приходилось подниматься по лѣстницѣ въ камеру темничную, они подъ руки меня брали и сопровождали по лѣстницамъ, точно архіерея во время служенія... Караульные тоже съ

уваженіемъ относиться стали. Запоешь этакъ, бывало, ирмосы, или псалмы въ своей темницѣ, а они умиляются и ружья опустятъ, точно предъ офицеромъ.

Наконецъ получаю я, подъ воскресенье, цѣлый большой калачъ. Разрѣзываю — пустой, оболочка одна, а въ немъ запечено двадцать аршинъ толстой проволоки и пилка маленькая стальная; тутъ же и записка, въ которой сказано, что ночью двое верховыхъ будутъ ждать меня у острога и чтобы я, распиливъ кандалы, спустился по проволокѣ чрезъ ретирады внизъ, а они ужъ примутъ меня. Я такъ и сдѣлалъ. Кандалы надпилилъ въ комнатѣ, и когда отправился въ ретирады, то назадъ меня ужъ не дождались. Приняли меня посланные и увезли въ лѣсъ, перерядивъ въ приготовленное платье мѣщанское. Подъ именемъ молодца привезли меня къ Каратаеву безъ всякой боязни, гдѣ я днемъ сидѣлъ въ соляномъ лабазѣ за молодца, а вечеромъ совершалъ въ домѣ его богослуженіе и деньги собиралъ... Раскольники, зная мое заключеніе въ тюрьмѣ, ахали и вздыхали и пуще *ублажали* меня.

Такъ вѣдь ловко, сударь мой, дѣла дѣлаютъ эти раскольники! У меня, скажу вамъ, тотчасъ же и страхъ прошелъ. Сидишь въ лабазѣ и ухомъ не ведешь! По городу розыски чинятся, съ ногъ сбились городничій и исправникъ, мимо лавки проходили не разъ, а я и въ усъ не дую; сижу да на счетахъ похлопываю. Вѣдь и прятать не стали меня!.. „Зачѣмъ, говорятъ, прятать: только подозрѣніе наведешь, а вотъ сидите въ лабазѣ и прикащичье дѣло исправляйте, — больше ничего.“ Чрезъ двѣ недѣли вручили мнѣ раскольники паспортъ прикащичій и отпустили съ миромъ въ путь-дорогу вечеркомъ на тройкѣ, одаривъ щедро; даже нарочно мимо городническаго дома провезли... Кажись бы, послѣ этакой исторіи надо было мнѣ кинуть все это дѣло поповское, такъ нѣтъ вѣдь, сударь; послѣ опасности откуда явилась у меня опять охота стран-

ствовать. Не боюсь ужъ ничего, да и только!... Про нижегородскую губернію наслышался, что тамъ есть *корень всякихъ особенныхъ сектъ*, ну — и махнулъ туда.

XII.

Два попа.

Въ этой губерніи я скоро попался въ просакъ... Дѣло было такъ. Пріѣзжаю я въ домъ одного поповщинскаго раскольника, который считался главою всѣхъ раскольниковъ въ губерніи и былъ выведенъ въ люди и поставленъ на эту дорогу извѣстнымъ раскольникомъ богачемъ въ Москвѣ Со—мъ. Человѣкъ онъ, какъ я съ перваго раза увидѣлъ, былъ *пройди-свѣтъ*, что называется. Онъ былъ изъ бѣглыхъ солдатъ, самъ долго поповствовалъ у раскольниковъ, нажилъ деньги, и сдѣлался главою и *ходатаемъ* по дѣламъ раскольниковъ. Домъ его построенъ въ два этажа, съ мезониномъ и подвалами, и устроенъ въ родѣ лабиринта, съ безчисленнымъ множествомъ выходовъ, дверей, лѣстницъ и переходовъ, съ прямою цѣлью укрывательства, на случай нечаяннаго обыска полиціи. На дворѣ живутъ старухи, богомолки и странницы, тутъ же есть и моленья. Прожилъ я день у этого главы раскольниковъ, и на другой сталъ въ моленьѣ служить. Ну, извѣстно, глупаго народу привалило съ окрестныхъ мѣстъ много; моленью освѣтили двумя пудами восковыхъ свѣчь, я размахиваю обѣими руками и благословляю; только вдругъ, среди богослуженія, пріѣхалъ на дворъ другой попъ, который происходилъ изъ дворниковъ. У него мѣсто-то поповское было тутъ давно нагрѣто. Входитъ онъ въ моленью — въ рясѣ чернаго атласу; и сталъ на почетномъ мѣстѣ. Народъ, знавшій его давно, разступился предъ нимъ и далъ ему дорогу около моего мѣста.

У меня сердце такъ и ёкнуло. Плутъ, думаю себѣ, первой степени должно быть; какъ бы онъ меня не срѣзалъ? Однако продолжаю богослуженіе и не конфужусь; только слышу, онъ шепчетъ постоянно хозяину дома, то не такъ я кажу, то не такъ благословляю. Меня кинуло въ лихорадку, и я едва кончилъ богослуженіе. Послѣ обѣдни, пришедши къ хозяину дома, засталъ я тамъ и попа пріѣзжаго на первомъ мѣстѣ. Меня посадили рядомъ съ нимъ и свели поговорить другъ съ другомъ о вѣрѣ, чтобы испытать меня, что-де я за человѣкъ. Я разсказалъ про Бѣлую-Криницу, про черниговскихъ и ярославскихъ раскольниковъ, про московскихъ тузовъ раскольниковъ: Куз. Тер. Солдатенкова, Тим. Савича Морозова, Ив. Петр. Бутикова, Ѳед. Свѣшникова, Винокурова, Муравлева, про Агафью Рахмановну, у коей притонъ всѣхъ бѣглыхъ поповъ и архіереевъ раскольничьихъ и о прочихъ... про книги раскольничьи и кое-какія распоряженія правительства относительно раскольниковъ. Ничего, — слушаютъ!

— А какого года и числа было посвященіе въ іереи вашего священства? спросилъ меня хозяинъ дома и переглянулся тихонько съ пріѣзжимъ іереемъ.

— Въ 1864-й годъ, въ третью недѣлю по Пасхѣ.

— Недавно, говорятъ, недавно!

А самъ каналья точно поперхнулся. Подали ужинъ, винъ наставили, и стали мы вкупѣ трапезу чинить. Явились хозяинова жена и дѣти—рожи глупыя, но всѣ въ бархатѣ; народъ изъ богатыхъ усѣлся кругомъ, вдоль стѣнъ. Попъ пріѣзжій много разсказывалъ про пустосвятовъ московскихъ, и всѣ слушали его съ умиленіемъ.

Послѣ ужина, когда намъ отвели особыя комнаты для ночлега, пріѣзжій попъ постучался ко мнѣ. Я впустилъ его. Онъ со мною слово-за-слово, да потомъ вдругъ спросилъ:

— А что, говорятъ, ваше священство, вы *изъ нашихъ*, должно быть?

— Какъ же это изъ вашихъ, говорю? я что-то не понимаю.

— Какъ, говоритъ, не понять? Въ попы-то вы *сами себя* посвятили?

— Это что значитъ?

И самъ, знаете, сейчасъ въ амбицію вхожу.

— Полноте, говоритъ, ваше священство, не горячитесь! Вотъ списочекъ посвященныхъ поповъ, васъ тутъ нѣтъ и въ поминѣ.

И самъ сейчасъ изъ кармана вынулъ списокъ поповъ бѣглыхъ.

— Мы, говоритъ, на всякій случай имѣемъ эту грамотку, которую вы встрѣтите нынче у многихъ раскольниковъ, особливо главныхъ ихъ орудователей; потому предостерегаю васъ, будьте нынѣ осторожны.

— А ваше-то, говорю, священство, находитесь въ этомъ списочкѣ?

— Нѣтъ, еще не попалъ; ну да обо мнѣ-то вы не безпокойтесь, я тутъ *твердо* пока стою.

Ишь ты вѣдь шельма, думаю, какъ подъѣлъ! А самъ говорю.

— Не безпокойтесь ужъ и ваше священство; въ такомъ случаѣ я завтра же уѣду отсюда и мѣшать вамъ не буду!

— Это такъ, говоритъ, а все-таки мало-ли что можетъ случиться?

Я догадался, что онъ задумалъ что нибудь мнѣ сдѣлать.

— Народъ вѣдь, говоритъ, глупъ, сами знаете, все-таки лучше если поменьше людей, которые его обираютъ...

Видите-ли жалость у канальи откуда явилась!

Такъ мы и разошлись. Я далъ свово уѣхать на другой же день изъ губерніи и дѣйствительно чѣмъ свѣтъ уѣхалъ. Только, сударь, этотъ каналья, насиженный-то іерей, далъ знать становому, съ которымъ вѣроят-

но давно былъ въ ладахъ, и тотъ настигъ меня верстъ за 50 въ одной деревнѣ.

— Вы, говоритъ, почтеннѣйшій ночевали у такого-то въ предпрошедшую ночь?

А самъ читаетъ по бумажкѣ мои примѣты.

— Да, говорю, ночевалъ.

— Такъ васъ-то и просили препроводить въ острогъ.

— За что же?

— Да за то, чтобы вы не *мѣшали* другимъ. И самъ этакъ примигнулъ лѣвымъ глазомъ. Я понялъ, да три 25 рублевыхъ ему въ руку.

— Э! говоритъ, мы этимъ не мараемся.

Я еще три.

— Нѣтъ, такія деньги мой писарь только беретъ.

Я еще три.

— Не могу, говоритъ. Пожалуйте въ острогъ, тогда дали бы больше, да поздно будетъ.

Такъ-таки онъ съ меня 500 р. сер. и спололъ.

И мы распростились.

Выбравшись изъ этой проклятой губерніи, я поспѣшилъ на свою родину, къ своему селу родному, взглянуть на него; пробылъ дня два въ лѣсу, а потомъ ночью постучался къ сестрѣ своей, которая была выдана за мужикомъ. Какъ увидала она меня, такъ и обмерла.

— Ты ли, говоритъ, это братецъ?

— Я, молъ, самый.

— Да мы тебя считали давно мертвымъ.

— А я живъ да и добра нажилъ...

И самъ ей сейчасъ тысячу серебромъ на столъ въ подарокъ, и разсказалъ все свое житье-бытье безъ утайчи.

— А эту вотъ тысячу снеси отъ меня въ подарокъ отцу съ матерью Параши, вели имъ молиться Богу за ея душеньку, и сорокоустовъ десять заказать по церквамъ. Я съ своей стороны двѣнадцать сорокоустовъ наказывалъ ужъ по православнымъ монастырямъ...

Тутъ я ей разсказалъ, какъ Параша умерла на моихъ почти рукахъ, поплакалъ горькими слезами объ ней и, увѣривъ сестру, что возьму ее скоро въ Москву жить навсегда съ собою, простился съ ней и ушелъ въ лѣсъ опомниться и размыслить, что̀ съ собою дѣлать? Денегъ у меня оставалось еще на лице шесть тысячъ руб. сер. Жилъ я съ недѣлю въ пустомъ шалашѣ караульномъ, и размышлялъ день и ночь о себѣ и о томъ, что я доселѣ видѣлъ и слышалъ. Сообразивши все, я увидѣлъ одно — что худо жить на землѣ неучу мужику, и ищетъ онъ лучшей жизни, и надуваетъ его при этомъ своя же братія по той причинѣ, что онъ слѣпъ, необразованъ... Вѣру истинную я все-таки не познал еще, но ясно видѣлъ, что раскольники лишь дурятъ. Думалъ-думалъ я и рѣшился еще испытать вѣры, о которыхъ читалъ въ книгахъ и наслышался много отъ другихъ. Порѣшилъ я съ годикъ еще попутешествовать по матушкѣ-Россіи — *испитать вѣры*, а тамъ, думаю, и успокоюсь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, которое выберу для своего жительства. Помолился я Богу въ послѣднюю ночь въ шалашѣ своемъ и воскликнулъ: „Помоги мнѣ Господи еще поискать вѣру правую! Какъ найду ее, тогда, можетъ быть, успокоюсь совсѣмъ“. Зарывъ пять тысячъ въ берестовой корѣ подъ дубомъ примѣтнымъ, я съ шестою тысячью пустился снова въ путь-дорогу.

XIII.

Баловливая овца волку корысть.

Положивши себѣ, такимъ образомъ, *испытать всѣ вѣры*, я отправился изъ Рязанской въ Тамбовскую гу-

бернію, гдѣ, по разсказамъ, жили скопцы. Ѣхалъ я путемъ-дорогою и наконецъ остановился въ Моршанскомъ уѣздѣ. Село Сосновка, въ которомъ я рѣшился пытать вѣру, и о которомъ всѣ говорили, что оно самое ядро-то и есть скопцовъ — было справное село. Избы большія, все крытыя тесомъ; заборы высокіе, тесовые и ворота огромныя въ каждомъ дворѣ. Я зашелъ въ избу недалеко отъ края, отворилъ дверь въ сѣни и окликнулъ хозяевъ — никто не отвѣтилъ. Кликнулъ еще разъ — послышалось шушуканье и голосъ за другой дверью. Я толкнулъ дверь ногой; черная кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ зелеными глазами. Я всунулъ голову въ избу. Смотрю — мужикъ безбородый сидитъ въ углу и читаетъ книгу; двѣ бабы ворочаются по хозяйству въ чуланѣ.

— Примите, говорю, странника божія, честные люди.

— Жаловать добро, божій сынъ! проговорилъ мужикъ. — Откуда несетъ тебя духъ божій?

— Иду изъ лѣсовъ дремучихъ, а ищу вѣры истинной.

— Вѣры истинной! сказалъ мужикъ; — а какой же ты вѣры ищешь?

— Вашей, говорю.

Мужикъ всталъ и затворилъ за мною дверь. Бабы высунулись изъ-за перегородки.

Я раздѣлся. Мужикъ Трофимъ Зайцевъ, какъ послѣ оказалось, сталъ меня распрашивать о всемъ. Я сказалъ ему какія пыталъ вѣры. Онъ все слушалъ. Наконецъ заговорилъ:

— Мы примемъ тебя, божій сынъ, и дадимъ тебѣ *справиться*... Живи у насъ, и когда испитаешь нашу вѣру, такъ и самъ не уйдешь.

Изъ распросовъ и разговоровъ со скопцами я узналъ, что они имѣютъ сношенія съ тузами скопцами въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ таврической губерніи и даже съ иркутскими и тобольскими. Изъ московскихъ скопцовъ у всѣхъ не сходятъ съ языка имена скоп-

цовъ: Соболевыхъ, Солодовниковыхъ и Кудриныхъ, которые со всѣми властями въ Москвѣ свои...

— Ну, что, нравится ли тебѣ у насъ жить? стали спрашивать меня всѣ чрезъ нѣсколько дней.

— Нравится, говорю.

— А вѣра наша?

— Да я церкви вашей не видалъ еще.

— А вотъ увидишь скоро!

Моленья ихъ, сударь мой, происходятъ большею частію наканунѣ большихъ православныхъ праздниковъ, но гдѣ — я никакъ не могъ самъ собою этого узнать: такъ тщательно они скрываютъ эти мѣста. Настала наконецъ одна ночь подъ Покровъ Пресвятыя Богородицы — и въ селѣ стали приготовляться тайно къ моленью. Ночь была темная, такъ что въ трехъ шагахъ не было видно человѣка. Мы пошли лѣсомъ за село, гдѣ находилась молельня. Наконецъ, подходимъ къ оврагу. Смотрю — съ фонарями подъ полою спускаются въ оврагъ со всѣхъ сторонъ скопцы и ныряютъ въ западню, которая сдѣлана въ полугорѣ. Спускаюсь и я въ западню. Вижу огромный коридоръ потянулся въ глубину горы. Народъ шелъ свободно по коридору, какъ по улицѣ. Полъ настланъ изъ досокъ. Вездѣ стоятъ караульные. Наконецъ подошли мы къ двери избы. Входимъ, изба полна народу. Времени было около 12 часовъ ночи. Мужчины одѣты въ бѣлыхъ рубашкахъ, длинныхъ-предлинныхъ и широкихъ, женщины въ такихъ же рубашкахъ и въ синихъ китайчатыхъ сарафанахъ. Какъ мужчины, такъ и женщины босикомъ и держатъ въ рукахъ большіе бѣлые покровы; въ родѣ полотенцевъ. Когда мы вошли, то Трофимъ далъ знакъ, чтобы я привѣтствовалъ всѣхъ земнымъ поклономъ, и самъ бухнулся въ землю. Намъ отвѣтили тѣмъ же и мы сѣли. Трофимъ облачился тотчасъ въ бѣлую одежду и разулся, какъ слѣдуетъ

скопцу. За молитвами поминали какого то Максима Плотицына, покровителя скопцовъ...

На зарѣ почти всѣ разошлись, и я воротился.

— Да-съ, сударь той. Вотъ есть каковы вѣры-то! воскликнулъ Русановъ. — *Блажатъ* вѣдь люди, какъ вы думаете?

— Да, говорю, блажатъ...

— А все отчего?

— Отчего?

— Отъ невѣжества. *Ничему не учены, настоящей вѣры не знаютъ*, ну и бродятъ въ *потемкахъ*, кто во что горазДъ... Да на́живу властямъ доставляютъ. Сколько денегъ съ нихъ побираютъ — сами разсказываютъ! Про одного наибольшаго въ губерніи Д—са разсказываютъ, что Максимъ Плотицынъ рвалъ его векселя изъ уваженьица дескать... Вотъ что! Извѣстно, баловливая овца волку корысть!

XIV.

На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

Случилось, сударь мой, пріѣхать становому въ Сосновку. Онъ заглядывалъ къ скопцамъ частенько, но обысковъ мало дѣлалъ. Скопцы отдѣлывались за посѣщеніе его сторублевою, и онъ уѣзжалъ. Мнѣ пришла мысль указать становому мѣста оскопленія. Я думалъ такъ: сдѣлаю молъ хорошее дѣло, когда прекращу этотъ обрядъ скверный, потому что, какъ хотите, а рѣзать человѣка не годится, *дурятъ люди сдуру*! Настигъ я становаго вечеркомъ у гуменъ и говорю ему:

— Извините, ваше высокоблагородіе, если я остановлю васъ.

— Что́, говоритъ, тебѣ нужно?

— Да вотъ, молъ, желаю сообщить вамъ мѣста, гдѣ скопцы производятъ рѣзанье людей...

Становой ласково взялъ меня за руку, и началъ выспрашивать. Я росписалъ ему всѣ тайники скопцовъ.

— А кто, говоритъ, ты самъ-то?

— Не изъ ихнихъ, говорю.

— Ну, я тебя не трону. Понимаешь?

— Понимаю.

Смотрю, становой ночью же шасть съ понятыми по всѣмъ указаннымъ мною мѣстамъ. И пошла потѣха въ селѣ! Я какъ-будто и знать ничего не знаю. Становой отыскалъ у нихъ и чуланчики, и чердаки, и клѣтушки, и тайники, устроенные между накатами и обшивкой потолка, гдѣ хранились орудія оскопленія, а у Христа забралъ всѣ радѣльныя рубашки, радѣльные покровы, ладонки съ волосами и обрѣзками ногтей, сухарики, крендельки и другія съѣдобныя крохи, составлявшія причастіе скопцовъ, мази и примочки всякія, служившія къ леченію ранъ, окровавленныя тряпки, подушки и одѣяла съ кровавыми пятнами. Боже ты мой! какъ завопили эти скопцы и все отвозили деньги въ губернскій городъ Тамбовъ одному большому взяточнику Д—су. Только, доложу вамъ, сударь, они и послѣ этой переполохи такъ озлились, что готовы были весь свѣтъ изрѣзать по своему обряду.

Становой сказалъ мнѣ, чтобы я ничего не боялся и донесъ ему еще объ молельняхъ скопческихъ.

Сѣвъ верхомъ на лошадь, я однажды скаталъ къ становому еще.

— Такъ и такъ, говорю, ваше высокоблагородіе, подъ субботу послѣ-завтра назначается моленье въ лѣсу и оскопленіе. Пріѣзжайте и перевяжите всѣхъ.

— Прекрасно! говоритъ. — Вотъ тебѣ 50 руб. за это.

— Въ десять часовъ, говорю, пріѣзжайте. Какъ разъ будете въ конѣ.

Подходитъ суббота. Народъ, по обыкновенію, собрался со всего села. Гляжу, на мѣсто увезеннаго становымъ Христа избранъ ужъ другой мужичонка, борода опять

клиномъ, какъ пишутъ у нихъ Бога Кондратія Селиванова. Свѣчи пылали въ молельнѣ, какъ и прежде, и скопцы въ бѣлыхъ одеждахъ, съ свѣчами въ рукахъ, начали, по обыкновенію, пѣть разныя пѣсни и лишь только затянули:

Благослови еси Христе Боже нашъ
Иже премудры ловцы ловлей...

какъ вдругъ дверь съ петлей соскочила и становой съ понятыми вошелъ въ молельню и сказалъ:

— А вотъ я васъ, сукины дѣти, и уловлю!

Господи владыко! что только сдѣлалось вдругъ въ молельнѣ! Женщины завизжали. Мужичонку-Христа сейчасъ въ кандалы, а прочихъ становой заперъ на мѣстѣ. Къ губернатору тотчасъ послалъ нарочнаго съ донесеніемъ. Но говорятъ все кончилось денежками скопческими... Послѣ этой исторіи многихъ въ Тамбовѣ взяточниковъ посмѣняли и ждали даже новаго губернатора. Скопцы струхнули при ожиданіи новаго начальства въ губернію и въ Моршанскъ.

XV.

Кто виноватъ?

Русановъ кончилъ свой разсказъ и, вперивъ въ меня свои черные глаза, ловилъ впечатлѣніе, какое произвелъ на меня. Я молчалъ.

— Не понравилась, должно быть, вамъ сударь, моя пѣсенка? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, говорю, хороша; только жаль, что скоро кончилась.

— Можетъ быть вы будете *винить* меня за всѣ мои дѣла?

— За что винить?

— Соблазнъ, сударь, соблазнъ большой! Я никакъ не думалъ, что буду такъ жить! И теперь, вспомнивъ старика отшельника, стыжусь самого себя; но что́ дѣлать? Глупъ народъ-то больно, *балуетъ*. Сыплетъ деньги, *ходитъ въ слѣпоть*, ну какъ тутъ устоятъ? Да и повадка свое беретъ, не утерпишь, такъ и *тянетъ*.

— Что же, говорю, ты теперь раскаешься въ Сибири-то?

— Хочу раскаяться, если соблазнъ *не перетянетъ*. Убѣгу отъ стражи въ лѣса и поселюсь въ пещерѣ.

И Русановъ всталъ. Кандалы звякнули на ногахъ и заставили его вздрогнуть, какъ-бы послѣ забытья. Такъ сладка ему была его пѣсня, такъ убаюкала она и его и меня, что онъ забылъ, что у него скованы ноги, а я забылъ, что сижу съ арестантомъ. Вошли караульные, выспавшись порядочно на крыльцѣ. На часахъ пробило два, когда, въ сопровожденіи трехъ конвойныхъ, вышелъ отъ меня ночью Русановъ.

Я остался одинъ, и тяжелыя думы легли свинцомъ на душу.

„Кто тутъ виноватъ?“ думалъ я, припоминая весь разсказъ Русанова... „кто?... кто?...“ и ни на одно „кто“ я не могъ удовлетворительно отвѣтить; видѣлъ только, что *пора намъ проснуться и перестать жить по-липами*! И понятны мнѣ стали всѣ наши нищіе странники, калѣки-перехожіе, люди божіи и всѣ сорты темныхъ раскольниковъ, разсыпанныхъ по всему лицу русской земли... „Отъ чего“, думалъ я: „у народа и сапоги, и порты, и рукавицы догматъ... и борода святая... и маковки съ благодатію?.. Кто въ этомъ виноватъ? Долго ли еще будетъ это? Долго ли Русановы будутъ нарождаться на рыхлой почвѣ и гулять по просторной Россіи? Долго ли?“

Прошло послѣ разговора моего съ Русановымъ почти полтора года. Я ѣхалъ въ сентябрѣ 1867 года по большой дорогѣ въ бѣднѣйшее село Мосты. Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ; лучи его давно поблекли и похолодѣли; они уже не сіяли, а разливались ровнымъ водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса. Осень была въ полной своей силѣ. Порывистый вѣтеръ скользилъ мнѣ на встрѣчу черезъ желтое, высохшее жниво. Торопливо, клубясь въ воздухѣ, стремились мимо меня, черезъ дорогу, вдоль опушки небольшой рощи, желтые, сорванные съ деревъ листья. На поблекшей травѣ, на соломенкахъ сжатыхъ хлѣбовъ, блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я задумался. Мертвенность природы уныло дѣйствовала на душу. Ямщикъ, въ дырявомъ зипунѣ, тянулъ какую-то безконечную пѣсню, которая щемила душу. Рваная шляпенка его, тупой взглядъ, безпорядочная борода и общее неряшество придавали его фигурѣ что-то тупое, неумытое, слѣпое, ноющее, болящее... Вдругъ изъ-за кустовъ вывернулась почтовая тройка и мчалась къ намъ на встрѣчу. Ямщикъ, вѣроятно щедро надѣленный, гналъ лошадей почти въ упоръ. Тройка поравнялась съ нами. Въ почтовой кибиткѣ сидѣлъ одѣтый въ бобровую шапку купецъ съ молодою женщиною, одѣтою въ лисій, съ соболемъ, салопъ; смотрю — Русановъ.

— Здравствуйте, сударь! проговорилъ онъ, приподнимая свою шапку.

Онъ все еще не отвыкъ отъ поговорки двороваго человѣка.

— Куда? спросилъ я, — Вѣдь не хотѣлъ?

— Да вотъ нашелъ одну богородицу, ну и *рѣшился*!... И онъ, улыбнувшись насильно, покраснѣлъ отъ стыда. Тройка, со свистомъ, прокатила мимо моего экипажа и гулъ почтоваго колокольчика быстро смолкнулъ за

лѣсомъ. Мой ямщикъ поглядѣлъ въ догонку тройкѣ, повернулся лѣниво на козлахъ и проговорилъ:

— Экъ шельма, словно вихорь!... А куда?

— Въ *царство тьмы*! сказалъ я, — *стричь безпастушныхъ* овецъ...

— *Чаво??*

— Ничего, говорю; — поймешь опослѣ!

И мужикъ опять затянулъ свою нескончаемую пѣсню, въ которой не было никакого смысла, а слышалась только одна *ноющая боль*...

III.

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ
УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА.

Усадьба Антона Лаврентьича Лупоярова, нѣкогда становаго пристава, была не изъ красивыхъ въ С...ой губерніи. Это было неуклюжее, просторное и безъ всякой архитектуры задуманное строеніе — какая-то масса темнаго тесу, съ тусклыми стеклами въ большихъ окнахъ. По бокамъ дома, оканчивавшагося неуклюжимъ мезониномъ, стояли въ три ряда густыя, высокія березы; изъ-за крыши виднѣлись бурыя вершины огромныхъ липъ: весь домъ заросъ кругомъ, какъ заросъ небритою уже четыре года бородою и самъ хозяинъ дома... Вправо отъ усадьбы, по берегу заплѣснѣвшаго пруда, торчало пять-шесть небольшихъ ветхихъ лачугъ, болѣе похожихъ на заброшенные шалаши пастуховъ, чѣмъ на жилища живыхъ людей. На соломенныхъ крышахъ этихъ лачугъ, кругомъ пробуравленныхъ воробьиными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ сосновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ отшатнулся назадъ, другой покачнулся на бокъ, третій вросъ въ землю, четвертый рас-

ползался во всѣ четыре стороны, готовый скоро изобразить собою нѣчто въ родѣ пирога. Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся крѣпостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники наисквернѣйшей земли, которою, съ помощью пріятеля землемѣра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ... Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, пріисканныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу преклонить. Антонъ Лаврентьичъ пріобрѣлъ настоящую усадьбину двадцатилѣтнею безпорочною службою... на имя жены своей, немудрящей дворянки — засидѣвшейся въ свое время въ дѣвкахъ до тридцатилѣтняго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками — и посѣлился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи оттѣснили становыхъ съ просторной дороги, чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупоярова восьми человѣкъ крѣпостныхъ, даровыхъ слугъ, такъ что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей исчезли безвозвратно. Впрочемъ, у Антона Лаврентьича, за надѣломъ крестьянъ, осталось еще 500 десятинъ земли и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды...

Лѣтомъ въ 1862 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ ветерану-служакѣ, чтобы послушать разсказовъ про былое время. Молва гласила о старомъ грѣшникѣ, что онъ большой краснобай, любитъ поговорить о быломъ и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернетъ; но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ. Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ становаго, и

отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ... Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ кару общественнаго мнѣнія!... Что же? Не мѣшаетъ, думаю, знакомиться съ разнаго рода типами, насѣляющими русскую землю; авось извлечешь и какую нибудь назидательную пользу!

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьичу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедою: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваюсь: внутренность дома тоже невесела. Все въ немъ мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными старомодными креслами. Хозяинъ не замедлилъ выдти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которые я, съ своей стороны, отвѣчалъ одними улыбками и поклонами, потому что двѣ лягавыя собаки и одна комнатная шафка, вбѣжавшія съ хазяиномъ, подняли такой ужасный лай, что Антонъ Лаврентьичъ, хлопаньемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами, впродолженіи цѣлыхъ пяти минутъ, едва могъ успокоить разъярившуюся домовую стражу. Воспользовавшись возстановившеюся тишиною, я, наконецъ, назвался хозяину, который, въ одинъ со мною голосъ, объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антонъ Лаврентьичъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, довольно полный, ссунувшійся уже мужчина и съ небритою, сѣдоватою бородою. Лице его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, лѣни и отчасти плутовства... Жену, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его все мерли, такъ что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшая дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно

высокая, худая, съ незатѣйливымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло на ладъ. Лупояровъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сморкался въ свой носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже: милый человѣкъ, батенька. Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смерклось. Мы напились чаю, который подавала экономка—толстая, краснощекая баба, при входѣ которой въ гостиную послышался дѣтскій пискъ въ спальной. Экономка заторопилась.

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки. Я тутъ... она знаете...

И Антонъ Лаврентьичъ замялся. Я сконфузился.

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ! спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ, а такъ, вообще о новомъ времени. Чудно какъ это все идетъ нынѣ! Куда ни посмотришь — все какъ-то иначе. Прошло старое времячко совсѣмъ!

— Да, прошло.

Пауза.

— Вы бы разсказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, что нибудь про старое ваше время... Я охотникъ слушать про былое.

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только дурили тогда, долужу вамъ, а не жили. Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всѣ поумнѣли; даже и раскольники, на что ужъ дураки были...

— А вы много имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н...мъ уѣздѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю, за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я примѣтилъ, что Антона Лаврентьича начинало манить къ разсказамъ о быломъ, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его круглое лицо, съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрылось легкой улыбкой, которая заиграла и на ямочкахъ щокъ. Вся фигура заергала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, спросилъ я, народъ эти раскольники?

— Блажной, батенька, блажной, а не любопытный: дураки неповитые...

Опять небольшая пауза.

— У васъ, я думаю, много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ житьѣ-бытьѣ?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Сдѣлайте милость: и за себя, и за меня, безъ церемоніи.

И Антонъ Лаврентьичъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой разсказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

Былъ молодцу не укоръ.

— Въ наше время, говорилъ Лупояровъ, становые имѣли совсѣмъ другой колеръ, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ уѣздѣ, что губернаторъ въ губерніи. Ну, оно служить было и лестно! Ѣдешь, бывало, по селу раскольничьему — всѣ мужички и бабы поклонъ до земли.

Ѣдетъ, говорятъ, бояринъ.
Ѣдетъ думный —
Дайте дорогу!

Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли и всегда повторяли ее, когда я или исправникъ проѣзжали среди ихъ. Я доподлинно зналъ, что они меня и исправника ненавидятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту распѣваютъ, однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому — боятся силы начальственной! Надо и то сказать, мы имъ шалить-то особенно и не дозволяли: вѣдь въ нашихъ рукахъ живьемъ были! Чуть, бывало, заврутся, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значитъ,—знай свое начальство! Они, разумѣется, хорошо понимали нашу силу, потому что всѣ строгія высшія распоряженія, толковыя и нетолковыя, сыплются, бывало, прямо къ намъ въ руки, и мы должны ихъ приводить въ исполненіе. Ну, часто, бывало, дѣлаешь и такъ, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то есть по полтиннику съ рыла да и донесешь начальству, что всѣ мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ провославія не оказалось... А то, согласитесь сами, вѣдь ихъ канальевъ затаскаютъ по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждаго дурака допрашивать—завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, неугодно ли ихъ производить?... Слуга покорный! Вотъ бѣглымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ. Но изъ этихъ бѣглыхъ, скажу вамъ, совсѣмъ безвредные, которыхъ я, жалѣючи ихъ дурость, всегда миловалъ. У нихъ, видите, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣсненія полиціи и правительства. И вотъ они открыли

дороги изъ Москвы и Костромы во всѣ мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ изъ центровъ, по всему лицу русской земли: до Чернигова, Кавказа и Иркутска, расходятся недовольные искать въ лѣсахъ спасенія... Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дастъ паспортъ мужику на жительство въ лѣсу—этакого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорты, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ, изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ страннопріимцевъ и воображаютъ, что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый—то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до 500 человѣкъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь бывало, молодца:

— Паспортъ есть?

— Есть, говоритъ.

— Кажи.

Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

— Что, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ!

— Смотри, говоритъ, и разумѣй.

— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящій паспортъ есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не принимаю. Это печать правительства—знакъ Антихриста.

— А въ острогъ за это хочешь?

— Готовъ, говоритъ, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшатъ меня муки лютыя, звѣри хищные, не боюсь слугъ Антихриста! И пойдетъ, и пойдетъ...

— Ну что, спрашиваю я васъ, батенька, вы сдѣлали бы, на моемъ мѣстѣ, съ этакимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажай, въ какую угодно

Сибирь ссылайте—Восточную или Западную—онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣніемъ, а главное—въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій. А сообразите: чрезъ эти его глупыя страданія за вѣру еще нѣсколько селъ пойдетъ въ расколъ, синодикъ объ немъ напишутъ, публичныя молонья начнутъ совершать и еще тѣснѣе соединятся между собою... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь, бывало, да и скажешь: а ну-ка принеси мнѣ братъ отъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся къ чорту изъ моего уѣзда въ другой, куда тамъ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу! И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у меня въ обычай, что всякій проходящій по моему уѣздѣ „странникъ—бѣглый,“ долженъ былъ являться ко мнѣ непремѣнно и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сер., чтобы, знаете, ужъ потомъ онъ никакой придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братій... Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорты, которые оказывались весьма разнаго калибра, но я, однако, наконецъ навострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что за птица предъявитель его. Странника бывало спросишь:

— Съ паспортомъ?

— Съ паспортомъ.

— Давай.

— Извольте.

— А отъ кого паспортъ выданъ?

— Отъ великаго Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя...

— А ты у него былъ?

— Я! Нѣтъ... это значитъ... Ну, и замнется, бывало, человѣкъ такъ, что совсѣмъ въ тупикъ станетъ.

— А гдѣ паспортъ прописанъ?

— Въ полиціи, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный...

— А гдѣ же эта полиція?

— Она невидима.

— Что же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума? развѣ она безголовная какая? развѣ я, напримѣръ, дуракъ что ли по твоему?

— Сіе, говоритъ, должно разумѣть инако...

— А это вотъ что въ паспортѣ твоемъ за слово: „кто вѣры ради тебя погонитъ, тотъ въ геену себя готовитъ"?

— Сіе разумѣй о начальствѣ, которое вѣру нашу гонитъ...

— Такъ ты думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя дурака и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибся, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму да отпущу тебя и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

— Сіе, говоритъ, отъ воли человѣка зависитъ. Пути въ царствіе божіе всѣмъ открыты...

— Ну такъ, молъ, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ поскорѣе убирайся изъ моего стана. Разочтешься, знаете, такимъ образомъ съ рабомъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... Такъ вѣдь что вы думаете! Сердятся, бывало, канальи: вѣра, говорятъ, наша не очищается въ горнилѣ; Бога, знать, прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Подастъ, бывало, иной свой паспортъ, а самъ такъ и смотритъ въ глаза: какое, дескать, намѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ, по обыкновенію, написано.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой.
Кого ся убою,
Господь защититель живота моего,
Кого ся устрашу.

Аще ополчится на мя полкъ,
Не убоится сердце мое.

„По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго царя, которымъ сотворено небо и земля, по его владычному повелѣнію данъ сей указъ душе моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій господинъ, Богъ града вышняго, а прописаны мнѣ лѣта — радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ рукъ, еже боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, а прописанъ въ полиціи полной, еже имѣти разумъ духовный, а заномеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія нигдѣ, а кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя вѣры ради погонитъ, тотъ явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовитъ. Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ духъ Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь!"

Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому что толку въ такой галиматьѣ? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится; но вотъ, когда попадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Соберутся, бывало, когда засѣдатель, священникъ, ну — и посмѣемся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ „Газету Ада". Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ принесу ее вамъ.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ.

II.

Газета ада.

По уходѣ Антона Лаврентьича, я остался одинъ. Старая дѣва, дочь Лупоярова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ въ гостиную изъ дѣтской.

— Не скучно вамъ? отнеслась она ко мнѣ.

— Помилуйте, говорю, можно ли скучать, когда Антонъ Лаврентьичъ разсказываетъ такіе любопытные анекдоты? я готовъ слушать его цѣлую ночь.

— Ахъ, одно и тоже! воскликнула дѣва. — Такъ ужъ надоѣло всѣмъ, что и слушать не хочется.

Дѣва замолчала. Пауза.

Наконецъ Лупояровъ возвратился изъ поисковъ.

— Всѣ ли рѣдкости нашли? спросила его дочь.

— Мало что-то, матушка; больше было.

— Да я на выкройки много изрѣзала...

— Вотъ извольте тутъ, батенька, любопытное собирать; отнесся ко мнѣ Лупояровъ. — Вѣдь для пріятелей, было, берегъ почитать иногда гостю, а она вотъ на выкройки изрѣзала!

Дочь Лупоярова, обидѣвшись, вышла изъ гостиной. Антонъ Лаврентьичъ положилъ на столъ довольно толстую тетрадку засаленныхъ листовъ разнаго формата и проговорилъ:

— Вотъ, не хотите ли послушать?

— Съ большимъ, говорю, любопытствомъ.

И Лупояровъ сталъ читать. „Газета Ада“.

„Вышла газета изъ ада, какая грѣшнымъ отъ сатаны награда. И въ безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады. Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человѣкъ. Грѣхъ скончался, истина охромѣла, любовь простудою больна. Честность и вѣрность въ отставку вышла. Вѣра ушла въ пустыню. Совѣсть попрана ногами, благодѣяніе таскается по міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. Ложь нынѣ присутствуетъ, безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. Братоненавидѣніе инокомъ поставлено. Невѣжество старѣйшествуетъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ адъ наполнить разныхъ огней. Послалъ бѣсовъ размѣрить адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ сатана, всѣдъ на сѣдало, закричалъ на бѣсей весьма яро: что это грѣшныхъ во адѣ мало? Бѣсъ подскочилъ и рекъ, что еще не скончился вѣкъ, а когда пріидетъ міру конецъ, тогда ты будешь многимъ душамъ отецъ. Предстали предъ князя тьмы безпопечительные чернецы; онъ смѣяся сказалъ: „вы зачѣмъ, святіи отцы, сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли? Знать, вы весь вѣкъ богатства ради, а не прокормленія мзду сбирали; того ради и путь въ царство небесное потеряли. Вы препровождали жизнь въ монастыряхъ, вамъ и должно быть въ райскихъ краяхъ. Но, видно, вы въ небреженіи жили, что въ моей области честь себѣ и жизнь заслужили. Бѣсъ подскочилъ безъ хвоста и сказалъ, что они не наблюдаютъ поста. Лѣнивы были Богу молиться, надобно съ нами поскорѣе рѣшиться. А когда и молятся, и то внѣ ума, того ради Богъ на нихъ вознегодова. Предалъ ихъ твоему разсужденію, чтобы доставить ихъ разному мученію. Притащили бѣсы опоицу во адъ; сатана сказалъ: „эхъ ты, до чего допилъ, что и душу свою погубилъ. Припасите про него адскую темницу, ввергите его туда до страшнаго суда, а когда труба вострубитъ, тогда неволею его въ смолу горячую погрузить убѣдитъ. Явились на тотъ свѣтъ гордые господа. Бѣсъ кричитъ изъ ада: честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда. Я васъ отмѣнно буду угощать, огнь горящій и жупелъ велю возгнѣщать. Я, милостивые государи, повелю чай грѣть не въ самоварѣ, но для роскошныхъ и жирныхъ здѣсь есть въ адѣ большой котелъ на взварѣ. Растоплю олово на-

мѣсто пуншу, чтобъ вамъ промочить скаредную и жаждущую душу. Сатана сказалъ бѣсу: что стоя рычишь, долго медлишь, багромъ ихъ не тащишь? Косой давно уже тому радъ, облапя сихъ вельможъ потащилъ во адъ. Привели бѣсы ростовщика во адъ, который процентами богатство распространялъ, а излишнее неимущимъ не раздавалъ, наипаче къ себѣ присовокуплялъ; онъ горько возопилъ и сказалъ: я успѣлъ столько процентами денегъ накопить, что могъ бы весь адъ твой откупить. Сатана въ насмѣшку сказалъ: видно, ты здѣсь хочешь роскошно проживать, время тебѣ въ преисподнюю побывать. Тамо узнаешь, какъ обижать бѣдныхъ, понеже тамо и самъ будешь въ самыхъ послѣднихъ. А нищимъ сатана сказалъ: вы зачѣмъ сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли? вы о грѣхахъ день и нощь болѣли и тѣмъ во адѣ себѣ мѣсто заготовить повелѣли. Здѣсь мѣста всѣ заняли вельможи, ибо они и въ житіи своемъ были во всемъ мнѣ угожи. Нищіе, то слышавши, ухватили кошели, въ царство небесное и побрели".

— Какъ вамъ нравится? спросилъ Антонъ Лаврентьичъ. Вѣдь галиматья тоже, хоть и занимательная галиматья?.. А вотъ я слышалъ отъ исправника, что у насъ ухъ! какое значеніе придаютъ этой газетѣ: при дѣлахъ слѣдственныхъ хранятъ, въ архивахъ разныхъ стерегутъ, какъ канцелярскую тайну, будто и Богъ знаетъ что такое, а въ самомъ-то дѣлѣ это пустой каламбуръ на богатыхъ и на монаховъ... и больше ничего!

Я вполнѣ согласился съ Лупояровымъ.

— А то вотъ не хотите ли еще „рецептъ раскольничій" прочесть, обратился ко мнѣ Лупояровъ, который я отобралъ тоже ради любопытства у одного „божьяго разнощика христовыхъ писаній". У нихъ, знаете ли, литература и газеты разносятся „разнощиками," какъ у насъ почтальонами...

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И Антонъ Лаврентьичъ указалъ мнѣ въ тетради своей весьма потертый листъ синей бумаги, который я и сталъ читать, а Лупояровъ слушать. На листѣ было написано слѣдующее:

„Рецептъ духовнаго отца дѣтямъ духовнымъ. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя ваши дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ! Аще кто внидетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, то есть на то разрѣшеніе: духовная аптека исцѣляетъ грѣхи всякаго человѣка: 1) возьми цвѣтъ чистоты, изотри въ горшкѣ безмолвія, 2) просѣй ситомъ разсужденія, 3) всыпли въ котелъ отъ добрыхъ дѣлъ, 4) положи дровъ послушанія, 5) подлей воды отъ слезъ молитвенныхъ, 6) подожги огнемъ божественныя любви, 7) перемѣшай весломъ братолюбія, 8) дай покипѣть усердіемъ къ Богу, 9) разливай цѣломудріемъ, 10) простужай милостынею, 11) вкушай лжицею страха божія, 12) послужи вольнымъ всѣмъ усердіемъ и будеши одаренъ божіимъ милосердіемъ и тако исцѣлѣеши, и аще кто станетъ на всякъ день принимать сего лекарства, не далече будетъ небеснаго царства, и аще станете на молитву, разумѣйте бѣсовскую ловитву: какъ онъ хитро подходитъ и умъ молитвы отводитъ, всячески дѣлаетъ преграду многу, чтобы не шли молитвы къ Богу. Аминь!"

— Ха-ха-ха! расхохотался Лупояровъ, какъ засѣдатель и приходскій нашъ священникъ спорили со мною однажды цѣлую ночь, что эта бумажонка есть такой документъ, который надобно сообщить высшему начальству для того, чтобы оно сдѣлало распоряженіе всѣхъ имѣющихъ такіе рецепты забирать въ остроги и ссылать въ Сибирь... Не чудаки ли, посудите сами?

Я опять согласился съ Антономъ Лаврентьичемъ.

— Люди дурятъ, продолжалъ Лупояровъ, — потому что недовольны чѣмъ-то... и даже смѣшно дурятъ, а

они хотятъ ихъ въ острогахъ морить и придавать значеніе всякой галиматьѣ, которую напишетъ какая нибудь баба!.... Натурально, всякій раскольникъ, когда увидитъ, что за такія бабьи разсказни сажаютъ ихъ, „божіихъ разнощиковъ", въ остроги да въ Сибирь ссылаютъ, начнетъ съ азартомъ читать эту галиматью и приметъ, пожалуй, ее, по глупости своей, за что-то необыкновенное, съ неба свалившееся; разнощиковъ своихъ, страдающихъ за эту галиматью, начнетъ ублажать, поить, кормить, холить, и отъ начальства всячески таить, и тогда, что вы ни давайте дуракамъ прочесть лучше этой галиматьи, они читать не будутъ на томъ основаніи, что предложенное вами для чтенія не гонится правительствомъ и, слѣдовательно, дескать, не имѣетъ особеннаго значенія... У меня былъ однажды такой случай. Одна баба-странница притащила съ собою стихи въ мой уѣздъ, и я прослышалъ, что всѣ раскольники начали списывать эти стихи съ азартомъ, такъ что бабу затаскали по дворамъ..... Я позвалъ, наконецъ, „разнощицу" и потребовалъ у нея „писаніе божіе".

Прочитавши стихи я расхохотался. Баба вытаращила на меня глаза отъ изумленія. Она, видите ли, думала, что я стихи эти Богъ-знаетъ за что приму и ее сейчасъ же жарить на сковородѣ начну...

— Что сдѣлать съ тобою за эти стихи? спросилъ я ее.

— Рѣжь, говоритъ, тѣло мое на куски, я страдать готова!...

— Дура, говорю, ты баба и больше ничего! Ты думаешь, что если про архіереевъ говорится въ этихъ стихахъ, такъ это ужъ и Богъ-знаетъ какая невидаль? Мало ли что о комъ говорится. Хороши наши архіереи — такъ тебѣ никто ни въ чемъ не повѣритъ, и слушать тебя не станутъ, нехороши — такъ и безъ тебя имъ цѣну дадутъ... Ты-то тутъ что такое?... Баба, скажу вамъ, совсѣмъ осовѣла...

— Такъ ты, говоритъ, батюшка, меня гнать не будешь?

— Съ дураками, молъ, я никогда не связываюсь.

И пошла отъ меня баба, понуря голову...

— Что же вы думаете, батенька? Какъ услышали раскольники, какой я разговоръ имѣлъ съ бабой, такъ сейчасъ же и перестали списывать ея стихи... Ты, говорятъ, баба-дура значитъ пустяки намъ принесла; принеси намъ настоящихъ писаній, за которыя въ Сибирь ссылаютъ...

— А то я разскажу вамъ дѣльце объ одной пророчицѣ Устиньѣ Никифоровнѣ, которую вмѣстѣ и съ ея учениками мы отправили благополучно на поселеніе.

— Вы спать еще не хотите?

— Какой, говорю сонъ, при такихъ интересныхъ разсказахъ нашихъ?

— Ну, если такъ, то извольте! И Антонъ Лаврентьичъ, понюхавъ табаку и утерешись пестрымъ фуляровымъ платкомъ, началъ свой разсказъ о пророчицѣ раскольничьей.

III.

ПРОРОЧИЦА.

Въ 1854 году разнесся у меня по уѣзду слухъ, что ѣдетъ съ востока на западъ, отъ земли Иркутскія, нѣкая пророчица и наполняетъ землю чудесами всякаго рода... Я принялъ свои мѣры, и чрезъ недѣлю же мнѣ донесли, что явившаяся съ того свѣта нѣкая, Богомъ избранная, жена появилась уже въ селѣ „Каменкѣ" и творитъ чудеса. Я сажусь на лошадей и ѣду въ „Каменку". Пріѣзжаю туда ночью, часу въ двѣнадцатомъ, и прямо въ молельню, находящуюся на задахъ у мужика Елистрата Кожухова. Смутились расколь-

ники при моемъ появленіи и хотѣли прятать пророчицу, но я ихъ успокоилъ, говоря, что пріѣхалъ только послушать прорицаній вновь прибывшей пророчицы... Раскольники успокоились. Я осматриваюсь кругомъ,— вижу: молельня освѣщена восковыми свѣчами, ладону накурено такъ много, что въ комнатѣ носились какія-то густыя облака; поперегъ молельни сдѣлана ситцевая занавѣска на кольцахъ, а за занавѣскою устроена особая комнатка, въ родѣ чулана, гдѣ пророчица молилась и принимала своихъ учениковъ. Я попросилъ пророчицу, въ моемъ присутствіи, поговорить съ народомъ, увѣряя всѣхъ, что худаго не намѣренъ никому дѣлать и что пріѣхалъ собственно изъ любопытства только. Раскольники знали мой мирный характеръ въ отношеніи къ нимъ, переговорили тихонько съ пророчицей въ ея комнатѣ и доложили мнѣ, что пророчица согласилась исполнить мое желаніе. Садимся мы всѣ и ждемъ. Пророчица явилась къ намъ, одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная лентою. Сѣла она на стулъ предъ столомъ съ ладонницею и такъ начала свое пророчество.

„Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходитъ и смерть недалече!
Текутъ время и лѣта во мгновеніе ока;
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Готовся на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похититъ тя смерть съ твоими дѣлами.
Ангелъ же твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Краткость жизни твоей перстомъ показуетъ. Аминь!“

— Это, говорю я Кожухову, совсѣмъ не пророчество. Что же тутъ пророческаго? нельзя ли ей что-нибудь о будущемъ сказать?

— Кожуховъ подошелъ къ пророчицѣ и поговорилъ съ ней на ухо, потомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ? при начальствѣ она не можетъ говорить иначе...

— Напрасно, говорю, она боится меня! Ты скажи ей, чтобы она меня совсѣмъ не считала за начальство. Вѣдь ты знаешь, чай, меня: гоню ли я васъ!

Кожуховъ опять подошелъ къ пророчицѣ и снова поговорилъ ей на ухо. Пророчица долго слушала его, потомъ мотнула головой и закрыла глаза. Кожуховъ сообщилъ мнѣ, что про царствіе божіе пророчица соглашается поговорить.

— Вотъ и прекрасно!

И мы стали ждать другаго пророчества. Пророчица помедлила немного и потомъ заговорила:

— Приходитъ, людіе, послѣднее время. Небо и земля потрясется. Частыя звѣзды на землю скатятся. Сойдетъ Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогласную: вставайте всѣ живые и мертвые на судъ къ Богу! По правой сторонушкѣ идутъ души праведныя, въ лицахъ всѣ свѣтлѣютъ, волосы яко ковыль-трава, ризы на нихъ нетлѣнныя. Идутъ они на судъ къ Богу — радуются. Срѣтаетъ ихъ Владичица Мать Божія, пресвятая Бодородица: „подите, мои христолюбивые избранные, да похаенные, посрамленые, вотъ вамъ царство уготованное!“ Принимаетъ ихъ самъ Господь Царь небесный. По лѣвой сторонушкѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣяніе страшное. Идутъ онѣ на свою муку и слезно плачутъ: „Господи Царь небесный! почто ты насъ въ царствіе не впустишь? Мы всѣ люди христіане!“ Глаголетъ Господь Царь небесный: „подите вы грѣшные, проклятые, во три пропасти земныя! Вы не въ мою вѣру вѣровали! Да провалятся всѣ грѣшные въ преисподнюю!“ Составитъ Господь всѣ муки въ одну муку, не взвидятъ грѣшные свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго, не вслышатъ они гласу ангельскаго! Во вѣки вѣковъ Аминь!

— А не можетъ ли она, спросилъ я Кожухова, отгадывать вопрошающимъ ее? Я слышалъ, что она все отгадываетъ и удивляетъ чудесами всѣхъ...

— Вся сокровенная человѣческая знаетъ, отвѣтилъ мнѣ таинственно Кожуховъ.

— Такъ нельзя ли кому нибудь вопрошать ее? а я послушаю.

Кожуховъ опять переговорилъ съ пророчицей на ухо. Та наклонила голову въ знакъ согласія. И стали къ ней подходить вопрошающіе. Подошла одна баба и спросила:

— Скажи мнѣ, боголюбивая жена, кто у меня укралъ недавно холсты съ огорода?

— Люди злые, отвѣтила пророчица, — которые схоронили ихъ на рѣкѣ, у плотины, подъ хворостомъ. Сходи завтра туда, и обрящешь ихъ, ангелъ божій невидимо укажетъ тебѣ путь!

Баба заторопѣла отъ радости и начала, въ порывѣ благодарности, даже молиться на пророчицу... Потомъ подошелъ раскольникъ съ рыжей бородою и вопросилъ пророчицу:

— Повѣдай мнѣ, избранная божія, кто увелъ у меня сивую кобылу и гнѣдаго мерина?

— Завистники злые, отвѣчала пророчица, которые привязали ихъ къ сухой березѣ въ Татьянииомъ бору за три версты отъ здѣшняго села. Поди завтра туда, отвяжи лошадей отъ березы и хвали Бога!

Мужикъ засіялъ отъ радости и, въ порывѣ благоговѣнія къ святости пророчицы, какъ пластъ растянулся передъ нею на полу... Подошла потомъ дѣвушка и спросила пророчицу:

— Скажи мнѣ, божинька, ко у меня укралъ изъ коробки, что стояла въ сѣняхъ, ситцевый сарафанъ и платокъ красный?

— Близкій твой, отвѣчала пророчица, который спряталъ все украденное въ огородѣ, подъ лебедою, въ канавѣ. Сходи завтра на зарѣ въ то мѣсто, окропись холодною водою, помолись на востокъ и получишь украденное!

Всѣ присутствующіе въ молельнѣ переглянулись между собою и начали глубоко вздыхать, обращая лицо

къ небу и закативъ бѣлки глазъ подъ лобъ... Меня все это заняло, и я рѣшился самъ вопросить пророчицу.

— А скажи, говорю, мнѣ, пророчица, не случится ли что на этихъ дняхъ со мною худаго?

— Съ тобою ужъ, говоритъ, случилось худое нынѣ.

Я, знаете, немного оробѣлъ и спрашиваю:

— А что же такое?

Да у тебя, говоритъ, твою тройку лошадей увели враги твои.

— Вотъ тебѣ разъ! какъ же это такъ? А самъ сейчасъ же выбѣгаю изъ молельни и на порогѣ сталкиваюсь съ своимъ кучеромъ, который, разиня ротъ, слушалъ въ молельнѣ пророчества...

— Гдѣ, говорю, ты лошадей-то поставилъ?

— Да вотъ тутъ, на задахъ, около гумна.

— Какъ же ты оставилъ ихъ нипричемъ, и самъ забрался сюда?

— Ко мнѣ, говоритъ, подошелъ мужикъ и, назвавъ себя хозяиномъ молельни, выпросился покараулить лошадей, а мнѣ посовѣтовалъ идти послушать немного пророчицу.

— Ну-ка, пойдемъ, посмотримъ на лошадей.

Посмотрѣли, и что же вы думаете? Тройки-то какъ не бывало, и постромки всѣ обрѣзаны. Скверно! тройка была собственная. Я къ пророчицѣ съ вопросомъ:

— Отыщутся ли мои лошади?

— Нѣтъ, говоритъ, не отыщутся, потому что враги твои злы зѣло и гонятъ твоихъ лошадей въ другую губернію.

— И неужели нѣтъ никакихъ средствъ поправить дѣло? Если ты пророческимъ духомъ твоимъ знаешь, по какому направленію враги мои гонятъ лошадей, то я пошлю погоню за ними.

— Да, я, говоритъ, знаю дорогу, по которой они гонятъ лошадей твоихъ; вотъ и теперь я какъ будто гляжу на нихъ ясно — и пророчица при этомъ закры-

ла на минуту вѣки своихъ глазъ — но гдѣ ты найдешь такихъ курьеровъ, которые могли бы догнать воровъ, когда они уже теперь за тридцать верстъ, а пока ты соберешься послать за ними погоню, то они будутъ уже за 50 верстъ.

Я пріунылъ. Пророчица замѣтила это и спросила меня:

— А тебѣ, человѣкъ мірской, жалко лошадей?

— Какъ же не жалко? По сто рублей каждая лошадь дана.

— Я, говоритъ, для тебя, зная твою доброту къ людямъ божіимъ — раскольникамъ, которыхъ ты не гонишь, яко сребролюбивые слуги антихриста — чиновники, могу возвратить твою пропажу и напущу на похитителей твоихъ велію скорбь душевную, а очи ихъ ослѣплю мракомъ, такъ что они пригонятъ лошадей твоихъ назадъ въ „Каменку", разумѣвая, что гонятъ ихъ въ другую губернію.

— Пожалуйста! Если это сбудется, то я самъ въ тебя увѣрую и готовъ обратиться даже въ расколъ.

— Хорошо! Я нынѣшнюю же ночь сотворю молитву ко Христу, и на зарѣ лошади твои будутъ возвращены тебѣ обратно.

И пророчица сейчасъ же встала со стула.

Народъ попадалъ на полъ и, въ умиленіи, прославлялъ Бога, пославшаго ему великую пророчицу...

IV.

Чудеса.

На другой день, когда десятскій подалъ мнѣ самоваръ, въ комнату вошло нѣсколько мужиковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было спросить ихъ: исполнились ли предсказанія пророчицы мнѣ и прочимъ лицамъ, вопрошавшимъ ее?

— Какъ же, какъ же, ваше высокоблагородіе! Все угадала духомъ святымъ, какъ перомъ написала, заголосили мужики... Точно по книгѣ прочла, таково это все вѣрно сбылось! Маланья Карнаухова холсты свои нашла цѣлехоньки у пруда подъ хворостомъ, даже въ лубочки завернуты были; Кузьма Завертяевъ какъ пришелъ въ Татьянинъ боръ, такъ и ахнулъ: глядитъ, а его лошадушки-то стоятъ смирнехонько привязанными къ березушкѣ и головами поматываютъ, точно дома въ конюшнѣ, а дѣвка Данькова свой сарафанъ и платокъ получила въ своемъ огородѣ невредимыми и завернутыми даже въ бумажку...

—Ну, а моя тройка?

— Цѣлехонька, ваше высокоблагородіе! отвѣчали съ самодовольствомъ мужики. Ѣдутъ этто нынѣ утромъ наши ребята мимо мельницы Васьки Овчинникова, глядь—а лошадки-то вашего высокоблагородія стоятъ привязанными къ мельницѣ и таково внушительно ржатъ. Возвѣстите, дескать, люди добрые, хозяевамъ нашимъ, что ослѣпленными врагами ихъ мы благополучно возвращены обратно! Тутъ же сказали ребята вашему кучеру объ этомъ; онъ пошелъ къ мельницѣ, отвязалъ лошадокъ и привелъ ихъ съ миромъ сюда.

Я взглянулъ въ окно и вижу: мои лошади стоятъ уже впряженными въ тарантасъ, и кучеръ ходитъ около нихъ съ шиломъ въ рукѣ, коегдѣ доканчивая поправку обрѣзанныхъ постромокъ.

— Ну что, нашлись лошади-то? вскричалъ я изъ окна кучеру.

— Готовы-съ, отвѣчалъ не безъ удовольствія кучеръ. — Пожалуйте!

— Вотъ, ваше благородіе, съ оттенкомъ укоризны заговорилъ Елистратъ Кожуховъ, — вы все говорите, что мы дуримъ, что мы народъ глупый, слѣпой и нестоющій вниманія, а вотъ Богъ-то насъ лучше цѣ-

нитъ... и святыхъ-то своихъ людей посылаетъ все къ намъ...

— Ваше счастіе, что дѣлать!

Въ это время къ взъѣзжему дому пріѣхали, телѣгахъ на пяти, мужики и бабы и стали вылѣзать на крыльцо квартиры. Я велѣлъ Кожухову справится, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Кожуховъ справился о пріѣзжихъ, переговорилъ съ ними и, вернувшись въ избу, заговорилъ:

— Это вотъ, ваше высокоблагородіе, изъ села „Краснаго-Яра", пріѣхали выборные къ матушкѣ-пророчицѣ вопросить ее о своихъ несчастныхъ дѣлахъ, объ истинной вѣрѣ и пути, которой имъ слѣдуетъ избрать въ жизни сей при несчастной долѣ...

Надобно вамъ сказать, батенька, понизивъ интонацію разсказчика, обратился ко мнѣ для разъясненія Лупояровъ, — что третьяго года въ помѣщичьемъ селѣ „Красномъ-Яру", верстъ сорокъ отсюда, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія управителемъ Шаригинымъ — который, между нами правду сказать, былъ такой тиранъ, что я рѣдко въ жизни такихъ видывалъ — столкнули этого управителя въ рѣку... Помѣщикъ того села Хабаровъ, видите ли, таскался каждое лѣто со всѣмъ семействомъ за-границу и проживатъ тамъ въ нѣсколько недѣль цѣлые десятки тысячъ; ну, извѣстно, чтобы наверстывать такіе расходы, нужно было съ крестьянъ выбивать деньгу... Вотъ и сѣкли это они крестьянъ несчастныхъ въ двое рукъ: когда помѣщикъ уѣдетъ за-границу играть въ карты на водахъ, управитель тутъ сѣчетъ ихъ и деретъ съ нихъ послѣднюю рубаху, чтобъ и себѣ въ карманъ, знаете, заложить кое-что... а когда помѣщикъ пріѣдетъ да услышитъ жалобы крестьянъ, то со своей стороны начнетъ драть ихъ не на животъ, а на смерть, чтобъ не жаловались впередъ на управителя. Колодокъ, бывало, на нихъ набьютъ, чтобъ не бѣгали въ лѣса морятъ въ погребахъ, на цѣпь въ кутузкѣ приковываютъ, бабъ, раздѣтыхъ до нага, стегаютъ предъ крыльцомъ во время чая вечерняго для пущаго барскаго апетита и, кажется, чуть собаками не травили крестьянъ на охотѣ... Съ жалобами пытались обращаться эти несчастные то къ тому, то къ другому изъ самыхъ высшихъ властей въ губерніи; ну, разумѣется, кто же не знаетъ что въ тѣ времена никогда не мѣняли помѣщиковъ на мужиковъ, и протуренные въ зашей жалобщики возвращались ни съ чѣмъ... Терпѣли, терпѣли эти красноярскіе крестьяне да и выкинули штуку. Дѣло вышло уголовное. Сейчасъ же временное отдѣленіе наше, по приказанію губернатора, — большаго пріятеля помѣщика Хабарова, — нагрянуло производить слѣдствіе, и я тутъ же былъ командированъ въ числѣ другихъ. Производили мы шесть мѣсяцевъ это слѣдствіе, перебирая всѣхъ, и оказалось шестьдесятъ восемь человѣкъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, потому что, видите ли, дѣло было этакое общее, повальное случилось согласіе, и изъ виновныхъ кто оказался зачинщикомъ, кто пособникомъ, а кто подстрекателемъ, попустителемъ и укрывателемъ и т. п., такъ что по нашимъ законамъ меньше шестидесяти восьми человѣкъ нельзя было и осудить!.. Тутъ же при томъ каждую недѣлю сыпались предписанія за предписаніями изъ губернскаго города: поступить-де по строгости законовъ съ виновными. Мнѣ, признаюсь, жалконько даже было этихъ сердечныхъ крестьянъ, потому что, сами видите, люди были выведены изъ терпѣнія... и я, грѣшный человѣкъ, заикнулся было объ этомъ исправнику, но тотъ такъ цыкнулъ на меня, что я не зналъ, гдѣ и мѣсто найти. „Развѣ, говоритъ, вы не знаете, чему вы служите, а еще становой!..." Впрочемъ, когда по окончаніи слѣдствія стали раздѣлять пять тысячъ рублей, полученныя въ благодарность за труды отъ Хабарова,

то исправникъ далъ и мнѣ 500 руб., хотя и прибавилъ при этомъ: „не за что бы!“.. Наконецъ вышло этимъ шестидесяти восьми крестьянамъ окончательно рѣшеніе, и изъ нихъ восемнадцать человѣкъ наказаны на мѣстѣ преступленія, въ самомъ селѣ „Красномъ-Яру“, другихъ сослали въ каторжныя работы, а послѣднихъ въ Сибирь на поселеніе. Въ Содомъ и Гоморъ обратилось это село „Красный-Яръ“. Стоны и вопли невыносимы... Я, не смотря на то что становой, а не могъ, признаюсь, выдержать этихъ сценъ безъ содроганія. Чрезъ это село у меня, скажу вамъ, недоставало духу проѣзжать потомъ!

— Такъ вотъ эти-то, батенька, красноярскіе крестьяне и пріѣхали тогда къ пророчицѣ, возвысивъ интонацію голоса, заговорилъ опять тономъ разсказчика Лупояровъ.

Ввелъ ихъ Кожуховъ ко мнѣ въ комнату.

— Ну, что, молъ, вы, и зачѣмъ пожаловали сюда?

— Да вотъ, говорятъ, такъ и такъ: наслышавшись, что явилась нѣкая святая женщина, насъ прислалъ міръ переговорить съ нею объ нашихъ дѣлахъ.

— О какихъ же это?

— Да объ нашихъ! Какъ это, значитъ, теперь жить на землѣ; что нужно сдѣлать, чтобы вольготнѣе было душенькѣ и все такое...

И выборные пошли отъ меня къ пророчицѣ.

Черезъ часъ я подошелъ задами къ молельнѣ. Пророчица говорила: „нѣтъ на землѣ никого, кто бы о рабахъ божіихъ — крестьянахъ думалъ, всѣ-то противъ нихъ, и нигдѣ имъ нѣтъ ни защиты, ни покровительства; туды пойдутъ — сѣкутъ и въ зашей толкаютъ, сюды пойдутъ — деньги оббираютъ... Какъ же тутъ жить рабамъ божіимъ? Не лучше ли, отложившись отъ міра такого нечестиваго, избрать себѣ особый путь и по немъ идти, по крайней мѣрѣ душу свою спасешь и не дашь ее загубить антихристу и слугамъ его“...

— Лучше, лучше! говорили депутаты.

„И растлѣна есть земля русская на седмь локтей въ глубину отъ слугъ антихриста во здравіе ихъ, а намъ въ разореніе, яже и въ священномъ писаніи написано объ нихъ: разорю житницы моя и реку душѣ моей: яждь, пій и почивай на многи лѣта. Того ради и посла меня Богъ на землю, да укажу народу его новый путь и исхищу его изъ когтей антихриста и слугъ его... И о семъ еще единожды вопрошаю вы: всѣ ли выборные и село ваше, которое васъ послало ко мнѣ поступить готовы въ наше новое и избранное Богомъ стадо Христово, которое есть убѣжище отъ міра проклятаго?“...

— Всѣ, всѣ! отвѣчали депутаты.

„Помолимся же о сихъ новопоступающихъ братіяхъ нашихъ, заговорила пророчица: — да пріобщатся они въ мирѣ и спокойствіи къ стаду избранниковъ Христовыхъ и да отрекутся безбоязненно и благополучно отъ антихриста и слугъ его!...“

И пророчица встала.

— Что же это, спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною мужика, — ужели все село „Красный-то Яръ“ ухнуло въ расколъ?

— Ухнуло, ваше высокоблагородіе, ухнуло! отозвался раскольникъ и замолился на пророчицу...

V.

Пророческій ученикъ безъ пальцевъ.

— Пріѣзжаю я домой, батенька, продолжалъ Лупояровъ, и сказываю обо всемъ покойной женѣ своей. Такъ и такъ молъ: невидѣнная на землѣ пророчица явилась, чудеса творитъ, вся сокровенная человѣческая знаетъ. Самъ испыталъ ея предсказанія. И разсказалъ, знаете, при этомъ женѣ все по порядку объ

этой пророчицѣ. Покойница, по женскому своему любопытству, — не въ оскорбленіе ея памяти будь сказано — какъ только послушала меня, такъ тотчасъ же на лошадей да къ этой пророчицѣ. Я сталъ было уговаривать ее и урезонивать тѣмъ, что пророчицато раскольничья, а не наша... Куда! Баба и слушать не хотѣла! къ попадьѣ сбѣгала, ее подговорила съ собой ѣхать, за засѣдательшей въ городъ по пути велѣла кучеру заѣхать. Уѣхали, а я на другой же день отправился въ городъ — верстъ 12 всего отъ моего стана — и сказываю исправнику, судьѣ, засѣдателю, стряпчему и секретарю уѣзднаго суда, что такъ и такъ, молъ: пророчица явилась въ селѣ „Каменкѣ", идетъ отъ страны Иркутскія изъ Сибири и творитъ чудеса. Какія мѣры принять противъ этого? Случай не бывалый! и разсказалъ имъ все по порядку.

— Мошенница какая нибудь, сказалъ исправникъ, когда выслушалъ мой разсказъ. У этихъ раскольниковъ то пророки, то апостолы вѣчно бродятъ по землѣ русской.

— Позвольте, позвольте! заспорилъ судья, большой пріятель отца протопопа и читавшій божественныя книжки. — Развѣ не было на землѣ пророковъ, развѣ это небывальщина какая? А что если, въ самомъ дѣлѣ, это какая нибудь святая женщина, а мы ее засадимъ въ острогъ?

— Съ судьей согласился и засѣдатель, но противъ нихъ вооружились стряпчій и секретарь уѣзднаго суда, и пошли тутъ споры да толки, такъ что до самаго вечера за этимъ дѣломъ провели...

— Такъ какъ же, спрашиваю я, арестовать пророчицу-то, или нѣтъ?

— Конечно арестовать! кричалъ стряпчій — и донести обо всемъ губернатору.

— За что же арестовать? сказалъ судья. — Вѣдь она никакого преступленія не сдѣлала, никому никакого вреда не причинила и пророчествуетъ себѣ у раскольниковъ, а не у православныхъ.

— Вы вѣчно за раскольниковъ стоите, возразилъ стряпчій. — Хорошо вамъ заступаться-то за нихъ, когда по милости ихъ вы два каменныхъ дома имѣете, да 5,000 десятинъ земли съ лѣсомъ и рыбными ловлями...

— Вѣдь и вы, кажется, не безъ нихъ же купили себѣ хуторъ-то съ пятьюстами десятинами земли? укололъ стряпчаго судья.

— Но пятьсотъ десятинъ, однакоже, не пять тысячъ.

— Еще бы! отвернулъ судья. — По чину и мундиръ!... Надо же и честь знать. Я судья, а вы только стряпчій.

И вышла тутъ, знаете, у нихъ маленькая стычка...

— Не въ этомъ дѣло, господа, сказалъ засѣдатель,— кто больше отъ раскольниковъ нажилъ; всѣ мы ими, дураками, живемъ, и я отъ нихъ домъ и мельницу имѣю, и кто же, вообще, въ Россіи отъ самаго верха до самаго низу съ нихъ не беретъ?... Лѣнивый только развѣ! Но практично ли будетъ арестовывать пророчицу? Вѣдь временное-то для производства слѣдствія изъ насъ же должно будетъ составиться; извольте-ка по деревнямъ и селамъ ѣздить съ полгода изъ-за какой нибудь дуры пророчицы. Слуга покорный! Мнѣ эти слѣдствія-то и такъ ужъ вотъ гдѣ на шеѣ сидятъ.

Съ засѣдателемъ согласился и секретарь уѣзднаго суда, объяснивъ, что ему и такъ приходится до четырехъ тысячъ дѣлъ въ годъ разбирать по однимъ воровствамъ да убійствамъ...

Съ мнѣніемъ секретаря стали наконецъ и всѣ соглашаться.

— Я бы этихъ собакъ раскольниковъ въ бараній рогъ согнулъ, сказалъ исправникъ, — и пророчицѣ бы этой спуску не далъ, но съ вами соглашусь пожалуй потому, что съ нѣкотораго времени началъ по-

лучать такія предписанія на счетъ раскольниковъ, которыя совсѣмъ не одобряю... Дѣлаютъ исправниковъ, власть имъ ввѣряютъ, а потомъ предписываютъ, чтобы исправникъ сидѣлъ да и не смѣлъ ничего дѣлать. Зачѣмъ же и исправниковъ тогда назначать?

Такимъ образомъ единогласно и порѣшили на томъ, чтобы не трогать пророчицу.

Только покончили мы эту бесѣду, какъ глядимъ: и наши жены вернулись отъ пророчицы. Засѣдательша пересказала все исправницѣ, попадья протопопицѣ, а моя жена ударила въ городѣ по чиновницамъ, и пошла кутерьма такая, что Боже ты мой! Всѣ бабы въ городѣ вдругъ засбирались къ пророчицѣ за прорицаніями... Засѣдательша вошла вдругъ въ зало съ исправницей и ну расписывать все по порядку про пророчицу. Исправница прерываетъ ее и обращается къ мужу своему съ такими словами:

— Вообрази, говоритъ, душа мая: Марья Ивановна спрашиваетъ пророчицу, счастлива ли она замужемъ? А та вдругъ ей отвѣчаетъ: счастлива такъ, что нетолько мужемъ никогда не была биваема, но на масляницу и сама его прибила... Согласись, другъ мой, какъ же это она въ Иркутскѣ-то объ этомъ узнала?

— Зачѣмъ же вы объ этомъ передаете? замѣтила засѣдательша, — я вамъ объ этомъ вѣдь по секрету сказала.

— Ну, какой же тутъ секретъ: объ этомъ и безъ того всѣ знаютъ! Мало ли что въ жизни бываетъ между женою и мужемъ...

Засѣдатель сконфузился, потому что подобный пасажъ съ нимъ дѣйствительно случился въ этотъ годъ.

— Да, еще какія вещи разсказывала, тараторила исправница.

И, подошедши къ мужу, зашептала ему на ухо... Исправникъ вспыхнулъ какъ маковъ цвѣтъ...

— Вообрази, даже знаетъ и такія вещи!..

— Полноте, полноте! нельзя же всего сказывать мужчинамъ, стала унимать засѣдательша исправницу. — Вѣдь я вамъ по секрету все сообщила...

Исправница не унималась и начала по секрету расписывать другія пророчества...

Среди такихъ удивленій пророчицѣ вошелъ вдругъ къ намъ сотскій изъ села „Лубяновъ" и принесъ завернутые въ тряпку четыре пальца, отрубленные отъ человѣческой руки. Всѣ присыпали къ сотскому и начали разсматривать окровавленные пальцы. Подлетѣли было сюда и наши дамы, но исправница, взглянувъ на мертвечину, вскрикнула: „ахъ!" и бацъ въ обморокъ... Ее увели въ другія комнаты.

— Что это такое? закричали всѣ въ одинъ голосъ на сотскаго.

— Да вотъ, Ермолай Зайцевъ отрубилъ все это нынѣшнюю ночь у вора, что полѣзъ къ нему въ окно въ чуланъ.

Зайцевъ стоялъ тутъ же.

— Какъ же это ты ухитрился? стали всѣ спрашивать Зайцева.

— Таково вотъ, отвѣчалъ Зайцевъ. — Легъ я въ эту ночь въ кладовой, али чуланѣ, что чрезъ сѣни у меня сдѣлано, и не могъ долго уснуть: все блохи да тараканы кусали. Допрежде никто и не спалъ въ этомъ чуланѣ, а тутъ какъ-то пришлось. Вдругъ кто-то поднялъ окошко да и полѣзъ въ него. У меня отъ брата, что на побывку приходилъ, осталась сабля и лежала за сундукомъ, такъ заржавленная ужъ — я схватилъ ее да къ окну: воръ-то назадъ, и царапается-царапается по окну-то. Я саблей-то вишь какъ стукнулъ по рукѣ, оно пальцы-то и остались на подоконникѣ.

— Ну, а вора ты не примѣтилъ и не знаешь, куда онъ скрылся? спрашивали Зайцева.

— Не могъ признать; видѣлъ только, что онъ убѣжалъ черезъ заборъ.

Исправникъ тотчасъ же мнѣ приказъ даетъ отрядить сыщиковъ и розыскать, у кого не достаетъ пальцевъ. Я беру съ собой пальцы эти, сажусь на лошадей и ѣду немедленно же домой. Собираю сыщиковъ своихъ и даю имъ строгій приказъ: немедленно отыскать человѣка безъ пальцевъ. Переходить, говорю, непремѣнно всѣ кабаки, знахарокъ, ворожеекъ и молочныхъ торговокъ и вывѣдать отъ нихъ, не приходилъ ли кто за лекарствами, или кровь заговариватъ и т. п. Разсыпались мои молодцы по всѣмъ таковымъ мѣстамъ и на другой же день доносятъ, что въ селѣ „Каменкѣ" у знахарки Аксиньи былъ человѣкъ и спрашивалъ присыпки отъ ранъ. Я на этотъ пунктъ сейчасъ же налегъ и знахарку за бока: кто, дескать, и кто былъ? Та указала на того, кто приходилъ къ ней; кто приходилъ указалъ на того, кто его послалъ, кто послалъ указалъ на того, кто поручилъ, кто поручилъ указалъ на того, кто его просилъ и т. д., такъ что наконецъ добрались и до безпалаго и схватили его. Что же вы думаете? оказался безпалымъ-то одинъ ученикъ пророчицы! Забираютъ его со всѣмъ его имуществомъ и представляютъ ко мнѣ въ станъ. Смотрю, это дѣйствительно былъ одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, который стоялъ въ моемъ присутствіи рядомъ съ пророчицею, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ. Лице такое черное, борода широкая.

— Не твои ли, молъ, братъ, это пальцы?

— Не знаю, говоритъ.

— А, не знаешь, такъ мы приставимъ и посмотримъ! Приставляемъ отрубки, и они какъ разъ подошли къ его рукѣ.

— Какъ же ты ихъ потерялъ?

— Богу ужъ такъ, видно, угодно!

— А самъ, смотрю, на пальцы-то все дуетъ. Вижу

руку-то у него разнесло отъ снадобьевъ, такъ что оконечности оставшихся пальцевъ стали гноиться.

— А больненько, молъ, братъ, видно рукѣ-то?

— Ничего: Богъ подкрѣпитъ...

— Теперь закуйте-ка его, говорю своимъ архангеламъ, въ кандалы да посадите въ арестантскую, потомъ заберите пророчицу со всѣми ея учениками и въ станъ немедленно же представьте.

VI.

Путешествие по аду и раю.

Исправникъ прислалъ мнѣ предписаніе произвести строжайшее слѣдствіе, при депутатѣ съ духовной стороны, надъ пророчицею и ея учениками, которые, какъ онъ выразился, вѣроятно, тѣмъ только и занимаются, что воруютъ да подкидываютъ, а пророчица отгадываетъ... А на особомъ лоскуткѣ приписалъ карандашемъ своею рукою: „стыдно господину становому приставу рекомендовать за пророковъ — обманщиковъ; кажется, служитъ не первый годъ!" Стыдненько мнѣ стало дѣйствительно, когда я получилъ такую бумажку; но вѣдь, согласитесь, случай такой необыкновенный, трудно было сообразить!..

Допросы мы рѣшились дѣлать въ квартирѣ священника, потому что это съ одной стороны было приличнѣе для такой особы, какъ святая пророчица, а съ другой и самъ священникъ просилъ объ этомъ, чтобы доставить случай женѣ своей съ дьяконицею и прочимъ синклитомъ послушать показанія пророчицы. Я съ своей стороны не противорѣчилъ этому. Такимъ образомъ 6 іюня 1854 года назначили мы снять первый допросъ съ пророчицы. Засѣдатель и депутатъ съ духовной стороны, мѣстный священникъ, были на лицо.

Любопытныхъ набралось полное зало. Я приказалъ ввести пророчицу къ допросу. Члены коммисіи усѣлись вокругъ стола, на которомъ положили Сводъ Законовъ и объявили прежде всего пророчицѣ предписаніе земскаго суда и начальника губерніи, потомъ спросили:

— Ты грамотная?

— Хотя грамотная, но по наукамъ не учена; когда я вернулась съ того свѣта и духъ божій накатилъ на меня, то незримо и чудесно познала я всякую премудрость, отвѣчала пророчица.

— Такъ ты была на томъ свѣтѣ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Была.

— Давно?

— Прошлаго года.

— Какъ же это случилось?

— Вамъ, говоритъ, этого не нужно знать. Законъ этого не требуетъ.

— Нѣтъ, и законъ требуетъ, сказалъ засѣдатель.

Пророчица окинула взоромъ и заговорила:

— Когда я стала собираться идти въ какой нибудь скитъ, или пещеру, то Богу начала молиться день и ночь, — отъ суеты мірской сторониться. Стали на меня люди дивовать, что я такая молодая еще и къ Богу такъ сильно стремлюся, а на дѣла мірскія незазрюся. И приходили ко мнѣ люди наши съ плачемъ и слезами о дурномъ повсюду начальствѣ и жизнь свою проклинали... Мнѣ стало жалостно на все это глядѣть и захотѣлось узнать, чья вѣра православѣе: раскольничья или православная? И стала я слезно молить Бога о томъ, нельзя ли рабѣ божіей невинной дѣвицѣ узнать, чья вѣра на землѣ справедливѣе и кому на небѣ лучше бываетъ: раскольникамъ, или православнымъ? Молилась я съ годъ объ этомъ; только вдругъ осенью простудилась, когда мыла на рѣкѣ, и захворала, да такъ, что и память въ горячкѣ потеряла со-

всѣмъ... Слышу, что лежу на кровати, а сама все въ видѣніяхъ какихъ-то пребываю. Читала я передъ этою только болѣзнію житіе преподобной Ѳеодоры мученицы и думала: вотъ какъ бы, молъ, Богъ сподобилъ меня также увидѣть, что на небѣ дѣлается, да потомъ и спустилъ опять на землю, — хорошо бы было! я всю истину людямъ разсказала бы! Такъ я пролежала недѣли три и наконецъ въ одну ночь, какъ разъ подъ Покровъ, вижу, дверь въ нашу избу отворилась и вошла госпожа въ бѣломъ платьѣ, въ чепчикѣ съ цвѣтами и идетъ-идетъ прямо къ моей кровати. Я испугалась. Не бойся, говоритъ, раба божія, меня, я за тобой пришла! Я мученица божія Ѳеодора; пойдемъ со мною на небо; ты молила Бога объ этомъ! Тутъ вдругъ потолокъ нашей избы разверзся, и мы полетѣли сквозь него на небо; большія бѣлыя крылья вдругъ замахали у насъ обѣихъ за плечами. Съ день, этакъ времени, мы все летѣли; смотрю на землѣ ужъ люди маленькіе такіе стали, точно дѣти. Я спросила мученицу: много ли верстъ мы пролетѣли? Верстъ, говоритъ, тысячу, раба божія. Чувствую я, однако, что мнѣ все жарче становится, и солнышко дѣлается къ намъ все ближе и ближе. Скинь, сказала мнѣ мученица, твою земную одежду и облекись въ небесную! И снявши съ себя верхнее платье, она одѣла меня имъ, а сама осталась въ другомъ платьѣ, еще бѣлѣе этого. Брось, говоритъ, земную одежду свою на землю да посмотри, нѣтъ ли въ карманѣ ключа, или еще чего тяжелаго, чтобы не убить кого. Я осмотрѣла карманы своего сарафана, и когда не нашла въ нихъ ничего, то бросила его на землю. Смотрю онъ закружился, точно птица вотъ иногда падаетъ, когда обожжетъ крылышки у солнца, залетѣвши высоко... Когда пролетѣли мы другой день, то я спросила мученицу: а теперь, молъ, много ли верстъ мы поднялись отъ земли? «Теперь ужъ, говоритъ, двѣ тысячи верстъ». Я посмотрѣла опять на

землю, а тамъ ужъ однѣ трубы на домахъ виднѣются, а люди стали точно комары, тамъ этакъ ползаютъ-ползаютъ по землѣ-то... На третій день мы подлетѣли ужъ совсѣмъ ко солнышку; смотрю я — а оно привѣшано какъ сито къ потолку и не шелохнетъ, такъ это утверждено крѣпко! Палитъ, вижу, это солнышко, какъ пламя въ печи, а мнѣ совсѣмъ не жарко и вѣтерокъ небесный такъ и порхаетъ кругъ меня, да продуваетъ... А много ли теперь верстъ мы отлетѣли отъ земли? спросила я въ третій разъ мученицу. „Теперь ужъ, говоритъ, мы поднялись на три тысячи верстъ и сейчасъ будемъ на небѣ“. Я взглянула еще разъ на землю, анъ ужъ одинъ только крестикъ отъ колокольни виднѣется и блеститъ на солнышкѣ, село же наше чуть-чуть только чернѣется. „Теперь, сказала мученица, конецъ путешествію нашему, вотъ и небо!“ Пролетѣли мы тутъ вдругъ синюю стѣну въ сводѣ небесномъ, и земля съ солнцемъ совсѣмъ пропала тогда у насъ изъ глазъ; мы очутились на небѣ. Смотрю я, небо раздѣлено пополамъ на двѣ половины, на правой сторонѣ стоитъ рай, а на лѣвой адъ. Мученица повела меня сначала въ адъ, гдѣ текла огненная большая рѣка, а черезъ рѣку была перекинута желѣзная цѣпь. „Пойдемъ по этой цѣпи, сказала мнѣ мученица, — я покажу тебѣ всѣ мытарства ада“. Да я упаду, отвѣчала я. „Не бойся, говоритъ, раба божія, — дай мнѣ руку и иди за мной!“ Тутъ она меня взяла за руку и повела черезъ цѣпь. Вижу я, адъ раздѣленъ поперегъ на перегородки каменными стѣнами, точно комнаты въ домахъ, или вотъ какъ плотинами перепружаютъ рѣчку. Идемъ мы по цѣпи, а она такъ и зыблется, а у меня-то сердце такъ и замираетъ-замираетъ! Вижу я грѣшныя души, голыя совсѣмъ, парятся въ огнѣ и карабкаются по стѣнѣ каменной, чтобы подняться изъ огня-то на стѣну. Вылѣзетъ это иная совсѣмъ изъ рѣки и сажня два-три пролѣзетъ по

стѣнѣ, да потомъ такъ и чебурахнется, вотъ точно какъ таракань ползетъ, напримѣръ, по стѣнѣ, да потомъ вдругъ бы его столкнуть на полъ“.

И пророчица, подошедши къ стѣнѣ зала, начала на штукатуркѣ оной показывать пальцами, какъ это грѣшныя-то души ползаютъ по стѣнѣ каменной, а потомъ вдругъ и обрываются. Всѣ присутствовавшіе при допросѣ обратили любопытные взоры свои на стѣну.

— А изъ какого камня стѣны-то сдѣланы? спросилъ пророчицу засѣдатель.

— Не знаю я въ камняхъ толку-то, отвѣчала пророчица, — а только видѣла, что онѣ изжелта такъ.

— Изъ гранита, должно быть?

— Можетъ статься.

— А можетъ быть, и изъ мрамора?

— Можетъ быть и изъ него; доподлинно не могу сказать.

— А отроки тамъ лѣтъ въ пятнадцать, вотъ какъ мой покойный Васенька, мучатся тоже, или нѣтъ? закричала вдругъ попадья изъ передняго угла залы.

— Тс!... При формальномъ допросѣ, матушка, нельзя никому давать вопросовъ подсудимому, кромѣ лицъ начальственныхъ, обратился къ попадьѣ предсѣдатель и сказалъ внушительно.

Та замолчала, а священникъ сконфузился такъ за нее...

— Ну, продолжай, лебедка, продолжай, сказали мы потомъ пророчицѣ. — Мы мѣшать тебѣ не будемъ.

— Вотъ я, продолжала пророчица, и спросила тутъ мученицу: что значатъ эти перегородки въ рѣкѣ? Это, говоритъ, мытарства. А сколько, молъ, этихъ мытарствъ-то? Двадцать, говоритъ, и вотъ это первое мытарство, въ которомъ истязуются грѣхи словъ праздныхъ, буихъ, скверныхъ, безчинныхъ, а наипаче срамословныхъ, и смѣхотворныхъ, произносимыхъ въ пѣсняхъ и другихъ кощунствахъ. Потомъ мы перешли ко

второй стѣнѣ, и цѣпь желѣзная подъ нами зашаталась шибче... Тутъ, сказала мученица, — второе мытарство, въ которомъ истязуется всякое слово ложное, а особенно клятвопреступленія, призываніе имени Господа всуе, лжесвидѣтельства и исповѣданіе грѣховъ не по истинѣ бывающее. Смотрю я: души грѣшныя плачутъ какъ дитя малое и руки къ небу простираютъ. Приблизились мы потомъ къ третьему мытарству, гдѣ истязуются тѣ, кои осуждаютъ ближнихъ и смѣются грѣхамъ ихъ, клевещутъ, безславятъ и хулятъ. Таковыхъ испытываютъ какъ антихристовъ, санъ Христовъ предвосхитившихъ и сотворившихся судьями и губителями ближнимъ своимъ. Тутъ, сказала мученица, огонь горитъ жарче, чѣмъ въ первыхъ мытарствахъ. Прошли мы и это мытарство и приблизились къ четвертому. Смотри, сказала мнѣ мученица, какъ тутъ черные духи встрѣчаютъ съ веселіемъ пьяницъ и износятъ на встрѣчу чашки, блюда съ пищею и посуду съ напитками и обличаютъ въ тайномъ, раннемъ, безъ крестнаго знаменія, прежде церковнаго правила, ядeніи, также въ пресыщеніи за обѣдомъ и ужиномъ пищею и питіемъ, а особенно виномъ. „А вотъ смотри, сказала мученица, какъ въ пятомъ мытарствѣ истязуются люди, дни и часы въ праздности проведшіе, и наказываются тунеядцы, чужіе труды снѣдающіе, сами же дѣлать нехотящіе и работники берущіе плату, но какъ должно неработающіе, также нерадящіе о хвалѣ божіей, лѣнящіеся въ праздничные дни идти на утреню и божественную литургію и иныя славословія божія и нерадящіе о душѣ своей". Вижу я, что тутъ чаще души грѣшныя взлѣзаютъ по стѣнѣ и остаются въ ней по-долгу. Я спросила мученицу: „почему это тутъ больше на стѣнѣ укрываются отъ огня, чѣмъ въ другихъ мытарствахъ?" „Это, говоритъ, значитъ, что когда за осужденныхъ-то въ церкви на землѣ бываетъ поминовеніе, то на это время и имъ тутъ дается

отдохновеніе отъ мученій, а какъ поминовеніе оканчивается, такъ и души падаютъ опять въ огонь". Прошли мы далѣе шестое мытарство, гдѣ мучаются воры; потомъ седьмое, гдѣ мучаются сребролюбцы и скупые, потомъ осьмое, гдѣ истязуются отдающіе сребро свое въ лихву, и подошли къ девятому. „Здѣсь, сказала мнѣ мученича, истязуются всѣ судіи неправедные, на мздѣ судящіе и оправдывающіе виновныхъ, невинныхъ же осуждающіе, также всѣ за удержаніе мзды наемникамъ и неправедную мѣру и вѣсъ". Смотрю я, а въ этомъ мытарствѣ все-то...

И пророчица замялась...

— Говори, говори! сказали мы, — что все-то?

— Да вамъ, говоритъ, не понравится, можетъ быть?

— Ты не предъ нами вѣдь говоришь, а предъ закономъ, сказалъ засѣдатель, — потому намъ за что же сердиться на показанія подсудимыхъ?

— Да все-таки.

— Ну, ну?

— Все-то губернаторы, исправники, засѣдатели, да становые мучаются, отвѣчала пророчица...

— Ну и пусть ихъ мучаются; вѣдь насъ ты тамъ не видала? сказали мы смѣшкомъ, знаете. А самимъ дѣйствительно было немного неловко...

— Нѣтъ, говоритъ, не видѣла еще...

— Ну, а до другихъ, говоримъ, дѣла нѣтъ.

— Да все-то въ мундирахъ всѣ, въ звѣздахъ и крестахъ, сказала боязливо пророчица...

— Какъ же мундиры-то на нихъ не сгораютъ развѣ?

— Не сгораютъ, вишь; стало быть для того, чтобы видѣли другія грѣшныя души, за что они мучаются...

— Ну дальше, дальше; что видѣла ты въ слѣдующемъ мытарствѣ? сказалъ засѣдатель, желая прекратить дальнѣйшее неловкое для насъ разъясненіе пророчицы по этому предмету...

— Вотъ, заговорила пророчица, прошли мы дальше

десятое мытарство, гдѣ мучаются за зависть, нелюбовь, братоненавидѣніе, недругoлюбіе и ненависть, и подошли къ одиннадцатому. Вижу я, что огонь тутъ пылалъ шибче прежнихъ. „Тутъ, сказала мнѣ мучиница, гордостно надмѣнніи души истязуются за тщеславіе, самомнѣніе, презорство, величаніе, взыскуются, если кто не воздавалъ должныя чести отцу и матери и прочія гордостныя дѣла и слова тщеславныя“. Въ двѣнадцатомъ мытарствѣ я видѣла, какъ мучаются за гнѣвъ; въ тринадцатомъ истязуются держащіе въ сердцахъ своихъ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло; въ четырнадцатомъ мучаются за разбойничество, за всякую рану и всякое удареніе чѣмъ-либо по какой нибудь части тѣла; въ пятнадцатомъ нечистые духи, подобно скорпіонамъ и зміямъ, истязуютъ осужденныхъ за отравленіе и призываніе бѣсовъ. Прошли мы и это мытарство и подошли къ шестнадцатому. Мученица сказала мнѣ, „что въ немъ истязуется всякое любодѣяніе и грѣхи блуднаго мечтанія, скверныя осязанія и страстныя прикосновенія“. Вижу я, что князь этого мытарства сидитъ на престолѣ своемъ, облеченный въ одежду скверную, смрадную и окропленный пѣною кровавою. Бѣсы, держа въ рукахъ написанныя блудныя дѣла, обличаютъ осужденныхъ, показываютъ лицъ, съ коими они грѣшили дни, часы и мѣста, гдѣ происходило... Пламя въ этомъ мытарствѣ было такъ сильно, что захватывало меня за ноги, однако я не чувствовала, чтобы оно меня жгло... Пришли мы потомъ въ семнадцатое мытарство, гдѣ мучаются за прелюбодѣяніе въ супружествѣ жившіе и нарушившіе супружескую вѣрность, а также чистоту свою обѣщавшіе соблюсти Христу, но обѣта несоблюдшіе; чрезъ восьмнадцатое — гдѣ истязуются за содомскіи грѣхи; чрезъ девятнадцатое — гдѣ наказуются за ересь и наконецъ двадцатое, гдѣ князь тьмы и духи яры истязуютъ души немилосердныхъ, и если кто совершилъ и многіе подвиги, посты и молитвы, и чистоту соблюлъ нескверну, и тѣло свое очистилъ воздержаніемъ, но былъ жестокосердъ и немилостивъ, то низвергается въ рѣку... Теперь, сказала мнѣ мучиница, — ты видѣла мытарства въ аду; пойдемъ же въ рай, и я покажу тебѣ блаженство праведныхъ“. Смотрю я: вдругъ предъ нами стоитъ стѣна изъ чернаго облака, и ничего въ ней не видно. Мы прошли чрезъ эту стѣну и глазамъ моимъ открылся рай. Луга такіе зеленые вездѣ, рѣки молочныя и медовыя текутъ, а на бережку ихъ сидятъ праведные да черпаютъ рукою сыту медовую и кушаютъ кашку молочную... Ангелы небесные и херувимы летаютъ надъ ними по воздуху взадъ и впередъ, точно вотъ надъ землею голуби, и крыльями своими вѣтерокъ производятъ. На деревахъ яблоки золотыя, а души праведныя гуляютъ по садикамъ да срываютъ яблочки и въ карманъ кладутъ, а другіе кушаютъ. Прошли мы тутъ всѣ блаженства праведныхъ и подошли, наконецъ, къ престолу божьему, на которомъ сидѣлъ Христосъ и Божія Матерь. Я поклонилась имъ до земли, и Христосъ сказалъ мнѣ: иди, душа, на землю и повѣдай людямъ все видѣнное, дабы шли они по праву пути! Тутъ я вдругъ испугалась такъ, что вся задрожала, и когда пришла въ память, то очутилась ужъ на своей кровати и не видѣла и не понимала, какъ и кто меня съ неба спустилъ на землю, только почувствовала, что я все тайное стала знать и яснѣе все стало у меня въ головѣ... Вотъ и все, судьи мои! Теперь судите меня какъ знаете!“

— И ты съ того времени стала пророчествовать? спросили мы пророчицу.

— Съ того самаго...

Письмоводитель прочиталъ въ слухъ, по нашему приказанію, записанное имъ показаніе пророчицы; мы всѣ подписались къ этому протоколу и попросили проро-

чицу руку приложить. Ее повели обратно въ кутузку. Только видимъ мы, что народъ встрѣчалъ ее на дорогѣ съ почестями такими, что бросалъ ей одежду подъ ноги, деньги сыпалъ на блюдо для ея выученія...

VII.

Съ худой головой не суйся въ чадъ.

Исправникъ скоро пріѣхалъ лично на слѣдствіе и началъ допросъ съ перваго изъ учениковъ пророчицы, приказавъ прочихъ вывести на время.

— Что ты за человѣкъ и откуда родомъ? спросилъ онъ подсудимаго, крутя свои большіе усы. Исправникъ былъ армейскій маіоръ.

Тотъ молчитъ.

— Что у тебя языкъ-то отсохъ, что ли?

Молчитъ.

— Не хочешь говорить?

Опять молчаніе...

— Тьфу! плюнулъ исправникъ прямо въ лицо допрашиваемому. Это чертъ знаетъ что такое, хоть кого изъ терпѣнія выведетъ!... Уведите его и давайте слѣдующаго.

Перваго ученика увели и привели другаго.

— Ты кто? спросилъ исправникъ новоприведеннаго.

Молчаніе... Исправникъ окончательно былъ, что называется, зарѣзанъ и взбѣсился такъ, что вскочилъ со стула, однако скоро переломилъ себя и притворно ласково заговорилъ со вторымъ ученикомъ пророчицы.

— Ты, другъ любезный, скажи намъ: кто ты и откуда?

— Оттуда!... отвѣчалъ второй ученикъ и въ упоръ отвернулся къ стѣнѣ. Физіономія этого ученика была сонная такая, немудрящая, а злости, видимъ, было много.

Исправникъ сжалъ кулаки, затрясся отъ злости и сквозь зубы, переломивъ себя, выговорилъ:

— Слѣдующаго давайте!

Ввели третьяго ученика пророчицы. Смотримъ, мужикъ здоровый такой, лице необыкновенно глупое, голова нечесаная, волосы рыжіе и глаза на выкатѣ.

— Ты кто, любезнѣйшій? спросилъ исправникъ.

Молчаніе

— Отчего же ты не хочешь сказать намъ?

Опять молчаніе.

— Желаешь отвѣчать что нибудь намъ на вопросы?

Молчаніе.

— Слѣдующаго, сказалъ исправникъ, засучивая рукава...

Ввели на мѣсто третьяго, четвертаго ученика. Смотримъ — лице широкое такое, какъ лопата, борода помеломъ, глаза мутные такіе...

— Ну-съ, любезнѣйшій, кто ты? заговорилъ исправникъ, приступая къ ученику подъ носъ.

Тотъ молчитъ.

— Тоже не хочешь отвѣчать?

Молчаніе.

— И этотъ тоже! вскрикнулъ исправникъ, дѣйствительно потерявшій всякое терпѣніе. — Такъ вы дурачить, что ли, вздумали насъ?

А самъ бацъ ученика-то въ физіономію кулакомъ да и началъ тузить...

— Да я тебѣ всѣ челюсти раздроблю, раскаленнымъ желѣзомъ пытать буду, за суставы къ перекладу привѣшу и добьюсь того, что развяжу твой дурацкій языкъ, кричалъ исправникъ. Я васъ всѣхъ въ бараній рогъ согну... Теперь слѣдующаго давайте!

Привели пятаго ученика пророчицы. Бородка у приведеннаго была клиномъ, волосъ на головѣ мало, на лбу плѣшь. Этотъ тоже не отвѣтилъ ни слова.

— Шестаго ученика сюда ведите!

— Пропалъ, ваше высокоблагородіе! отвѣтилъ посланный.

— Какъ пропалъ?

— Не могимъ знать...

Исправникъ такъ и запылалъ, какъ зарево, отъ конфуза. Мы встали изъ-за стола и покончили засѣданіе. Исчезъ, думаемъ, подсудимый, кого же тутъ допрашивать? Седьмой, безпалый ученикъ у насъ уже былъ допрошенъ прежде. Значитъ и засѣдать не для чего! Видимъ, исправникъ горячится на чемъ свѣтъ стоитъ, точно на полѣ Бородинскомъ, а раскольники эти стоятъ какъ статуи да головами поматываютъ... Онъ, знаете, то къ тому, то къ другому изъ нихъ обратится съ вопросомъ: куда, дескать, дѣлся шестой ученикъ пророчицы? Не наше, говорятъ, дѣло!

— Не вверхъ же улетѣлъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! отозвался одинъ изъ солдатъ. — Я видѣлъ самъ, какъ что-то заподнялось черное кверху да и полетѣло таково высоко...

— Да это, скотъ, можетъ быть ворона?

— А можетъ и ворона, спорить не могу! Только что-то больно великое...

Мы всѣ захохотали, а исправника-то это бѣситъ пуще. Что же вы думаете, батенька? Такъ вѣдь мы на томъ съѣхали, шестой-то ученикъ какъ въ воду канулъ!

— Я, говорилъ исправникъ, — завтра же обо всемъ этомъ донесу губернатору и напишу свое мнѣніе объ искорененіи... этого раскола съ лица земли.

— И такъ, знаете, встревоженно онъ распрощался съ нами...

— А съ вами я найду средства справиться! сказалъ маіоръ раскольникамъ, садясь въ экипажъ.

Но тѣ стоятъ себѣ да поматываютъ головами...

VIII.

Боль врача ищетъ.

У насъ, однако, послѣ исправника слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Пишемъ это мы пишемъ, а толку никакого... Кто такая пророчица, что за люди ея ученики, гдѣ они прежде были и что дѣлали? — ничего этого мы узнать не могли. Жили, такимъ образомъ, жили члены нашей комиссіи въ селѣ попусту, изводили-изводили казенныя суточныя деньги, инда одурь взяла. Ни позади, ни впереди никакихъ слѣдовъ! Только въ это время безпалый ученикъ пророчицы, видимъ мы, съ каждой недѣлей страдаетъ все болѣе. Сначала безпалую руку его разнесло какъ гору отъ извести и всякихъ скверностей, которыми лечила его знахарка, потомъ въ другую руку его ударило, затѣмъ въ ноги вступило, и все хуже, да хуже. Наконецъ болѣзнь перешла въ антоновъ огонь. Встревожился больной не на шутку, дрожь пробѣжала по его тѣлу, и глаза невольно обратились къ небу. Какъ смерть-то, подумаешь, батенька, страшна человѣку! Ночью, часу въ десятомъ, слышу: больной потребовалъ меня къ себѣ въ комнату. Я пришелъ и вижу, что онъ сидитъ на кровати, облокотившись руками на столъ.

— На что, молъ, любезный, я спонадобился тебѣ?

— Мнѣ, говоритъ, сказали, что я умру черезъ день или два.

— Да, и намъ это сказано.

— Страшно умирать, ваше благородіе. Грѣхи мучатъ, тяжело на душѣ!

А самъ, вижу, сдавилъ въ груди тяжелый духъ, какъ будто боченокъ пороху тамъ у него взрывало...

— Я радъ, говорю, любезный, что въ тебѣ пробудился голосъ совѣсти, хотя при концѣ твоей жизни. Время еще есть: облегчи твою душу, какъ съумѣешь.

— Этого-то облегченія я и хочу! Выслушайте же, говоритъ, меня и непозорьте безъ числа мою душу, а взгляните безпристрастно, кто тутъ былъ больше виноватъ: я или еще кто?

И ученикъ пророчицы началъ свою исповѣдь.

IX.

Исповѣдь.

— Былъ я, ваше благородіе, московскій 2-й гильдіи купеческій сынъ, Иванъ Родіоновъ Б...овъ, и жилъ при своемъ отцѣ до смерти его благополучно; грамотѣ былъ обученъ въ училищѣ, къ торговлѣ приноровленъ какъ слѣдуетъ, ѣздилъ съ отцомъ по дѣламъ въ Одессу, Петербургъ, Таганрогъ и Нижній-Новгородъ, людей много видалъ и смыслъ къ торговлѣ возымѣлъ хорошій. Старшій братъ мой, Титъ Родіоновъ, завѣдывалъ дѣлами въ Москвѣ, а мы съ отцомъ ѣздили по другимъ городамъ. Такъ это все шло у насъ хорошо только вдругъ батюшка нашъ померъ черезъ три года послѣ матушки нашей, и я остался шестнадцатилѣтнимъ сиротою. Братъ мой въ то время былъ женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей, потому батюшка, видя мою малолѣтность, поручилъ меня ему до совершеннолѣтняго возраста. „Слушайся, говоритъ, Ванюшка, старшаго брата своего во всемъ, какъ отца, пока самъ не придешь въ полный разумъ; веди жизнь приличную купеческому званію, не поселяй раздора въ семьѣ нашей, дойдешь до совершеннолѣтняго возраста, тогда получишь свою часть отъ брата; не соблюдешь этихъ моихъ приказовъ — не получишь, я такъ и сыну Ти-

ту записалъ“. Вижу я, братъ мой пригласилъ изъ гражданской палаты рябого приказнаго, подчивалъ его долго разными винами, и тотъ написалъ духовное завѣщаніе, которое съ братомъ они и подали батюшкѣ подписать за нѣсколько часовъ предъ смертію. Послѣ ужъ это завѣщаніе подписали священникъ и знакомые брата. Стали мы, схоронивши батюшку, жить да поживать; только замѣтилъ я, что этотъ рябой приказный, безъ просыпу почти сталъ у насъ находиться, о какихъ-то дѣлахъ все по секрету говоритъ съ братомъ, а на меня такъ косо все посматривать. Вижу я, братъ мой постоянно сталъ унижать меня къ случаю и безъ случая предъ посторонними и смѣялся, когда я у прилавка, въ свободное время, сталъ читать книжки. „Уменъ, говоритъ, скоро хочетъ быть; умнѣе брата, знать, захотѣлъ сдѣлаться“. Скоро я потомъ пристрастился къ театру и сталъ ходить туда съ такою охотою, что и сказать не могу, особливо когда игралось про несчастную эту жизнь купеческую. Какъ, бывало, соберутся къ брату приказные пьянствовать, такъ я сейчасъ же и въ театръ. Братъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ мнѣ такія хожденія на отрѣзъ. Я сталъ съ нимъ спорить, онъ раскричался, я не послушался и сказалъ, что, кажется, молъ, братецъ, я воленъ хорошее дѣлать самъ по себѣ, не ребенокъ уже. „Это, говоритъ, не прилично купеческому званію“... И пошло у насъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже да хуже, а приказный рябой, замѣчаю я, все строчитъ что-то и въ полицію таскаетъ свидѣтельствовать. Какъ у насъ съ братомъ выйдетъ исторія какая, онъ уже, смотрю, тутъ какъ тутъ, и все съ бумагой. Я ничего въ этомъ не понималъ и соображалъ, что, видно, онъ что нибудь по дѣламъ брата мараетъ. На двадцать второмъ году я собрался жениться на красавицѣ и умницѣ, Олюшкѣ, бѣдной сиротѣ. Братъ запретилъ мнѣ жениться на этой дѣвушкѣ: разъ потому, что она каза-

лась ему образованнѣе его жены, чистой дуры, а другое, что радъ былъ придраться къ обстоятельству, чтобы идти мнѣ на перекоръ и подставить мнѣ случай оказать ему непослушаніе. Такъ оно и вышло! Полгода послѣ этой свадьбы прожилъ я въ домѣ своего брата съ грѣхомъ пополамъ и, наконецъ, просилъ его выдѣлить мнѣ мою половину.

— Поживи-ка съ красавицей да умницей женой своей на иголочкѣ, отвѣтилъ мнѣ вдругъ братъ на эту просьбу, а я такъ какъ неограниченно воленъ выдать и не выдать тебѣ твоей половины, то разсужденіемъ положилъ за лучшее: не дать тебѣ ничего и тѣмъ всѣ счеты съ тобой покончить!...

Началось у насъ бумажное дѣло! Изъ дома отцовскаго я долженъ былъ перебраться на квартиру. Братъ мой, вижу, приказнаго рябаго залучилъ къ себѣ на безвыходное пребываніе и начали они отписываться и доказывать, что я велъ жизнь, по смерти отца своего, неприличную купеческому званію: выходилъ изъ послушанія старшаго брата своего; пропадалъ по театрамъ, за что де онъ, какъ полноправный душеприкащикъ и распорядитель, и лишаетъ меня назначенной мнѣ половины. Что тутъ было дѣлать? куда безденежному человѣку кинуться и въ комъ искать помощи? Прошло съ полгода мучительной моей жизни, какъ вдругъ однажды на улицѣ, противъ самыхъ присутственныхъ мѣстъ, взялъ меня за руку старинный пріятель моего отца изъ раскольниковъ Анфиногенъ Назаровъ Г...нъ и, стиснувъ мою руку, сказалъ:

Здравствуй, несчастный человѣкъ! Аль любуешься на зданія-то, что по міру тебя пустили?...

— Любоваться-то, молъ, не любуюсь, а частенько взглядываю...

— Зайдемъ-ка, говоритъ, лучше ко мнѣ, да потолкуемъ кое о чемъ, мнѣ давно хотѣлось съ тобой видѣться. Я вѣдь съ батюшкой-то твоимъ покойнымъ

хлѣбъ-соль съ одной ложки ѣлъ, торговать съ одного рубля начали. Помнишь, чай, меня?

— Какъ, говорю, не помнить? Хоть я маленькій тогда былъ, а помню.

Пришелъ я въ домъ Анфиногена Назарова; вижу живетъ справно, свой каменный домъ имѣетъ, образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ полны кіоты, семейные въ полномъ довольствѣ живутъ. Сѣли мы съ нимъ въ особой комнатѣ, и онъ заговорилъ со мною:

— Вотъ, говоритъ, хорошій человѣкъ, давно мы слѣдимъ за тобою и видимъ, что ты погибъ совсѣмъ. И я также погибъ-было назадъ тому тринадцать лѣтъ, но вотъ справился, не хочешь ли и ты справиться? Ты вотъ теперь ограбленъ и братомъ, и приказными, и никому нѣтъ дѣла до тебя, плюнуть на тебя всякому лѣнь, но мы тебѣ дадимъ сейчасъ же безвозмездно двѣ тысячи рублей.

И разсказалъ онъ мнѣ тутъ всю подноготную раскольничьей вѣры и раскольничьяго житья и понялъ я, что дѣйствительно у нихъ жизнь-то масляница...

— Ну что же, рѣшайся, что ли? спросилъ меня потомъ Анфиногенъ Назаровъ. Будь нашимъ

— Да вотъ, молъ, мимо Кремля-то какъ придется идти, такъ сердце-то какъ бы не перевернулось отъ стыда за измѣну вѣры?

— Да Кремль-то, говоритъ, какъ вашъ, такъ и нашъ!

Такъ-то вотъ я и сдѣлался раскольникомъ! Люди эти увидѣли, что я человѣкъ-то грамотный, смышленный, наторѣлый на всякія руки, и стали посылать меня по дѣламъ раскольничьимъ, вмѣстѣ съ „ходаками“ ихъ, по разнымъ городамъ, чтобы пріучить меня на этой дорогѣ для ихней пользы... Такимъ образомъ мнѣ довелось побывать въ Крыму, въ Тулѣ, въ Яссахъ, въ Саратовѣ, въ Черновицахъ, въ Черниговѣ и даже въ Ирбитъ разъ прокатиться. Такъ прошло года три. Я въ это время ко всему присматривался,

все изучалъ, перечиталъ множество всякихъ книгъ раскольничьихъ, узналъ весь бытъ поповщинской и безпоповщинской сектъ и всякія прочія смѣшныя ужъ до-нельзя секты. Только скажу, увидѣлъ я однако, что-всѣ-то онѣ имѣютъ основаніе свое въ недовольствѣ жизнію... и всѣ-то явились законно, только смотря по разуму людей, то-есть чѣмъ глупѣе люди, темнѣе и непросвѣщеннѣе, тѣмъ смѣшнѣе явилась у нихъ и вѣра! На третій годъ я попался въ острогъ въ Н... губерніи и просидѣлъ съ полгода, но, во время пересылки для допросовъ, бѣжалъ. Себя не защищаю и сотоварищей моихъ тоже, но подумайте и о томъ, что же дѣлать когда нороду лучше жить на землѣ не приходится?... Теперь я все сказалъ вамъ, чѣмъ хотѣлъ предъ смертію облегчить мою душу... Судите же меня какъ знаете!

Къ утру больной этотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ антонова огня, разлившагося черезъ ночь по всему его тѣлу.

X.

Зеркало невиновато, когда лицо криво.

О похоронахъ умершаго „безпалаго ученика пророчицы“ родился у насъ споръ, какъ его хоронить: начальству ли слѣдуетъ предать его землѣ, какъ подсудимаго арестанта, или отдать тѣло его въ распоряженіе раскольниковъ, которые похоронили бы его какъ знаютъ. Собрались мы всѣ въ засѣданіе и стали разсуждать объ этомъ. Рѣшено было похоронить тѣло умершаго какъ арестанта. Раскольники тотчасъ же провѣдали объ этомъ и депутацію ко мнѣ съ деньгами отправили. Явилось человѣкъ 20, отряженныхъ ходатайствовать о выдачѣ имъ тѣла ученика пророчицы...

— Зачѣмъ, говорю, любезные, пожаловали?

— Да вотъ, пришли просить нетлѣнное тѣло ученика пророчицы. Наши прислали вамъ пятьсотъ рубликовъ.

А сами и деньги кладутъ на столъ.

Мнѣ хотѣлось взять больше, и я имъ отказалъ въ похоронахъ по раскольничьему обряду.

Дня черезъ три послѣ похоронъ безпалаго ученика пророчицы, вдругъ въ полночь прибѣгаетъ въ мой домъ десятскій и проситъ разбудить меня, сказывая, что самое экстренное дѣло случилось.

— Что такое: пожаръ, что-ли?

— Нѣтъ, говоритъ, не пожаръ, а вотъ раскольники-то вырыли тѣло умершаго арестанта и хоронятъ его на своемъ кладбищѣ съ фонарями и пѣснями духовными...

Я одѣваюсь сейчасъ же и, впопыхахъ, бѣгу съ десятскими и сотскмм на кладбище раскольничье, отстоявшее отъ села версты за двѣ. Вижу: велій плачъ творится на этомъ кладбищѣ! Что за зрѣлище, думаю? Вбѣгаю въ середину толпы и вижу, что они ужъ и могилку засыпаютъ землицею, и все горстками, знаете ли, кидаютъ на нее землю изъ благоговѣнія, значитъ; лопатками-то, видите-ли, они сочли за неприличное зарывать святыя кости...

— Какъ, спрашиваю, осмѣлились вы это сдѣлать? Да знаете-ли, что васъ за это всѣхъ въ Сибирь упекутъ?

— Имѣемъ-съ, отвѣчаютъ, соизволеніе свыше...

— Отъ кого?

— Отъ самого исправника!..

Я отвелъ ихъ поскорѣе въ сторону, чтобы не слышали ничего десятскіе, и говорю:

— Правда ли это? не вздоръ ли?

— Ужели же мы такъ съ дуру будемъ дѣлать такія дѣла?

И стали они разсказывать мнѣ по порядку, что за тысячу рублей, исправникъ далъ имъ отвѣтъ, что хотя онъ не выдаетъ формальнаго позволенія на ихъ просьбу, но будетъ молчать объ этомъ, что засѣдатель взялъ съ нихъ четыре сотни руб. и обѣщалъ не тревожиться... и т. д.

Вотъ какъ дѣло-то сдѣлалось! соображалъ я. Значитъ, всѣ довольны, только я въ дуракахъ...

И сталъ я придумывать, какъ тутъ выдти изъ воды сухимъ?..

— И я вѣдь, говорю, повидавшись съ исправникомъ и другими, изъявилъ свое согласіе на это дѣло, только вотъ вы ко мнѣ-то не пожаловали!

— А когда изъявилъ согласіе, такъ мы въ обидѣ тебя противъ другихъ не оставимъ...

И вынувши пятьсотъ руб., завязанныхъ въ бумажкѣ, подали ихъ мнѣ.

XI.

Ученики пророчицы.

Недѣль черезъ десять послѣ этихъ похоронъ, осенью, когда мы и утокъ всѣхъ перестрѣляли, и бекасовъ перемолотили, и озера всѣ перетоптали отъ нечего-дѣлать, пришелъ отвѣтъ изъ сибирскихъ губерній съ описаніемъ лицъ, нами пойманныхъ. Читаемъ мы эти бумаги и находимъ слѣдующее:

Объ убѣжавшемъ Иванѣ Тимофеевѣ извѣщали, что онъ перебывалъ въ всякихъ сектахъ, сидѣлъ въ 6-ти острогахъ, но что его не держали ни кандалы, ни запоры острожные. Климъ Лукьяновъ происходилъ изъ мужиковъ Тамбовской губерніи, убѣжалъ отъ рекрутчины, въ которую считалъ себя неправильно отданнымъ за другое семейство, о чемъ и подавалъ безполезно жалобу по начальству; сосланъ въ Сибирь на поселеніе съ употребленіемъ на временныя работы, при статейномъ спискѣ за № 8369. Бродяга Сидоръ Кононовъ былъ одинъ изъ проклинающихъ все русское начальство за то, что въ 1851 году исправникъ высѣкъ его чуть не до смерти за неплатежъ податей, отъ которыхъ онъ справедливо отговаривался голоднымъ годомъ и продалъ съ торга весь его скотъ... Трифонъ Манухинъ былъ препровожденъ въ губернскій городъ на увѣщаніе консисторіи, гдѣ проживши у протопопа на работахъ дворника и дровосѣка... впродолженіе года, убѣжалъ, наконецъ, совсѣмъ изъ губерніи, покинувъ жену и семь человѣкъ дѣтей... Присланъ въ Сибирь при статейномъ спискѣ за № 4248. Иванъ Голупузовъ, уроженецъ С....ской губерніи, села Тенькова, присланъ въ Сибирь за расколъ при статейномъ спискѣ за № 5846. Былъ неграмотный, но въ острогахъ обучился чтенію и письму. Ѳома Родіоновъ убѣжалъ изъ-подъ плети барской конюшни и скитался въ лѣсахъ дотолѣ, пока не попалъ въ раскольничью секту. Что же касается до пророчицы, то о ней извѣщалось, что это казенная крестьянка Костромской губерніи, Устинья Никифорова — женщина грамотная и смышленая, убѣжавшая отъ кнута пьянаго свекра своего, Тычина, въ раскольничій скитъ, бросивъ мужа своего и четырехъ малыхъ дѣтей... При закрытіи сего скита начальствомъ, какъ начотчица, упорная и опасная сектантка, она и выслана была на поселеніе вмѣстѣ съ другими сектантами.

XII.

Умираетъ щука — зубы остаются.

Открывши, такимъ образомъ, всю сущность дѣла о пророчицѣ, продолжалъ Лупояровъ, мы, батенька мой,

покончили уже скоро съ нею и ея учениками. Судъ приговорилъ ихъ всѣхъ къ высылкѣ въ отдаленныя губерніи. Мѣсяца черезъ два послѣ этого, когда мнѣ доведось быть по дѣламъ въ домѣ исправника, гдѣ случились засѣдатель, судья и другіе, онъ потиралъ руки отъ удовольствія, что удалось-де такъ ловко распутать дѣло о пророчицѣ...

— Вотъ я написалъ по этому случаю, говорилъ онъ, проектъ объ уничтоженіи раскола въ Россіи и посылаю его начальству: пусть-ка пораскуситъ! Только теперь это еще покуда секретъ.

— Покажите, покажите! стали мы приставать къ исправнику.

Исправникъ не соглашался, но мы его, наконецъ, уломали.

И сталъ онъ намъ читать, а мы слушать.

— Во время многолѣтней службы своей и неусыпныхъ трудовъ на пользу отечества, прослуживъ шесть лѣтъ во флотѣ, пять лѣтъ въ арміи и семь лѣтъ исправникомъ, я, наконецъ, убѣдился, что раскольниковъ непремѣнно слѣдуетъ уничтожить, для чего и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства слѣдующій мой проектъ, какъ результатъ ревностнаго, неусыпнаго и добросовѣстнаго изученія мною раскола и вообще духа и характера народа русскаго... Я не напрашиваюсь этимъ на награду, на крестъ Анны, напримѣръ (Станислава съ бантомъ уже имѣю), или еще какой орденъ — нѣтъ! а исполняю только свой долгъ по силѣ. Начальство мудрое само умѣетъ оцѣнивать труды служащихъ. И такъ, для уничтоженія раскола русскаго, по моему мнѣнію, нужно...

— Позвольте, позвольте! прервалъ судья. — Вы пишете, что не награды вамъ нужно, а сами намекаете на бумагѣ своей на Анну. Это бросится, пожалуй, въ глаза начальству.

— Ну, ужъ не ваше дѣло учить меня, отвѣтилъ исправникъ.

— Конечно, но все же неловко; отчего же не предостеречь?

— Я васъ не предостерегаю, заговорилъ исправникъ, — страшная флотская горячка былъ — когда вы въ своихъ бумагахъ начальству настойчиво напрашиваетесь на представленіе васъ къ титулярному совѣтнику за отличіе... Всѣ бумаги ваши только этимъ всегда и наполнены вмѣсто дѣла...

— Когда же это было?

— Я знаю когда! отвѣтилъ исправникъ, — неугодно ли укажу?

И пошла у нихъ тутъ потѣха, такъ что исправникъ и проекта своего намъ не сталъ читать, а гостей своихъ разогналъ по случаю ссоры съ судьей...

Чрезъ полгода, этакъ, однажды вдругъ сказываютъ мнѣ, что со мной желаетъ видѣться одинъ раскольникъ изъ „ходаковъ". Что, думаю, за надобность такая во мнѣ случилась? Иду. Что же вы думаете, батенька, кого я увидѣлъ? спросилъ меня Лупояровъ, смѣясь.

— Кого?

— Да Ивана Тимофѣева, что невидимкою скрылся отъ насъ при допросѣ пророчицы... — Я сейчасъ же велѣлъ десятскому оставить насъ однихъ. А самъ думаю: должно быть большія новости какія сообщить мнѣ хочетъ. И такъ смѣло пришелъ! А впрочемъ онъ, конечно, увѣренъ былъ, что я ловить его не стану.

— Ну что, молъ, любезнѣйшій „пройди свѣтъ", зачѣмъ пожаловалъ?

— Да вотъ, говоритъ, грамотку поручили мнѣ раскольники передать господину исправнику и вашему благородію. А прежде всего условимся съ вашимъ благородіемъ, что вы меня ловить не будете. Мы знаемъ тебя, какъ смирнаго человѣка, потому я и явился къ тебѣ смѣло.

— Помилуй, говорю, я всегда себѣ вѣренъ.

— Вотъ прочтите-ка проектъ господина исправника, посланный начальству. Наши написали на него отвѣтцы. Не за свое онъ дѣло взялся; надо ему мѣсто перемѣнить...

Я взялъ изъ рукъ посланнаго листъ бумаги, читаю его и вижу, что отвѣты противъ каждаго пункта полуставомъ написаны, да такъ ловко, что я хохоталъ потомъ цѣлую ночь!..

— Да какъ же, молъ, ваша братія ухитрилась достать-то этотъ протоколъ? Исправникъ сказывалъ намъ, что держитъ его въ секретѣ, даже намъ не показывалъ, когда мы просили его объ этомъ.

— Какъ же, говоритъ, въ секретѣ? только не на этомъ свѣтѣ...

— Однако же, говорю?

— Да Иванъ-то Ѳедоровъ на что же?

— Это писарь-то исправника?

— Да, онъ-то! Онъ другой домикъ уже недавно купилъ въ городѣ, а жалованья-то, какъ вашему благородію небезъизвѣстно, получаетъ всего сто двадцать рублей ассигнаціями въ годъ. Такъ тутъ разсуждайте, значитъ, какъ знаете...

— Такъ вотъ, молъ, кто вамъ удружаетъ! Будемъ знать теперь...

— Напрасно, говоритъ, будете думать, что раскольники только чрезъ писарей становыхъ знаютъ всѣ дѣла высшаго начальства, касающіяся ихъ. У нихъ Иваны Ѳедоровы-то есть и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ каждой канцеляріи палатской, губернаторской и министерской. Вездѣ, гдѣ еще только на черно пишутъ что нибудь, раскольники ужъ на другой день все это читаютъ. Вѣдь голь перекатная вездѣ сидитъ, изъ-за рубля всякій продастъ отца роднаго, нетолько что бумажонку какую-нибудь...

— Ну, а что о пророчицѣ-то Устиньѣ Никифоровнѣ и твоихъ собратіяхъ, ученикахъ ея, ничего не слыхалъ: какъ и гдѣ они теперь поживаютъ?

— Не знаю! говоритъ. Только вѣдь, ваше благородіе, этихъ пророчицъ и пророковъ вмѣсто Устиньи Никифоровны и ея учениковъ народилось новыхъ тьма-тьмущая... Идутъ они всюду и ѣдутъ и вездѣ-то чествуются и ублажаются. Щука умираетъ, значитъ, а зубы остаются!

— Прощайте, сударь, ваше благородіе! Передайте же грамотку-то господину исправнику.

И Иванъ Тимофеевъ, повернувшись на коблучкахъ козловыхъ сапогъ своихъ, бойко вышелъ изъ моей комнаты.

XIII.

Что посѣешь, то и жнешь.

Дня черезъ два я отправился въ городъ къ исправнику и разсказалъ ему исторію моего разговора съ Иваномъ Тимофеевымъ, показавъ также и проектъ его возвращенный съ надписью... Покраснѣлъ мой исправникъ, какъ на пожарѣ, прочитавъ отвѣты раскольничьи, а главное, былъ особенно пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, какъ, дескать, это онъ къ нимъ въ руки-то попалъ?

— Да ты, говоритъ, любезнѣйшій не самъ ли это написалъ?

Помилуйте, молъ, ваше высокородіе! Вы можете знать лучше меня: ваше ли это сочиненіе, или мое.

— Гм!.. Такъ неужели эти скоты могутъ такъ дѣла свои обдѣлывать? Бумаги получаютъ у всѣхъ изъ-подъ носа, оплетаютъ всякое начальство, — это чортъ-знаетъ что такое наконецъ!

— Ничего, молъ, тутъ и удивительнаго-то нѣтъ! Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ человѣкъ всегда ухи-

тряется. Нужда остритъ разумъ... сами знаете! А другая пословица говоритъ еще лучше: что сума, да тюрьма дадутъ ума... Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсеньки поетъ.

— Ладно, говоритъ. Я перейду на службу въ другую губернію и завтра же поѣду хлопотать объ этомъ въ губернскій городъ; только прошу васъ обо всемъ этомъ никому ни слова, какъ будто бы вы и проэкта моего не видали и отвѣтовъ этихъ не читали. Конечно бояться тутъ, собственно говоря, мнѣ нечего, дѣло мое правое, долгъ службы, но все-таки, знаете, лучше, когда люди меньше знаютъ о другомъ, чѣмъ слѣдовало бы! Не такъ ли?

— Всесовершеннѣйшая, молъ, правда!

И грозный нѣкогда исправникъ нашъ пожалъ мнѣ крѣпко руку.

Недѣли чрезъ три онъ дѣйствительно переѣхалъ на службу въ другую губернію, въ которой не было уже ни одного раскольника...

Послѣ того, собравшись какъ-то вмѣстѣ, мы долго хохотали надъ проэктомъ исправника и всей этой исторіей. Вѣдь выдумалъ же, молъ, такую небылицу въ лицахъ, что курамъ на смѣхъ! Не видавши ничего и не зная совсѣмъ народа русскаго, а раскольниковъ и того меньше, сѣлъ маіоръ армейскій за столъ въ кабинетѣ своемъ да и настрочилъ проэктъ; ну и вышла чепуха! Нѣтъ, онъ послужилъ бы прежде становымъ, напримѣръ годиковъ пятнадцать, да перeглядѣлъ этого народу тысячъ пять въ годъ, тогда другіе бы проэкты-то сталъ писать...

Въ проэктѣ своемъ господинъ исправникъ рекомендуетъ увеличить число исправниковъ! Ну, разумѣется, когда увеличивается число исправниковъ, такъ какъ же отставать этимъ раскольникамъ-то и не увеличивать, въ свою очередь, пророковъ и апостоловъ своихъ? Долгъ платежемъ вѣдь красенъ! Хохотали мы долго-таки на этотъ счетъ...

А раскольники эти дѣйствительно, скажу вамъ, батенька, какъ на смѣхъ проэкту исправника, съ каждымъ днемъ все прибываютъ и прибываютъ... Видишь этакъ, напримѣръ, село иное въ православіи будто находится, ну и сердце, знаете, радуется: наши, молъ, пока! Только чрезъ недѣлю вдругъ слышишь, что все это ухнуло въ расколъ... Вся эта слѣпая, голая, оборванная и по уши завязнувшая во тьмѣ масса ухаетъ и ухаетъ въ расколъ въ два-три дня какихъ нибудь при появленіи Сидорки или Карпушки съ козлиной бородой, назвавшагося христомъ и пришедшимъ-де изъ Иркутска спасти народъ отъ его сквернаго житія и провести прямою дорогою въ золотыя ворота рая... Только и слышишь и видишь, бывало, что они встрѣчаютъ и провожаютъ то христа, то пророка, то мученика съ мучиницей, то учениковъ божіихъ, съ неба свалившихся... Наголо вѣдь невѣжество, куда ни кинь глазомъ; на тысячу человѣкъ едва одинъ грамотный есть и то съ грѣхомъ пополамъ, а ужъ о вѣрѣ-то православной и помину нѣтъ!.. Вездѣ каковъ попъ, таковъ и приходъ!.. Да, худо, батенька, съ такимъ народомъ — въ государствѣ, — пропащіе люди совсѣмъ. Ну оно послѣдствія-то вотъ и высказываются сами собою. Что, значитъ, посѣялъ, то и жни, пословица-то недаромъ говорится!

XIV.

За ужиномъ и послѣ ужина.

— Ужинать ужъ пора гостю! сказала вошедшая въ гостиную дочь хозяина. Двѣнацать часовъ ночи. Столъ накрытъ въ залѣ.

— Да, пора, батенька, дѣйствительно, отвѣчалъ Лупояровъ. — Я заболтался такъ, что и забылъ, что соловья-то баснями не кормятъ...

Я всталъ и послѣдовалъ за Лупояровымъ въ залу. За ужиномъ сидѣла съ нами дочь Лупоярова и прерывала всякій начатый нами на старую тэму разговоръ, такъ-что Лупояровъ, наконецъ, пересталъ говорить и погрузился въ самое апетитное уписываніе поросенка, индюшки, супа съ жирной курицей, сдобныхъ кулебякъ и прочаго. Щебетала старая дѣва, которую никто не слушалъ.

„Да“, думалъ я, послѣдовавъ примѣру Лупоярова, и взявшись за ложку: „Лупояровъ этотъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ, хоть и большой взяточникъ!.. Онъ понималъ и понимаетъ дѣйствительность, какъ она есть, на дѣло смотритъ прямо; вотъ выстроилъ себѣ домъ, купилъ земли вдоволь, накопилъ деньгу, ладилъ съ начальствомъ всякимъ и народу былъ любезнѣе другихъ, хоть и обиралъ его кругомъ... Словомъ — онъ сталъ ближе другихъ къ народу и хоть вовсе никакимъ наукамъ не учился, однако былъ умнѣе исправника своего, писавшаго дурацкіе проекты и сдѣлавшаго народу болѣе зла чѣмъ Лупояровъ. Лупояровъ хоть и обиралъ народъ — кто же его у насъ въ Россіи не обиралъ и не обираетъ — но за то дѣла не пакостилъ, не портилъ его, какъ говорится, а все потому, что здравый смыслъ человѣческій имѣлъ большой... Онъ возвышался даже до иронической точки зрѣнія на окружавшее его! Онъ много видалъ, много зналъ, и отъ него многому можно было поучиться, особливо глупымъ чиновнымъ писателямъ проектовъ, въ родѣ вышереченнаго исправническаго!.. Лупоярова, какъ видно изъ разсказа его, занимали вопросы административные и государственные, которые онъ рѣшалъ съ помощію одного здраваго смысла, просто, ясно и практично. Его здравый смыслъ, какъ вѣроятно изъ разсказа его замѣтилъ и читатель, охотно подтрунивалъ надъ сухопарыми умами окружавшихъ

его жалкихъ администраторовъ, особливо нѣмцевъ, и всѣми ихъ высшими разспоряженіями, которыя ему, волей-неволей, приходилось исполнять по службѣ. Благодаря исключительности своего положенія среди народа, онъ узналъ скоро этотъ народъ, сразу понялъ и осмыслилъ свое положеніе — и охотно говорилъ о своемъ прошломъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, жорновомъ, какъ говорится, не вымелешь! „Да-съ, да нѣтъ-съ, да не знаю...“ обыкновенно только и говоритъ на разспросы любознательнаго какой нибудь паршивый чиновнишка, взяточникъ, всю свою жизнь строчившій ябеды, и народъ обиравшій по призванію, com amore. Лупояровъ же обиралъ народъ потому только, что зналъ, что этимъ обираніемъ поправлялъ и упрощалъ дѣло“..

Послѣ ужина Лупояровъ своею собственною рукою поправилъ огонь въ лампадкѣ предъ большимъ кіотомъ со множествомъ образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ.

— Что это, спросилъ я, у васъ въ домѣ-то точно церковный иконостасъ?

— Нельзя, батенька! Старость труслива, сами знаете...

— Что же эти лампадки-то день и ночь горятъ у васъ передъ кіотомъ-то вашимъ?

— Неугасимыя, батенька, неугасимыя! отвѣтилъ Лупояровъ и перекрестился два раза передъ лампадкою. — Какъ вышелъ въ отставку, такъ и завелъ; нельзя: всѣ вѣдь мы въ грѣхахъ жили и живемъ...

— Конечно, особливо становые-то!

— Спокойной ночи, милый человѣкъ! И Лупояровъ, указавъ мнѣ мягко приготовленную постель на диванѣ, вышелъ въ свою спальню, гдѣ пищали уже экономкины дѣти...

Ночью я долго не могъ уснуть: то корова подойдетъ къ окну и шумно задышетъ, то собаки дворныя примутся почему-то лаять на корову. Свинья откуда-то

вдругъ взялась и прошла разъ пять мимо оконъ, хрюкая съ достоинствомъ; лошадь гдѣ-то вблизи жевала сѣно и все фыркала. Главная же, впрочемъ, причина безсонницы моей было глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня разсказомъ Лупоярова. „Эка, какъ глупо жизнь-то русскаго мужика сложилась!“ думалъ я. И длинный рядъ историческихъ событій и горькихъ хитросплетеній потянулся въ головѣ моей, воскресая въ памяти. И сталъ я думать, да додумываться... Да какое впрочемъ дѣло читателю, о чемъ я сталъ думать и продумалъ до утра?...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ Антона Лаврентьевича Лупоярова.

Прошло три года послѣ свиданія моего съ Лупояровымъ, и одиннадцать лѣтъ послѣ появленія пророчицы въ С... губерніи въ 1854 г. Довольно перемѣнъ произошло на лицѣ русской земли въ эти одиннадцать лѣтъ. Случилось такъ, что въ началѣ іюня 1866 года мнѣ лежалъ путь чрезъ село „Красный-Яръ“, о которомъ наговорилъ мнѣ столько Лупояровъ и которое назадъ тому 15 лѣтъ, т. е. во времена владычества Лупояровыхъ съ братіей, скованнное по рукамъ и по ногамъ рабствомъ, полнымъ гражданскимъ безправіемъ и повальнымъ невѣжествомъ, представляло такую обильную почву для раскола... Подъѣзжаю къ селу. Оно было раскинуто по обоимъ берегамъ большаго проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная старыми, въ громадные размѣры разросшимися ветлами, замыкала этотъ прудъ. Почти въ уровень съ нею виднѣлась крыша мельницы-крупчатки, съ большими галереями и новыми колесами. Крестьянскіе дома, построенные вдоль обоихъ береговъ пруда, казалось, переглядывались черезъ широкую водяную гладь новенькими стеклами своихъ небольшихъ оконъ. Надъ прудомъ тянулся старинный садъ, упиравшійся концомъ своимъ въ высокую гору, возвышающуюся надъ селе-

ніемъ. Липы тянулись по немъ аллеями, группировались сплошными купами; столѣтнія сосны съ громадными иглами, темные дубы съ блѣдно-толстыми стволами и рослые ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки. Густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ большаго деревяннаго барскаго дома, обращеннаго въ сельское училище. Предъ самымъ домомъ, величавшимся всѣми затѣями прежняго барства: и терасами, и башнями, и полубашнями, плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси. Въ полугорѣ виднѣлась сельская деревянная церковь съ жестяными, почернѣвшими крестами, полинялою зеленою крышею и высокою, немного погнувшеюся, колокольнею. Въ рединѣ села, предъ прудомъ, строилась новая большая каменная церковь. Мѣстоположеніе села было хорошо. Мой ямщикъ, шагомъ проѣхавъ по плотинѣ, остановился на берегу. Сельскій курчавый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полусгнившей корягѣ.

Ямщикъ окликнулъ его.

— Вамъ на взъѣзжій дворъ? возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ попловка.

— На взъѣзжій.

— А вотъ ступай прямо, на дворъ, въ училище.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ воды серебристаго окуня.

Мы въѣхали. Вхожу въ комнату, назначенную для пріѣзжающихъ — чисто, просторно и пріятно. Явился старшина съ бронзовою медалью на цѣпи чрезъ шею; лицо смышленное, открытое и безъ видимаго подобострастія. Я сказалъ о себѣ. Разговорились о томъ, о семъ, и я узналъ, что на этотъ разъ былъ въ селѣ и мировой посредникъ. Пришелъ сельскій учитель, нѣкто Лемеховъ, онъ же и волостной писарь, бывшій студентъ с.-петербургскаго университета, неокончившій

курса по случаю извѣстныхъ студенческихъ исторій... и въ деревнѣ готовившійся потомъ держать экзаменъ на степень кандидата. Подавъ руку старшинѣ и отрекомендовавшись мнѣ какъ гостю, онъ повелъ разговоръ о своей дѣятельности среди освобожденныхъ крестьянъ. Лицо его постоянно оживлялось, глаза блестѣли видимымъ довольствомъ. Время потекло необыкновенно оживленно. На часахъ пробило десять. Раздался звонокъ, и сторожъ училищный, старикъ лѣтъ 60, сталъ мѣрно отсчитывать удары въ колокольчикъ, висѣвшій на столбѣ близъ входа въ училище. Запестрѣли толпы мальчиковъ и дѣвочекъ сельскихъ, съ книжками въ рукахъ собравшихся въ школу. День былъ ясный и солнце не огнистое и раскаленное, какъ во время знойной засухи, но свѣтлое и привѣтливо-лучезарное, мирно выплывало изъ-подъ узкой и длинной жиденькой тучки. Тучка загустѣла, и верхній тонкій край растянутаго облака засверкалъ змѣйками. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи и весело, и величаво поднималось могучее свѣтило. Мальчики зажимали глаза книжками, сонливо щурясь и косясь на яркіе лучи солнца.

Въ пыли и дорожномъ, походномъ костюмѣ, скоро вошелъ къ намъ въ комнату и мировой посредникъ, пріѣхавшій изъ полей съ помощникомъ старшины. Разговоръ пошелъ о поляхъ, засѣвахъ и общественныхъ десятинахъ, посѣянныхъ дружными руками крестьянъ, о строющейся въ селѣ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, церкви, заложенной *руками свободныхъ крестьянъ* въ честь Богоматери „утѣшенія всѣхъ скорбящихъ“.

Мировой посредникъ, происходившій изъ бѣдныхъ людей, былъ, какъ потомъ я узналъ, любимъ крестьянами и получилъ отъ нихъ нѣсколько искреннихъ адресовъ въ 19-е февраля — день, столь знаменитый для крестьянъ. Лемеховъ же до того былъ преданъ дѣлу обученія крестьянъ и устройству правильной новой

сельской администраціи, что вмѣсто двухъ лѣтъ, которыя хотѣлъ провести въ своихъ свободно-избранныхъ должностяхъ — сельскаго учителя и волостнаго писаря — жилъ въ селѣ „Красномъ-Яру“ уже четыре года. Село было его родиною. Онъ оказался, послѣ моихъ разспросовъ, сыномъ мѣстнаго причетника, случайно попавшимъ въ мѣстную гимназію, а потомъ отправленнымъ добрыми людьми, за отличные успѣхи, въ университетъ на казенный счетъ.

Покончивши чай, мы отправились вмѣстѣ въ училище.

— Это бывшій барскій домъ, говорилъ дорогою Лемеховъ, — логовище лѣни, тупости, деспотизма и разврата...

— Какъ же, говорю, преобразился онъ въ училище-то?

— При моемъ и посредника содѣйствіи, объяснилъ Лемеховъ, — общество купило его, вотъ уже четыре года назадъ тому, задаромъ почти, у вдовы мѣстнаго помѣщика Хабарова, сосланнаго въ Сибирь за засѣченіе до смерти одного крестьянина. Вдова постриглась теперь въ иверскомъ женскомъ монастырѣ.

Домъ былъ, какъ я увидѣлъ, нѣсколько передѣланъ и приспособленъ къ училищу. Его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтливо и стекла большихъ раскрытыхъ оконъ ярко блестѣли на солнцѣ. Изъ оконъ этихъ неслись на улицу легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ и дѣтскаго смѣха. Весь домъ кипѣлъ жизнію и переливался дѣтскимъ веселіемъ чрезъ край. На встрѣчу намъ попадались крестьянки матери, приведшія дѣтей своихъ въ школу и возвращавшіяся съ довольными лицами домой. Лемеховъ и посредникъ привѣтливо съ ними кланялись. Меня охватывало какое-то доселѣ еще неизвѣданное чувство удовольствія, и сердце сильно забилось въ груди, при видѣ новой жизни на могилѣ мертвецовъ...

При входѣ нашемъ въ довольно большое (оконъ въ 6 или 8) зало, мальчики, числомъ до 50, дружно запѣли входную для учителя молитву. Лемеховъ спросилъ урокъ перваго ученика, по фамиліи Колкова. Мальчикъ всталъ и зазвенѣлъ какъ колокольчикъ. Прочіе навострили уши и не мигали глазами.

Колковъ былъ стройный мальчуганъ съ красивыми, немного крупными чертами лица. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ. На немъ была пестрая ситцевая рубаха; небольшой новый армячекъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечахъ. Мальчикъ прочиталъ урокъ, не запнувшись, и съ видимымъ самодовольствомъ сѣлъ, не дождавшись похвалы учителя.

— Въ гимназію, а потомъ въ университетъ его готовлю! какъ-то торжественно проговорилъ Лемеховъ. Потомъ вполголоса прибавилъ: — это сынъ одного изъ бывшихъ начотчиковъ раскольничьихъ, теперь уже равнодушнаго расколу.

Мы осмотрѣли зало, подпираемое 4-мя колонами и украшенное хорами съ фигурными перилами, на которыхъ, вѣроятно, играла въ былыя времена у хозяина, безпутнаго расточителя крестьянскаго добра, во время обѣда музыка.

Здѣсь столъ былъ яствъ... .

проговорилъ мнѣ на ухо, и очень выразительно Лемеховъ.

Осмотрѣвъ мужское отдѣленіе, гдѣ остался заниматься съ мальчиками помощникъ учителя, изъ крестьянскихъ дѣтей, мы перешли въ женское. Оно занимало двѣ довольно большія комнаты, соединенныя въ одно зало по выломкѣ стѣнъ. Здѣсь уже шли занятія. Дѣвочки, числомъ до 30, встали и поклонились намъ. Изъ-за учительскаго стола приподнялась и учительница, лѣтъ 22, одѣтая вся въ черное. Оказалось, что это была дочь бывшаго помѣщика Хабарова, нечаянно

искалѣченная пьянымъ отцомъ своимъ въ дѣтствѣ и обрекшая нынѣ себя, за грѣхи отцовъ своихъ, на воспитаніе дѣтей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Большой горбъ, некрасиво выставлявшійся на спинѣ, и ея нагнувшаяся въ правую сторону голова, возбуждали къ ней съ перваго раза состраданіе. Черты лица ея были довольно правильны, а лицо поразительно бѣло и нѣжно. Сначала она конфузилась, потомъ оправилась и спросила урокъ двухъ дѣвочекъ, которыя отвѣчали весело, бойко и довольно толково.

Здѣсь пиршествъ раздавались клики...

шепнулъ опять Лемеховъ и какъ-то ѣдко улыбнулся.

Осмотрѣвъ училище, мы вышли въ садъ и прошлись по аллеямъ. Отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ и травою. Деревья блестѣли листьями на солнцѣ и всюду распространяли пріятный запахъ. Осмотрѣвши затѣмъ волостное правленіе, сберегательную крестьянскую кассу, сельскія: аптеку, больницу и наконецъ библіотеку, гдѣ насъ принялъ библіотекарь, выучившійся уже парень, въ плисовой крестьянской поддевкѣ съ бронзовыми пуговицами и причесанный по крестьянски въ скобку. Встряхивая волосами, онъ бойко рапортовалъ посреднику о числѣ книгъ, какъ находящихся въ библіотекѣ, такъ и розданныхъ для чтенія по селу.

— На какія же суммы, спросилъ я старшину, — вы содержите эту библіотеку?

— У насъ уже три года, отвѣтилъ старшина, по предложенію учителя нашего и посредника, общими дружными силами сѣютъ по 10 десятинъ хлѣба на эти заведенія.

— Послѣднія двѣ десятины, замѣтилъ Лемеховъ, дѣти, подъ моимъ надзоромъ, убираютъ даже собственными руками.

— Новость еще невиданная у насъ въ Россіи! отозвался я.

— Пора! не безъ ироніи проговорилъ Лемеховъ; 1000 лѣтъ ходили въ потемкахъ, спали и дурили...

Старшина глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Въ этомъ флигелѣ жилъ 20 лѣтъ управляющій полякъ, добавилъ Лемеховъ, — который грабилъ и сѣкъ людей безпощадно... Въ контрастъ этому, тяжелому для крестьянъ по воспоминаніямъ логовищу, я нарочито обратилъ его въ библіотеку.

— Гдѣ же, говорю, этотъ полякъ теперь?

— На награбленныя въ Россіи съ крестьянъ деньги, отвѣтилъ Лемеховъ, — онъ содержалъ въ своей отчизнѣ полгода банды и былъ наконецъ повѣшанъ; жена же его, за пособничество и участіе въ заговорѣ, сослана въ Сибирь.

По другую сторону дома, близъ сада, въ лѣсу, уединенно и почти забыто стоялъ фамильный склепъ древняго рода Хабаровыхъ, гдѣ покоились дѣды и прадѣды многихъ поколѣній, безполезно проживавшихъ на землѣ... Чугунные памятники безмолвно и угрюмо покоились на осунувшихся и мѣстами провалившихся могилахъ отжившихъ поколѣній. На многія тяжелыя и грустныя думы наводили эти памятники.

Надгробные здѣсь воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...
. . . .

договорилъ державинскій стихъ Лемеховъ.

Въ 2 часа раздался звонокъ, возвѣщавшій окончаніе занятій. Все засуетилось. Дѣти съ шумомъ разсыпались по улицѣ и саду. Съ громкимъ смѣхомъ и крикомъ запрыгала и заиграла вся эта молодая стая людей, надъ головою которой пронеслась послѣдняя тяжелая и удушливая буря рабства, изумительнаго повальнаго невѣжества и безпримѣрной религіозной слѣпоты, но никого изъ нея не задѣла... Дружный хохотъ раздавался въ саду, нѣкогда назначенномъ только для

ассамблей сошедшаго съ лица земли безтолково прожившаго рода...

— Вотъ среди этихъ ужъ людей, подумалъ я, пророчицы Устиньи Никифоровны жить не должны!

Вдали въ склепѣ боярскомъ, на могилѣ отца своего, сидѣла *послѣдняя въ родѣ* и задумчиво глядѣла на всю эту картину и свой нѣкогда садъ и домъ. Около нея одиноко закуковала кукушка...

— А что, много еще осталось раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я Лемехова въ разговорѣ за вечернимъ чаемъ.

— Треть еще села, но и тѣ, какъ случайно попавшіе по ожесточенію въ расколъ, теперь уже близки ко многимъ перемѣнамъ. Прошедшій годъ они послали адресъ къ Государю съ благодарностію за освобожденіе ихъ отъ рабства и съ выраженіемъ готовности стать въ полки его добровольно на защиту русской земли отъ поляковъ, а прежде, какъ вамъ, я думаю, извѣстно, они не признавали по вѣрѣ своей вѣдь ни царя, ни рекрутчины.

— Ну, всѣ остальные-то въ селѣ какъ себя чувствуютъ?

— Чувствуютъ себя хорошо. Вотъ посылаютъ дѣтей своихъ въ школу, выпросили себѣ, на мѣсто никуда негодившагося, новаго попа у нашего архіерея, любятъ посредника и меня, только становыхъ и исправниковъ, по старой памяти, все еще и доселѣ не жалуютъ. Впрочемъ, мы ихъ уже оберегаемъ отъ этихъ лицъ всѣми силами и шалить никому не даемъ...

Къ вечеру въ сумереки, покончивъ дѣла свои, я собрался изъ Краснаго-Яра, простившись съ Лемеховымъ, старшиною и крестьянами.

Ямщикъ мой тронулся изъ воротъ взъѣзжаго дома, и мы поѣхали вдоль улицъ. Въ селѣ слышались вечернія пѣсни сельскихъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, игравшихъ во многихъ мѣстахъ на улицѣ. Эхо

пѣсенъ, раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ, звонко переливалось въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. На площади, близъ широкаго пруда, предъ самымъ училищемъ, нѣкогда грознымъ барскимъ домомъ, мимо коего съ содроганіемъ и трепетомъ проходили и старецъ, и дитя, развелся большой хороводъ, среди котораго, лихо подбоченясь, гулялъ

Суженый ряженый...
Добрый молодецъ дѣтинушка,

и дѣлалъ подъ козырекъ

Красной дѣвицѣ
Разлюбушкѣ душѣ...

Хоръ дружно заливался пѣснею:

Вдоль-да по рѣчкѣ,
Вдоль по широкой
Сизый селезень плыветъ,
Вдоль-да по улицѣ,
Вдоль по Красноярской
Добрый молодецъ идетъ!..

Группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, небрежно раскидавшись по травѣ вокругъ хоровода, окаймляли площадь и прудъ. Вдоль заборовъ и у воротъ сидѣли и стояли отцы — нѣкогда, въ самыя тяжкія для нихъ времена, считавшіе за грѣхъ не только пѣть мірскія пѣсни, но и появляться на улицѣ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, царилъ антихристъ и слуги его — и смотрѣли на дѣтей...

Вечернее чистое небо, торжественно и необъятно, высоко стояло надъ селомъ со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Лишь изрѣдка въ пруду, съ внезапной звучностію, всплеснетъ большая рыба и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной вѣтра. Въ поляхъ, вдали за прудомъ, у отдыхавшихъ пахарей, заблестѣли огоньки.

Ямщикъ тронулъ лошадей, и мы выѣхали изъ села.

— Эхъ вы, соколики! вскрикнулъ на козлахъ молодой парень, въ красной рубахѣ и шляпѣ, украшенной лентами. — Шевелись, молодцы! Говори!

Какъ серебро зазвенѣлъ колокольчикъ, и тройка гнѣдыхъ взвилась и вытянулась въ струнку. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля вытянулись за полями, кусты одинъ за другимъ словно изъ земли выростали и исчезали. Широкій сельскій прудъ быстро убѣгалъ отъ насъ. Стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая при потухавшей зарѣ, слабо обозначали зеркальную поверхность пруда. Гора съ садомъ и училищемъ, на которой я такъ недавно находился, чернѣя вдали, отдѣлялась отъ синеватой воздушной пустоты и будто тонула въ томно-серебристомъ пруду. Легкая пыль узкимъ желобомъ поднималась и неслась по дорогѣ, и далеко разносился дружный топотъ лошадей, изрѣдка встряхивавшихъ своими косматыми головами.

Я еще разъ оглянулся на село. Глазамъ не хотѣлось оторваться отъ видѣннаго. Жалко было разстаться съ отрадными, въ перный разъ еще въ жизни моей видѣнными на Руси картинами родной земли, и въ то же время такъ пріятно было на душѣ при мысли, что минуетъ понемногу наконецъ и для этого села былое недавнее, тяжелое и, сравнительно, мрачное для Руси время!..

Авось, подумалъ я, при помощи гражданской свободы, лучшихъ гражданскихъ формъ, народнаго просвѣщенія и новыхъ лучшихъ дѣятелей, русскій народъ, рано или поздно, сольется наконецъ въ одну „русскую семью", не будетъ называть антихристомъ и слугами его совершенно враждебный ему элементъ... съ которымъ онъ дѣйствительно ничего не имѣлъ общаго... и, кто знаетъ, быть можетъ, рано или поздно и самое слово „русскій расколъ", который случайно

явился въ народѣ русскомъ, сдѣлается достояніемъ только исторіи?! Какъ близко это время — сказать опредѣлительно, конечно, трудно, но желать и споспѣшествовать скорѣйшему приближенію онаго заставляетъ насъ заслуженная любовь къ народу, выстрадавшему цѣлыми вѣками право на это наше чувство, и наконецъ даже самая честь Россіи...

Свѣту, свѣту скорѣе больше намъ и лучшихъ правительственныхъ и общественныхъ дѣятелей, — вотъ въ чемъ наше спасеніе!..

IV.

ПУТИЛОВЪ.

I.

Деревня и городъ.

Въ одной деревнѣ, одной губерніи, еще доселѣ помнятъ мальчика бойкаго, веселаго и смышленаго, жившаго тамъ когда-то вмѣстѣ съ матерью. — Звали его Путиловымъ. Смѣлость и любознательность мальчика были извѣстны не только крестьянамъ, но даже помѣщикамъ околодка. Не было крестьянскаго мастерства, котораго бы онъ не перенялъ, не было дѣла, передъ которымъ бы онъ когда нибудь въ тупикъ сталъ. Росъ онъ въ бѣдности страшной, но грамотѣ выучился скоро и даромъ. Воспитываясь въ средѣ раскольничьей, онъ скоро опередилъ своихъ товарищей въ ученіи. Крестьяне стали носить ему читать присылаемыя имъ отъ солдатиковъ письма, и мальчикъ, не затрудняясь, разбиралъ все. Всѣ въ деревнѣ его любили, такъ какъ онъ былъ самый расторопный и услужливый малый.

— Большимъ бы ты человѣкомъ былъ, говорилъ ему дьячекъ православный, если бы родился бариномъ, или поповичемъ и учился въ университетѣ, али въ академіи. Я такого понятнаго и въ нашемъ духовномъ училищѣ не видалъ, когда учился!

И дьячекъ начиналъ съ досады бить своего сына, довольно тупаго и крайне вялаго малаго.

— Мнѣ, дяденька, и ночи не спятся, говорилъ откровенно бойкій мальчикъ. Все мнѣ видится или большое море.... и я будто плыву на кораблѣ съ большими парусами, или темные большіе лѣса.... и я сражаюсь съ разбойниками — и побиваю ихъ однимъ ударомъ; или большіе города съ золотыми церквами и золотыми крышами на домахъ, и я тамъ живу, и маменьку съ собой взялъ. Все-то мнѣ хочется скорѣе узнать, все видѣть на свѣтѣ, вездѣ перебывать... Вотъ такъ бы и полетѣлъ сейчасъ, еслибы крылья!

— Можетъ быть и вездѣ будешь, замѣчалъ глубокомысленно дьячокъ, — наука всему свѣтъ.

И маленькій Путиловъ, торопясь, хватался за раскольничью псалтырь и жадно читалъ грамоту...

Прошедши скоро всю мудрость, преподаваемую раскольничьими грамотѣями, Путиловъ поступилъ въ разсыльные подписаря въ сельскую расправу, гдѣ, за неимѣніемъ серьезныхъ занятій по должности, устроилъ изъ своей особы нѣчто въ родѣ живой почты: часто носилъ письма изъ села въ село, изъ сельской расправы въ волостное правленіе. Бѣгалъ онъ нерѣдко и въ уѣздный городъ, гдѣ выкупалъ письма, присылаемыя на имя крестьянъ своего села и приносилъ имъ для раздачи по принадлежности.

Скажутъ ему бывало: Степанъ, почта пришла! И Степанъ, какъ стрѣла, летѣлъ за 15 верстъ въ городъ, возвращаясь чрезъ три, много четыре часа. Собственно говоря, городъ нравился Путилову не столько какъ предметъ путешествія за письмами, сколько тѣмъ, что

онъ былъ больше села, въ немъ было больше домовъ, церквей, улицъ и людей: тамъ текла большая рѣка съ высокими, обросшими дремучимъ лѣсомъ, берегами, а по ней, съ распущенными парусами, неслись большія суда куда-то вдаль... и пропадали....

Когда черезъ годъ привиллегированный подписарь сельской расправы за пьянство былъ выгнанъ, то Путиловъ, какъ зарекомендованный человѣкъ, безъ труда уже занялъ его мѣсто, не смотря на свои 11 лѣтъ. Тутъ открылось ему довольно широкое поле для занятій и кипучей дѣятельности... Онъ получилъ въ въ полное распоряженіе шкафъ сельской канцеляріи, въ которомъ съ жадностію перечиталъ все, начиная отъ печатныхъ книгъ: „Наказы сельскимъ расправамъ“ и „Уставы сельскаго благоустройства“ и кончая различными сельскими распоряженіями и судебными дѣлами... Кругозоръ его мгновенно расширился. Онъересталъ уже справлять почту, но письма читалъ всѣмъ охотно, хотя денегъ за чтеніе ужъ не бралъ. Скоро новый писарь сельскій такъ хорошо изучилъ свою грамоту, что въ 12 лѣтъ заправлялъ вполнѣ неграмотнымъ сѣдобородымъ старшиною... Между тѣмъ, мать Путилова, какъ беззащитная женщина, въ числѣ 30 человѣкъ, сослана была, изъ-за плутовъ раскольничьихъ коноводовъ, на поселеніе въ Сибирь... Тринадцатилѣтній сынъ убѣжалъ изъ села своего за матерью. Изъ любви къ матери онъ не въ силахъ былъ разстаться съ нею... Не дошедши до Сибири мать Путилова отъ арестантской гонки умерла. Путиловъ бѣжалъ съ дороги обратно въ свою деревню.

II.

Первые уроки.

Явившись бѣглецомъ въ деревню, Путиловъ скрывался въ сосѣднемъ лѣсу, откуда по ночамъ прихо-

дилъ къ бывшему дому матери и ночевалъ около него. Вѣсть объ этихъ ночныхъ прогулкахъ разнеслась однако по околодку, и бѣглецъ долженъ былъ прекратить ихъ. Тогда лѣсной жилецъ вырылъ себѣ яму, прикрылъ ее въ родѣ шалаша хворостомъ и соломою и сталъ дѣлать оттуда вылазки за пищею въ сосѣднія села и деревни. У одного стянетъ хлѣбъ печеный изъ сѣней, у другаго муки и масла, у третьяго горшокъ молока. Пропажамъ дивились, но вора не находили. Скоро на лѣснаго жителя набрелъ „Бѣгунъ", послѣдователь страннической секты и всучилъ ему цвѣтникъ Евфимія, или изложеніе вѣры секты Бѣгуновъ. Путиловъ спросилъ странника:

— Какая же ваша вѣра?

Странникъ отвѣчалъ:

— Мы царя и власти считаемъ нужными, но нынѣшняго царя и власти не почитаемъ благочестивыми, ибо слуги его антихристы... Духовная разжирѣвшая власть — ложные пророки и еретики, потому что они св. отецъ правила и законы истребили, о дѣлѣ своемъ не брегутъ... Подъ сводъ законовъ не подходимъ, ибо онъ писанъ не для народа...

Ученіе это понравилось оскорбленному и раздраженному юношѣ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его настроенію, и онъ сдѣлался адептомъ странника. Пріобрѣтши новаго ученика, странникъ зашагалъ по Россіи далѣе...

Путиловъ жилъ съ полгода въ лѣсу и сталъ собирать у себя въ свою очередь учениковъ. Вѣсть объ этомъ дошла до начальства, и Путилова рѣшили поймать. Становой прошелъ съ мужиками лѣсъ, безъ труда отыскалъ Бѣгуна и, связавъ, отправилъ въ острогъ. Начались судъ да дѣло, и потянулась исторія на 3 года, что и дало возможность Путилову взять первые уроки у острожныхъ по части самыхъ разнородныхъ преступленій...

Сообразивъ все какъ слѣдуетъ, Путиловъ скоро убѣдился, что не пропадетъ въ тюрьмахъ, если придется ему тамъ побывать. Между тѣмъ въ острогѣ случились безпорядки. Путиловъ оказался однимъ изъ главныхъ героевъ бунта и лицомъ въ грязь не ударилъ себя передъ учителями...

— Да, братецъ, ты будешь молодецъ, одобрительно говорили ему искушенные въ бояхъ арестанты, послѣ того, какъ ихъ усмирили и выпороли. Въ тебѣ будетъ прокъ!

У Путилова кровь стучала въ вискахъ отъ удовольствія при похвалахъ, и онъ нетерпѣливо ждалъ случая отличиться еще болѣе...

Случай скоро представился. Послѣ возмущенія арестантовъ въ уѣздномъ острогѣ началось новое дѣло. Возмутившихся сочли очень опасными преступниками и, за ненадежностію уѣздной тюрьмы, перевели въ губернскій острогъ. Дѣло потянулось еще на 5 лѣтъ, и прилежный ученикъ здѣсь довершилъ свое образованіе въ наукѣ преступленій. Онъ пріобрѣлъ тутъ сноровку и изворотливость, необходимыя для промысла, изучилъ основательно всѣ художества, начиная отъ отмычки замковъ, поддѣлки паспортовъ, вырѣзыванія фальшивыхъ печатей..... и кончая чеканомъ монеты и печатаніемъ фальшивыхъ ассигнацій... Это не мѣшало ему читать арестантамъ цвѣтникъ Евфимія, догматическую книгу Бѣгуновъ!

Съ дороги въ Сибирь, куда Путиловъ былъ отправленъ по приговору суда, онъ легко бѣжалъ и два года потомъ гулялъ на свободѣ, переходя отъ преступленія къ преступленію. На третій годъ Путиловъ очутился снова въ острогѣ, но не какъ уже ученикъ, а какъ мастеръ своего дѣла....

III.

Торныя дороги.

Два часа по полуночи. Сильній осенній дождь лилъ какъ изъ ведра и однообразно стучалъ въ желѣзную крышу острога. Вѣтеръ со свистомъ врывался въ люки острожнаго дома и своимъ назойловымъ шумомъ будилъ безпокойную мысль 23-лѣтняго Путилова. Всюду темнота необъятная, такъ что часовой, стоявшій у острога на караулѣ, не могъ разсмотрѣть человѣка даже на полъ-аршина. Облака, низко спустившись надъ землею и мѣшаясь съ городскимъ тяжелымъ воздухомъ, неслись стѣною надъ кровлею острога. Острожные спятъ; стража острожная тоже дремлетъ, убаюканная мѣрнымъ стукомъ дождя въ окна и крышу. Ночники тускло горятъ кое-гдѣ по угламъ, и слабое мерцаніе огонька едва борется съ мракомъ осенней ночи. Не спитъ одинъ Путиловъ и торопливо допиливаетъ желѣзный прутъ у своей двери. Изрѣдка взвизгиваетъ его пила, но свистъ ея, заглушаемый шумомъ вѣтра, не слышенъ постороннему. Наконецъ толстый желѣзный прутъ перепиленъ, и Путиловъ, свободно пролѣзши сквозь дверь, гуляетъ, не стѣсняясь, по корридору острожному Нисколько не затрудняясь, смѣло и равнодушно подошелъ онъ къ церковной двери и, искусно выдавивъ окно надъ нею, чрезъ пять минутъ очутился уже въ церкви острожной. Кругомъ молчаніе. Зажегши восковую свѣчку отъ неугасимой церковной лампады, Путиловъ отворилъ двери алтаря и вошелъ въ нихъ, не дрогнувъ. Затѣмъ снялъ пелены съ престола и жертвенника, взялъ серебряную чашу съ дароносицею и положилъ за пазуху... Два копья, служащія при священнодѣйствіи для выниманія частицъ изъ просфоръ, пособили ему разломать церковную денежную кружку. Отвергаюся всѣхъ нечестій Великороссійскія церкви, твердилъ Путиловъ, и съ пророкомъ вопію: возненавидѣлъ церковь лукавствующихъ: горе вамъ ложные учители, яко затворяете царствіе Божіе предъ человѣки: сами не входите и другимъ возбраняете!... Здѣсь ни приношеніе, ниже служба совершается богоугодная. Чистое тѣло и кровь Христова во днѣхъ оныхъ не имать явитися.

При тускломъ свѣчномъ огаркѣ Путиловъ пересчитывалъ спокойно деньги на коврѣ, отобралъ серебро въ одну кучу, мѣдь въ другую, бумажки въ третью и нѣсколько золота въ четвертую. Изъ всей этой добычи золото, бумажки и серебро поступили въ его распоряженіе, а мѣдь благополучно возвратилась въ кружку, какъ металлъ слишкомъ ничтожный для вознагражденія за опасности...

Вдругъ въ острогѣ поднялась тревога. Ближній къ церкви часовой замѣтилъ въ ней передвигавшійся съ мѣста на мѣсто огонь и далъ знакъ къ тревогѣ. Казалось бы, гибель смѣльчака была неизбѣжна. Но Путиловъ давно уже оградилъ свою безопасность и, съ перваго же шага своего въ церковь, сообразилъ обстоятельства дѣла, поторопился приставить къ паникадилу найденную въ церкви лѣстницу, употреблявшуюся обыкновенно для зажиганія сего паникадила въ большіе праздники. При первомъ же шумѣ заслышанной имъ тревоги, онъ приперъ покрѣпче дверь церкви извнутри, потушилъ свой огарокъ и, мигомъ вскочивъ по лѣстницѣ на паникадило, оттолкнулъ лѣстницу на полъ и затѣмъ по цѣпи, на которой висѣло паникадило, бойко взобрался въ куполъ церковный. Пока съ трудомъ отворили двери церковныя и пока, отыскивая съ фонарями и факелами вора въ церкви, лазили подъ престолъ, жертвенникъ и даже трубы печныя, Путиловъ вылѣзъ чрезъ люкъ купола на крышу и по водосточной трубѣ благополучно и невредимо спустился на землю, а чрезъ полчаса былъ уже далеко отъ острога.

IV.

Сибирь.

Широки и глубоки рѣки Сибири, тѣнисты могучіе лѣса ея! Много чудеснаго наслышался Путиловъ о ея диковинкахъ: о горахъ, упирающихся въ облака, о множествѣ птицы, которая такъ жирна, что ее ловятъ рукавицами, о золотой и серебряной рудѣ, которую черпаютъ черпаками изъ земли… и т. п. Заманчивою показалась эта даль Путилову, и онъ рѣшился побывать въ отдаленныхъ сибирскихъ губерніяхъ. Одѣвшись зажиточнымъ человѣкомъ, повѣреннымъ по дѣламъ богатаго купца, онъ съ однимъ плотовщикомъ, сплавлявшимъ плоты свои до Саратова, въ качествѣ компаніона дорожнаго — на половинныхъ расходахъ — лихо отправился на почтовыхъ въ Сибирь. Въ подорожной купца значилось: „съ будущимъ“, и вотъ подъ именемъ этого-то „будущаго“ Путиловъ преспокойно, безъ всякаго предъявленія письменныхъ видовъ, доѣхалъ до обѣтованной земли. Дорогою, своими небывалыми разсказами объ успѣшности торговыхъ операцій, онъ поселилъ въ купцѣ большое уваженіе къ своей особѣ, такъ что тотъ, развѣся уши, удивлялся только его уму.

— Я въ Сибирь, говорилъ Путиловъ, — ѣду по нѣкоторымъ важнымъ оборотамъ одного богатаго саратовскаго купца, и со временемъ мы обдѣлаемъ съ нимъ милліонное дѣльце.

— Въ чемъ же это дѣльце-то? нельзя ли сказать? приставалъ купецъ, разглаживая свою большую, чуть не до пояса, бороду.

— Это держится пока въ большомъ секретѣ. Потому, дѣло торговое, ты самъ смекай. Могутъ отбить, предупредить, подставить какъ нибудь ногу!

— Понимаемъ. Эвто истинная рѣчь. Дѣло знаемое!

— Да, а дѣльце должно удасться.

Дорогою Путиловъ въ подробности распросилъ купца о Сибири, о людяхъ тамъ живущихъ, т. е. какой тамъ больше народъ: простой или плутоватый, какъ подмосковный?

— Оченно простой, отвѣчалъ купецъ. Люди дѣла на слово дѣлаютъ. У насъ съ бумагами и слышать не хотятъ возиться. Такъ ужъ, значитъ, заведено искони.

— Да эдакихъ я больше люблю, говорилъ Путиловъ. Душа, значитъ, какъ есть видна, на распашку.

— Именно.

Стало быть жить будетъ можно, соображалъ Путиловъ и намоталъ всѣ разсказы простодушнаго сибиряка на усъ.

И дѣйствительно, прибывшии въ Сибирь, онъ долго и свободно гулятъ по этой землѣ, перебывалъ во многихъ городахъ, пересмотрѣлъ много людей и, наконецъ, на Ирбитской ярмаркѣ, распахнувшись чисто по сибирски, спустилъ всѣ деньги, которыя добывалъ разными путями… Туда, сюда: пытался перехватить, — не даютъ, надуть — не поддаются. Народъ все прощалыга: изъ Москвы, Петербурга, Нижняго-Новгорода. Сами смотрятъ въ карманъ другому.

Дрянь народишко на этой ярмаркѣ! думалъ Путиловъ. Это дѣло хоть совсѣмъ наплевать выходитъ. Надобно подумать.

И вотъ одинъ вечеръ онъ подкараулилъ мѣнялу, возвращавшагося въ сумерки съ мѣшкомъ денегъ домой.

— Эка, подумаешь, своя-то ноша какъ не тяжела! заговорилъ онъ съ купцомъ. Много добра, значитъ, не надоѣстъ?

— Чаво ты, любезнѣйшій, примазываешься ко мнѣ? заговорилъ мѣняла.

— Да я такъ, значитъ, самъ съ собой разсуждаю. На языкъ вѣдь пошлины нѣтъ.

— Не о чемъ разсуждать-то.

— Какъ не о чемъ? человѣкъ разумомъ одаренъ, на что же онъ ему и данъ, какъ не разсуждать?

Купецъ поворотилъ въ переулокъ, Путиловъ за нимъ.

— Вздорные люди, которымъ нечего дѣлать, тѣ разсуждаютъ только, нехотя процѣдилъ мѣняла и отвернулся. Отъ того они ничего и не имѣютъ!

— Не богатъ да славенъ, тотъ же баринъ.

— Чаво?

— Отъ совы не родятся соколы.

— Ну такъ что-жъ?

— Да ничего; а кто не разсуждаетъ, такъ тотъ развѣ богаче бываетъ?

— Вещь понятная! дѣломъ занятъ, благосостояніе свое созидаетъ.

— Ну, братъ, стоячая вода и плѣснѣетъ. А вотъ у кольца, такъ нѣтъ конца. Кругло, поищешь не доберешься ничего.

— Ну что-жъ?

И мѣняла взглянулъ на Путилова во всю ширину своихъ глазъ.

Путилову того только и хотѣлось. Онъ мгновенно всадилъ въ нихъ цѣлую горсть припасеннаго табаку. Купчина ухватился за глаза и разинулъ было ротъ, кричать, но Путиловъ всадилъ ему новую горсть табаку въ ротъ, и тотъ только заблеялъ, какъ овца.

— Что, братъ? познай, что счастіе и несчастіе на одномъ конѣ ѣздятъ! проговорилъ Путиловъ и былъ таковъ съ мѣшкомъ денегъ, брошенныхъ мѣнялою наземь.

Скоро однако ему не посчастливилось, и онъ попался въ острогъ.

V.

Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

Путиловъ порядочно таки соскучился бродяжничать и, прибывъ на новое мѣсто жительства, рѣшился отдохнуть немного. И вотъ онъ въ острогѣ спитъ по цѣлымъ суткамъ, и никто его не тревожитъ.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, и Путиловъ отдохнулъ; пора было собираться въ путь. Передъ глазами его постоянно шагалъ вооруженный часовой. Въ дверяхъ камеры арестантской было небольшое отверстіе съ маленькой рѣшоткой, чрезъ которое часовые обыкновенно наблюдаютъ за арестантами. Путиловъ распѣвалъ раскольничьи каноны, изображая изъ себя святаго человѣка—

Прекрасная темница
Любезная моя дружница!
Пришелъ я тебя соглядати
Потщися мя воспріяти
И буди ми яко мати,
Со усердіемъ тебя желаю,
Прелестнаго міра отбѣгаю!

Затѣмъ не разъ мучилъ часоваго, совершая въ виду его разныя чудеса. То, напримѣръ, закуритъ папироску, Богъ знаетъ откуда доставши для этого табаку, то, будто, зарѣжется ножомъ, неизвѣстно откуда взятымъ, и упадетъ на полъ за-мертво и потомъ снова воскреснетъ... и т. п. Часовой то и дѣло безуспѣшно докладывалъ объ этомъ по начальству и наконецъ усталъ отъ безсильныхъ попытокъ. Да и немудрено! Система прятанія вещей преступниками въ камерахъ острожныхъ до того утончена, что для того, чтобы противодѣйствовать ей вполнѣ, нужно посидѣть для этого нарочито лѣтъ пять въ острогѣ и изучить эту грамоту такъ, какъ изучилъ ее Путиловъ... Наконецъ часовой, смѣнившійся съ караула, разсказалъ исторію дѣяній Путилова товарищамъ своимъ въ такомъ диковинномъ видѣ, что тѣ только рты разинули; разумѣется не забылъ напуганный и преувеличить все въ пятеро, такъ какъ у страха глаза велики. Кстати же часовой былъ и новичекъ.

Путиловъ этого добивался. Разсчетъ его былъ очень вѣренъ. На новой смѣнѣ явился новый часовой, котораго нужно было также проучить, чтобы и онъ не помѣшалъ дѣлать проломъ. На этотъ разъ часовой былъ не изъ молодыхъ, и когда Путиловъ сталъ рѣзаться ножемъ въ виду его, то онъ и не шелохнулся съ мѣста.

— Вотъ что! подумалъ Путиловъ. Да ты, братъ, изъ травленыхъ. Погоди же!

Вынувъ изъ-за ремней кандаловъ пороховницу, онъ насыпалъ кучку пороху на полъ и зажегъ. Трескъ, мгновенное сильное пламя и густой, наполнившій камеру дымъ, заставили дрогнуть часоваго.

— Горимъ, горимъ! вскричалъ Путиловъ, и оторопѣлый часовой бросился докладывать дежурному офицеру.

Пришли, обыскали; въ острогѣ не было и признаковъ пожара. Путиловъ, сложивъ на грудь крестообразно руки, умиленно и со смиреніемъ распѣвалъ:

Ты тюрьма моя родимая,
Помилѣй отца и матери!
Вы дозорцы люди добрые
Помилѣй мнѣ красна золота
Подороже крупна жемчугу!
Вы залетныя мелки пташечки
Погребите мои косточки
На чужой дальней сторонушкѣ...

Обыскавшіе пожали плечами и удалились, учинивъ выговоръ караульному... Дозорецъ, наслышавшись о святой силѣ арестанта, положилъ, наконецъ, что онъ можетъ творить всякія чудеса... Потому порѣшилъ онъ, что бы ни дѣлалъ святой арестантъ, лучше не обращать ни на что вниманія. Вслѣдствіе этого стражъ началъ солидно расхаживать взадъ и впередъ предъ камерою Путилова и, съ чувствомъ разгадавшаго тайну, равнодушно посматривалъ на его работу, приближавшуюся къ концу съ помощію ножа. Путилову того

только и хотѣлось! Кончивъ въ полночь работу свою и изрѣзавъ въ ленты матрацъ, онъ спустилъ изъ пролома сдѣланную изъ матраца веревку, конецъ которой прикрѣпилъ къ ножкѣ кровати.

— Прощай, братъ, обратился тогда святой человѣкъ къ часовому.

— Прощай, проговорилъ часовой, смекая про себя: чудеса творитъ для близиру...

— Не поминай меня лихомъ, если тебѣ немного поколотятъ за меня спину.

— Ладно! отвѣтилъ часовой.

— Когда я уйду отсюда, такъ ты, братъ, не сказывай скоро начальству объ этомъ, а то я не успѣю убѣжать подальше отъ острога.

— Ладно! говорилъ часовой. — Зачѣмъ сказывать?

— Не хотѣлось бы тебя вводить въ непріятность, да что дѣлать? Такъ пришлось.

— Какая непріятность! ничего.

— Ну все-таки неловко, когда эдакъ достанется на кашу.

— Пустяки. Не стоитъ и вниманія!

— А коль пустяки, такъ и калякать нечего.

И Путиловъ сталъ собираться въ дорогу. Часовой равнодушно смотрѣлъ на сборы.

— Ты не слышалъ: какой билъ часъ?

— Недавно било двѣнадцать.

— Ну, пора, значитъ, — самое время. Какъ ты думаешь?

— Да, время, улыбнувшись отвѣтилъ часовой.

— На память я дарю тебѣ мое черное бѣлье. Съ собой не стоитъ брать: и тяжело, и не за чѣмъ. Добуду другое.

— Спасибо.

— Я вотъ кладу его подъ кровать.

— Много благодаренъ за распол

— Больше бы, рабъ Божій, подар

бу, да нѣтъ теперь ничего. Когда будетъ случай, можетъ быть и отплачу.

— Ладно! сдѣлаемся.

— Ну, я лѣзу, говорилъ Путиловъ, спустивъ уже ноги чрезъ проломъ наружу.

— Лѣзь!

— Ты стрѣлять въ меня не будешь?

— Зачѣмъ стрѣлять!

— Ну, спасибо, братецъ.

— Не на чѣмъ!

— Такъ до свиданья?

— Съ Богомъ!

Путиловъ благополучно, въ виду часоваго, спустился чрезъ проломъ на землю, а проводившій его глазами опытный стражъ продолжалъ мѣрно расхаживать предъ пустой камерой...

VI.

Турки.

Въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ живутъ по преимуществу раскольники-купцы. Странники, проживалки, бродяги-богомольцы, странствующіе раскольничьи монахи постоянно проживаютъ въ этомъ городѣ, и всегда на счетъ простоты купечества... Случилось сюда завернуть и Путилову. Онъ давно по разсказамъ наслышался объ этой чертѣ жителей мирнаго, глухаго города — и приготовился воспользоваться ею.

— Тутъ и думать нечего! говорилъ онъ. Самъ звѣрь на ловца бѣжитъ.

И онъ изловчился.

Вечернее солнце собиралось спрятаться за горы. На золотыхъ крестахъ церквей догорали красные лучи

заходящаго солнца. Купеческое семейство въ саду, подъ тѣнію липъ, пило чай и закусывало печеными кулебяками домашняго приготовленія. Раскольникъ-странствующій разсказывалъ о патріархѣ Никонѣ, объ Алексѣѣ Михайловичѣ и кстати о нападеніи на Іерусалимскіе монастыри турокъ. То былъ Путиловъ. Онъ уже три дня живетъ въ этомъ домѣ, ѣстъ, пьетъ даромъ въ волю и кромѣ того по цѣлымъ днямъ бродилъ по городу, сбирая съ кружкою рубли на раскольничьи часовни въ предѣлахъ Турціи... Собственно говоря, эти мелкіе сборы для него вздоръ, но ему хотѣлось видѣть людей, посмотрѣть хорошенько городъ, побывать въ семействахъ, присмотрѣться поближе къ нравамъ и обычаямъ, попробовать людей и послушать ихъ рѣчь великомудрую...

— Такъ ты говоришь, честной отецъ, спрашивалъ купецъ хозяинъ, что нехристи-турки курятъ трубки въ Іерусалимскомъ храмѣ Господнемъ?

— Курятъ.

— И ходятъ въ шапкахъ?

— И въ шапкахъ ходятъ! Но это бы еще ничего, а то и на лошадяхъ ѣздятъ въ храмахъ.

— Ужели на лошадяхъ? И испугъ, смѣшанный съ удивленіемъ, изобразился на лицахъ слушающихъ.

— На лошадяхъ!... Лошади у нихъ эдакія маленькія, арабскія. Въѣдетъ турокъ на ней верхомъ въ церкву во время богослуженія и собираетъ съ каждаго молящагося по рублю сер., а съ монашествующихъ по два.

— Скажите!

— А то, говоритъ, сейчасъ богослуженіе прекращу и церковь запру.

— Экое удивленіе!

— Вотъ монахи ужъ и расплачиваются за молящихся, потому что гдѣ же взять иному бѣдному богомольцу или христіанскому крестьянину рубль сер.?

— Вотъ нехристи! И отчего это ихъ не побѣдятъ?

— Богу такъ угодно. Имъ бы тогда нечѣмъ было жить, и они бы съ голоду померли, какъ мухи. Страны ихъ одинъ камень: ни сѣять, ни жать; а во вторыхъ для доброхотныхъ подателей въ Россіи не было бы мѣста благочестію, не на что бы было жертвовать и душу свою спасать...

— Точно, — и то правда!

— Не было бы и монашествующимъ дороги по Россіи собирать выкупъ отъ турокъ.

— Точно и это!

Въ полночь того же дня Путиловъ, давно ознакомившійся уже съ расположеніемъ дома, приперъ комнаты, гдѣ спали семейные, внутренними замками и забрался въ кабинетъ купца. Кованный сундучекъ, въ которомъ заключалась вся казна хозяина, стоялъ у изголовья его кровати. Приготовленнымъ напередъ топоромъ Путиловъ взломалъ сундучекъ, выбиралъ деньги.

— Что ты, что ты дѣлаешь, честной отецъ, вскричалъ купецъ поднимаясь съ постели?

— Это на турокъ! отозвался Путиловъ.

— Всѣ деньги-то?

— Да вѣдь и ихъ много, — не одинъ!... Съ этими словами онъ засунулъ въ ротъ купцу большой платокъ, завязалъ руки назадъ приготовленною веревкою и привязалъ его къ кровати ногами. Затѣмъ, въ виду его переодѣлся въ купеческое платье, а свое повѣсилъ на гвоздь, на которомъ висѣлъ хозяйскій нарядъ, и благополучно выбылъ изъ дома, самъ себѣ отворивъ всѣ внутренніе выходы.

До утра пролежалъ купецъ на полу, и когда, наконецъ, все открылось, Путиловъ далеко ужъ былъ въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ городъ, а скоро на деньги купеческія безбѣдно ѣхалъ по дорогѣ въ Костромскую губернію къ „бѣгунамъ“, откуда намѣревался быть и въ Нижегородской губерніи, — колыбели раскольничьей...

VII.

Чудо.

На этотъ разъ Путилову однако недолго пришлось быть на свободѣ. Обобравъ смиренно въ лѣсу ѣхавшаго на ярмарку купца, онъ попался въ плѣнъ крестьянамъ, успѣвшимъ окружить лѣсъ, и тѣ представили его въ мѣстный уѣздный острогъ. Отсюда, по ветхости острога, назначено было отправить. Путилова, какъ извѣстнаго уже въ этой мѣстности преступника, въ губернскій острогъ подъ строжайшимъ карауломъ. Наряжены офицеръ и два солдата для его проводовъ. Путиловъ не дремалъ. Занявъ у товарищей острожныхъ пять руб. сер., онъ начертилъ давно извѣстный ему ходячій въ острогахъ рецептъ въ аптеку объ отпускѣ мышьяку и подписалъ его подъ руку мѣстнаго доктора. Почеркъ руки этого доктора онъ обнялъ съ аптекарскихъ сигнатурокъ, уносимыхъ обыкновенно арестантами изъ острожныхъ лазаретовъ, въ которыхъ они лечатся. Жидъ-факторъ, исправлявшій за посильную плату всякія комиссіи острожныхъ, досталъ ему изъ аптеки по этому рецепту мышьяку и получилъ за это въ награду четыре рубля.

На дворѣ іюльскіе жары. Этапная подвода медленно тащится по столбовой дорогѣ. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Раскаленная солнцемъ дорожная пыль стоитъ столбомъ надъ дорогою и докучливо лѣзетъ въ ротъ и носъ путникамъ. Конвойные, шедшіе съ Путиловымъ позади офицерской подводы, то и дѣло останавливались черпать въ солдатскую жестяную фляжку воду, чтобы утолить жажду. Приближались къ извѣстному холод-

ному роднику, о которомъ конвойные еще за пять верстъ заговорили съ нетерпѣніемъ. Путиловъ хвалилъ родникъ и говорилъ, что знаетъ его хорошо, такъ какъ въ немъ была икона, причемъ совѣтовалъ конвойнымъ не пить дрянной теплой воды, встрѣчаемой по дорогамъ, и дождаться родниковой.

Жажда конвойныхъ растетъ. Офицеръ тоже попросилъ пить; кучеръ давно уже томился жаждою. Конвойные, со словъ Путилова, рекомендовали подождать родника. Офицеръ и кучеръ согласились.

— И чудная только вода въ этомъ родникѣ, говорилъ Путиловъ конвойнымъ, — чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется и здравъ бываешь.

— Будто?

— Ей Богу! Я слышалъ, что трижды въ годъ приходитъ къ нему изъ церкви икона и плаваетъ долго, долго...

Господи помилуй!
Господи помилуй!

— Ужели?

— Право. Но вотъ что чудно! Послѣ каждаго ея плаванія въ родникѣ вода дѣлается соленою.

— Что?

— Да. И что еще чуднѣе: почерпнутая въ чашку вода растетъ.

— Ужели растетъ?

— Такъ-таки и растетъ. А все Богъ, все Богъ! Вотъ, примѣрно, дай я покажу тебѣ на фляжкѣ, какъ она растетъ.

Конвойный подалъ Путилову фляжку, прикрѣпляемую обыкновенно къ ремню.

— Вотъ ты, напримѣръ, зачерпнешь въ нее воды на два пальца не до краевъ. Посмотришь, черезъ пять минутъ вода вырастаетъ до верху.

— Неужто?

— А вотъ самъ увидишь.

При этихъ словахъ Путиловъ всыпалъ ловко мышьякъ въ фляжку и, закупоривъ крышкою, возвратилъ ее по принадлежности.

Наконецъ путники у родника, гдѣ рѣшились сдѣлать небольшой отдыхъ. Конвойный зачерпнулъ въ фляжку воды на два пальца не до краевъ. Путиловъ совѣтовалъ подождать минутъ пять, чтобы видѣть, какъ будетъ расти вода. Жаждущіе ждали, вода не поднималась, но мышьякъ растворялся. Путиловъ говорилъ, что вѣрно конвойный позабылъ перекреститься, когда черпалъ воду.

— Не перекрестился вѣдь?

— Нѣтъ.

— Ну, отъ того и не растетъ. Господи помилуй! Господи помилуй!

Рѣшился однако выпить фляжку и потомъ произвести новый опытъ надъ водою.

— Дрянь какая-то! говорилъ кучеръ, вытягивая жадно третью крышку отъ фляжки, которою разливалась вода.

Конвойные повторили слышанное отъ Путилова о плаваніи иконы въ родникѣ и рѣшили, что, вѣрно, недавно она плавала въ немъ.

— Вѣрно недавно! отозвался Путиловъ.

Офицеръ, вытянувъ залпомъ четыре крышки, сквозь зубы процѣдилъ: что за мерзость такая! Путиловъ не пилъ, скромно отзываясь, что подождетъ и напьется послѣ ихъ. Господи помилуй! Господи помилуй!

Мышьякъ подѣйствовалъ скоро, и чрезъ полчаса четыре жертвы безъ чувствъ лежали у ногъ Путилова.

Спроводивъ обезпамятѣвшихъ въ оврагъ и одѣвшись въ офицерское платье, Путиловъ распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и большимъ бариномъ поѣхалъ по дорогѣ, только не столбовой...

VIII.

Старая пѣсня.

Всаднику безъ денегъ продолжать путь было нельзя, и вотъ онъ въ тотъ же вечеръ, пока не огласился его побѣгъ въ этой мѣстности, явился къ жиду Ицкѣ занять злата, написавъ предварительно въ дорожной корчмѣ въ родѣ довѣренности отъ эконома графа Б... къ ростовщику.

Дорожная лошадь, вся въ мылѣ, пришпоренная всадникомъ, бойко подкатила къ жилищу еврея. Жидъ напередъ потиралъ руки отъ удовольствія, завидѣвъ гостя-просителя.

— Здравствуй, честной господинъ! проговорилъ Путиловъ, крѣпко пожимая руки еврея.

Жидъ осклабился.

— Много милости, пане высокоименитый!

— Ты меня, можетъ быть, не знаешь, любезнѣйшій? проговорилъ Путиловъ.

— Не имѣемъ высокаго сцастія! отвѣчалъ жидъ, изгибаясь въ дугу.

— Я новый управитель имѣнія графа Б... Вчера только пріѣхалъ изъ Петербурга. Намъ съ тобою придется жить въ ладахъ. Иногда случится перехватить деньжонокъ. Ты вѣдь, чай, былъ пріятелемъ съ прежнимъ-то управителемъ?

— Оценно хорошій былъ целовѣкъ.

— Мнѣ на первыхъ порахъ встрѣтилась необходимость въ деньгахъ. Нужно переслать графу въ Петербургъ 800 р. с. Надѣюсь, ты, достопочтеннѣйшій, не откажешься ссудить на недѣлю или на двѣ этой суммой? Вотъ довѣренность отъ эконома, а въ деньгахъ и уплатѣ 20 процентовъ съ рубля въ мѣсяцъ я напишу сейчасъ росписку.

Жидъ сіялъ отъ 20 процентовъ и, пробѣжавъ бѣгло довѣренность, дрожащею рукою отсчиталъ 640 р. с., вычтя впередъ и проценты. Путиловъ написалъ росписку въ полученіи 800 р. с. для экономіи и просилъ жида явиться за полученіемъ долга чрезъ мѣсяцъ въ экономическую контору.

— Смѣю узнать вашъ чинъ, высокородный пане? спросилъ жидъ.

— Штабсъ-капитанъ.

— Высокій чинъ, говорилъ жидъ, изгибаясь змѣей.

— Да, ничего.

— А фамилія, смѣю спросить? Не разберу что-то на бумагѣ. Глаза плохи.

И жидъ сталъ протирать свои мѣдныя очки.

— Обдуваловъ.

— А! хорошая фамилія, льстилъ жидъ.

— Ничего себѣ.

— У меня былъ знакомый одинъ Обдуваловъ, когда я торговалъ въ полку въ турецкую войну, — высокаго чина: маіоръ, но тотъ былъ совсѣмъ дурной целовѣкъ.

— Почему же?

— Не отдавалъ деньгу.

— Ну, это не хорошо!.. Хоть онъ и маіоръ, а не хорошо.

— Оценно не хорошо! говорилъ жидъ, видя въ новомъ управляющемъ человѣка строгой нравственности въ отношеніи уплаты...

— Долги надобно непремѣнно уплачивать, особливо честнымъ евреямъ! Русскому можно иногда и не заплатить, потому что тотъ легко ихъ наживаетъ, ну а еврей всегда потомъ и трудомъ наживаетъ копѣйку.

— Большимъ, оценно большимъ трудомъ! говорилъ жидъ, осклабясь и въ умиленіи склонивъ черную и шершавую свою голову на бокъ.

— Я знаю это.

— Нельзя ли, пане именитый, кланялся жидъ, прибавить еще 5 процентовъ на мои денежки. Трудомъ большимъ достались они. Вы такой целовѣкъ хорошій...

— Можно, изволь! отвѣчалъ Путиловъ. — Въ этомъ я не постою. Какъ пріѣдешь за разсчетомъ, я распоряжусь по конторѣ...

— Какой вы хорошій целовѣкъ, высоковельможный пане, говорилъ чуть не ползая у ногъ Путилова жидъ, въ полной увѣренности обирать подобнымъ образомъ почаще новаго управляющаго, такого хорошаго целовѣка...

— Ну, почтеннѣйшій, прощай! какъ тебя?

— Ицко Абрамовичъ.

— Честнѣйшій Ицко Абрамовичъ! Надѣюсь, будемъ друзьями.

— Много милости, вельможный пане!

И жидъ подъ руки вывелъ Путилова изъ своего жилища и посадилъ на лошадь, подставивъ свою спину, вмѣсто стремянъ.

— До свиданія, на томъ свѣтѣ! крикнулъ Путиловъ и, давъ шпоры коню, мигомъ исчезъ изъ глазъ кланявшагося въ догонку жида.

Жидъ не понялъ послѣдней фразы Путилова и, возвратившись въ свою хату, на листкѣ бумажки сталъ высчитывать карандашомъ будущій капиталъ, какой онъ изъ 25 процентовъ съ рубля составитъ въ годъ отъ займовъ новаго управителя, оценно хорошаго целовѣка.

— Кладъ Богъ послалъ, кладъ! мысленно твердилъ жидъ, обращая глаза къ небу и отъ избытка очувствъ потирая руки чуть не до красноты и опухоли...

Въ ту же ночь Путиловъ на первой же станціи взялъ лошадей и направился по тракту на Москву, сказываясь, что онъ провожалъ арестанта въ Кіевъ и теперь возвращается въ Москву. Проѣхавъ одну губернію, онъ измѣнилъ трактъ, загладилъ совершенно

свой слѣдъ и, купивъ на одной ярмаркѣ тройку вороныхъ, съ письменнымъ видомъ офицера и подъ тѣмъ же предлогомъ продолжалъ путь въ Москву, сказывая, что возвращаться послѣ проводовъ арестантской партіи на своихъ лошадяхъ онъ находитъ выгоднѣе и спокойнѣе, чѣмъ на перекладныхъ.

IX.

Въ глуши.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній на песчаной и глинистой почвѣ стояло небольшое село. Новыя затѣи новаго вѣка въ него не проникали. Люди жили больше по старинѣ: собирали лѣтомъ рябину и грибы, а зимою мирно лежали на печи и сосали лапу. Барскій домъ съ старою полинялою крышею и покосившимися заборами смотрѣлъ на свѣтъ Божій какимъ-то инвалидомъ и заросталъ мхомъ. Владѣтельница его, вдова Перепетуя Ивановна, очень любила рябиновку и хорошо солила грибы. Румяная и дородная дочка ея, Полина, съ каждымъ годомъ перешивала платья и полэла, что называется, врозь. Съ каждымъ колокольчикомъ проѣзжаго ожидала себѣ жениха, но жениховъ не находилось. Странные и сладкіе сны ей снились постоянно: будто она ужъ замужъ вышла, будто не одна ужъ спитъ.... будто... но проснувшись она встрѣчалась съ дѣйствительностію, — одиночествомъ и сильно томилась тоскою... Когда Путилову случилось проѣзжать чрезъ это село, то Полина горничную послала узнать, кто, дескать, проѣзжаетъ. Путиловъ смекнулъ дѣло и, пока отдыхали лошади, отправился познакомиться съ интересной дочкой, посылающей справляться о проѣзжающихъ офицерахъ... Его приняли, закормили, оставили ночевать, уговорили погостить, и чрезъ

недѣлю онъ уже собиралъ рябину въ лѣсу съ Полиною въ качествѣ жениха. Люди показались ему черезъ-чуръ просты, и онъ рѣшился воспользоваться ихъ простотою, тѣмъ болѣе, что и деньжонки у него уже повывелись.

— И какъ это вамъ вдругъ приглянулась моя Полина? говорила Перепетуя Ивановна, сидя съ Путиловымъ за круглымъ столикомъ въ полинялой гостиной и потягивая съ нимъ рябиновку.

— Былъ бы хлѣбъ, отвѣчалъ съ ловкостію военнаго рубаки Путиловъ, — а зубы сыщутся; были бы зерна, а мыши набѣгутъ! Ваша дочка — королева писаная.

— И! что вы!

— А къ милому и семь верстъ не околица,

— Ужъ подлинно странно. Вругъ ѣхали мимо и влюбились...

— Любовь не пожаръ, загорится не потушишь. Да и то сказать: глупый ищетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

— Правда, правда, батюшка! Полина у меня умница, только вотъ не очень богата.

— Что богатство! Богатство безъ ума, что скорлупа безъ ядра. У меня свой домъ въ Москвѣ есть. А мнѣ человѣка нужно. Съ немилымъ свяжешься бѣда, — вѣкъ не развяжешься. А по моему лучше воду пить въ радости, чѣмъ медъ въ кручинѣ.

— Совершенная правда! Какъ это ты, батюшка мой, все пословицами такъ и сыплешь? Любо дорогу слушать.

— Людей видалъ; много въ жизни испыталъ; служилъ.

— Видно, видно!

А время шло. Поговаривали ужъ о свадьбѣ. Сельскій священникъ не рѣшался однако вѣнчать безъ разрѣшенія начальства и требовалъ бумаги на бракъ.

Тутъ же подвернулся и исправникъ, пріѣхавшій поздравить обрученныхъ, — и поддакнулъ попу.

— Вѣдь приноситъ же чортъ такихъ гостей, подумалъ Путиловъ и, запечатавъ пустой листъ бумаги въ пакетъ, надписалъ: „Въ Москву, генералъ-лейтенанту Остолопову". Кучеръ свезъ пакетъ на почту. Недѣлю или двѣ ждали разрѣшенія и, между тѣмъ, готовились къ свадьбѣ. Въ домѣ мыли, стирали, пекли и варили. Путиловъ гулялъ каждый вечеръ вдвоемъ съ невѣстою въ ближайшемъ лѣсу, собирая съ нею грибки и рябинку.

— Ты не сорвешь вотъ эту кисть рябины, говорила Полина, — и не подашь мнѣ!

— Анъ сорву и подамъ.

И Путиловъ срывалъ кисть рябины и подавалъ Полинѣ.

— А поцѣловать за это можно? обращался онъ съ ловкостію военнаго ловеласа къ невѣстѣ.

— Можно.

И женихъ цѣловалъ невѣсту долго, долго... и прижималъ къ сердцу крѣпко, крѣпко... Прогулки съ каждымъ днемъ учащались и съ каждымъ вечеромъ удлинялись. Перепетуя Ивановна сначала поговаривала было, что долгонько гуляютъ молодые, но потомъ, махнувъ рукой, подумала про себя: вѣдь скоро будутъ мужъ и жена; все равно, чтобы ни случилось!..

А это — „чтобы ни случилось" — какъ разъ и случилось. Въ одинъ вечеръ гуляющіе возвратились слишкомъ ужъ поздно, и невѣста цѣлый день потомъ не встала съ постели, отзываясь головною болью... Маменька, понавѣдавшись у дочки, хотѣла было поворчать, но подумала: вѣдь свои почти!.. Рано ли, поздно ли, все равно вѣдь нужно!..

Путиловъ намоталъ на усъ эти обстоятельства дѣла.

Ночь въ началѣ августа 1848 года. Въ деревнѣ тихо, въ домѣ барскомъ еще тише. Перепетуя Ивановна

спитъ въ своей спальнѣ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ послѣ рябиновки, которою Путиловъ угощалъ ее вечеромъ съ особеннымъ стараніемъ. Когда послѣ сильныхъ волненій и долгаго раздумья о предстоящей свадьбѣ, заснула наконецъ и Полина крѣпкимъ сномъ, Путиловъ поднялся, ушелъ изъ спальни и, забравшись въ кабинетъ (родъ кладовой), гдѣ, какъ по предварительнымъ распросамъ онъ узналъ, хранились деньги и вещи, выбралъ все, что счелъ нужнымъ: и небольшіе бриллiанты невѣсты, изъ рода въ родъ переходившіе по наслѣдству, и деньги до 2,000 руб. сер. Затѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ на лучшую изъ вороныхъ лошадей и выѣхалъ благополучно изъ села. Къ утру онъ былъ далеко отъ рябиновки и грибовъ, а чрезъ нѣсколько времени, подъ именемъ купца, на прогонной тройкѣ, уѣхалъ уже на ярмарку въ Нижній. Въ домѣ Перепетуи Ивановны, по отъѣздѣ Путилова, утромъ горничныя долго шушукались, завидѣвъ въ полурастворенную дверь спальни офицерское платье, сложенное на стулѣ передъ кроватью барышни... Далеко за полдень, а барышня все еще не вставала. Перепетуя Ивановна, услышавъ отъ кучера, оставленнаго Путиловымъ, что одной лошади нѣтъ въ конюшнѣ, рѣшила, что женихъ, вѣроятно, уѣхалъ кататься. Стали накрывать на столъ къ обѣду.

— Воры! воры! батюшки мои, разбойники были! кричала Перепетуя Ивановна, увидѣвъ наконецъ разбитые сундуки и шкатулки. Домъ барскій мгновенно встревожился. Собралась дворня. Разбудили барышню, страшно переконфузившуюся отъ офицерской одежды, лежавшей въ ея спальнѣ и ощупываемой любопытными. На платьѣ нашли записку слѣдующаго содержанія: „былъ антихристъ, число звѣрино 666".

— Батюшки наши! антихристъ былъ женихомъ, завопили въ домѣ. У трусливыхъ волосы стали дыбомъ. Дочка хлопнулась въ обморокъ, а матушка упрашивала дворню не сказывать никому ни о покражѣ, ни объ антихристѣ, а говорить всѣмъ, что свадьба разстроилась сама собою, и жениху отказали потому, что онъ получилъ отказъ отъ своего начальства на женитьбу...

Два года Путиловъ былъ послѣ этого на свободѣ, посѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ раскольниковъ, завертывалъ изъ любопытства къ Рогожцамъ и Преображенцамъ, надѣлалъ порядочно преступленій и, выданный однимъ товарищемъ, былъ взятъ и засаженъ подъ крѣпкій караулъ въ башню острожную.

X.

Досугъ.

Путилову не понравилась двухъ-этажная башня острога. Полъ прорывать было безполезно, потому что подъ нимъ былъ еще этажъ, гдѣ тоже содержались арестанты. Стѣны проломать не было никакой физической возможности, такъ какъ онѣ сложены были изъ огромныхъ толстыхъ глыбъ дикаго камня и туземнаго гранита. Единственное небольшое окно башни съ толстѣйшею рѣшеткою зорко стереглось двумя караульными, стоявшими снаружи башни и всегда, въ добавокъ, съ заряженными ружьями. Дѣло подошло очень крутое; но не затруднило оно Путилова. Не долго думая, наскоблилъ онъ ногтями пальцевъ известки со стѣнъ и растеръ ею ноги до легкихъ ранъ. Известка, посыпаемая потомъ въ эти раны, произвела немедленное гноеніе ногъ; Путиловъ потребовалъ доктора, который, осмотрѣвъ больнаго, донесъ о необходимости лечить арестанта и, обреченный было судьбою на безвыходное положеніе, Путиловъ скоро очутился въ острожномъ госпиталѣ въ особой секретной комнатѣ,

предназначаемой обыкновенно для важныхъ преступниковъ. Осмотрѣвши новое помѣщеніе, Путиловъ не замедлилъ сблизиться съ бывшими въ госпитальной камерѣ двумя преступниками: Шестовымъ и Шульгинымъ, и скоро подговорилъ ихъ сдѣлать подкопъ.

— За все ужъ я берусь, говорилъ онъ, и дѣло будетъ сдѣлано, какъ нельзя лучше!

— Чѣмъ же будемъ рыть-то? возразили новички въ этомъ дѣлѣ.

— Головой, отвѣчалъ Путиловъ.

— Какъ же это головой?

— Да, головой.

— Что ты?

Путиловъ расхохотался.

Затѣмъ, вынувъ гвоздь изъ кандаловъ, онъ поднялъ имъ плиту изъ пола и началъ преисправно рыть.

— Поняли?

— Поняли.

— Ну, такъ за дѣло!

И вотъ заработалъ гвоздь подъ поломъ секретной госпитальной камеры. Плита, поднимавшаяся для работъ, находилась подъ кроватью и ловко, на случай осмотровъ, вставленная въ свое мѣсто, замазывалась известкою, соскабливаемою со стѣнъ и разводимою на слюнѣ.

На дворѣ іюнь 1850 года. Жаркіе лѣтніе дни зноемъ и духотою разслабляли члены людей самыхъ ретивыхъ и дѣлали ихъ лѣнивыми.

Въ острогѣ большая часть преступниковъ, растаявшая отъ жаровъ, спитъ и днемъ, и ночью. Часовые острожные жарятся на солнцѣ въ продолженіе цѣлыхъ 18 часовъ въ сутки и вяло дѣлаютъ на караулъ проходящему начальству. Но не дѣйствуетъ природа физическая на трехъ преступниковъ, неутомимо работающихъ надъ подкопомъ. Путиловъ распоряжался работами съ умѣньемъ большаго знатока дѣла. Спѣшно

рылась земля, выбирался исподъ стѣны и разбирался бутъ острожный. Камни, земля и кирпичи растаскивались и умѣщались аккуратно и съ большой экономіею подъ поломъ въ разныхъ мѣстахъ. Трудъ не прерывался почти ни на минуту и распредѣлился по часамъ на каждаго. Чрезъ пять недѣль досужная работа была окончена. Все готово было къ побѣгу. Наступила послѣдняя ночь на 26 іюля, въ которую трое важныхъ преступниковъ острога должны были сказать послѣднее „прости" своему мѣсту заключенія.—Ровно часъ ночи. Небо заволокло. Въ воздухѣ тихо и вѣтеръ не шелохнетъ. Часовые на караулахъ дремлютъ; заключенные спятъ, только въ городѣ слышны по временамъ перекликанія уличныхъ караульныхъ, звонкое эхо которыхъ далеко переливается въ воздухѣ и тихо замираетъ близъ острога.

— Кому же первому выйдти чрезъ подкопъ? Всѣмъ вмѣстѣ нельзя, говорилъ Путиловъ, имѣвшій при этомъ вопросѣ свои соображенія и планы...

Шестовъ и Шульгинъ, нетерпѣливо предвкушавшіе свободу, въ одинъ голосъ пожелали выйдти первыми. Путиловъ этого и добивался. Онъ очень хорошо зналъ, что при неудачѣ пуля часоваго попадетъ въ лобъ первому, и потому великодушничалъ предъ ними и согласился охотно на ихъ желаніе...

— Ну, а если вы успѣете уйти, а меня задержатъ, и я долженъ буду остаться опять здѣсь. Что тогда?

Шестовъ и Шульгинъ мялись, не зная, что отвѣчать.

— Вѣдь трудъ то былъ раздѣленъ по-ровну на васъ и на меня!

Молчаніе.

— Что сробѣли?

Опять молчаніе.

— Но я не изъ трусовъ, продолжалъ Путиловъ. Останусь здѣсь, такъ съумѣю уйдти.

Шестовъ и Шульгинъ просіяли. Поднялась плита

пола, и Шестовъ съ Шульгинымъ отправились чрезъ подкопъ. Путиловъ наблюдалъ въ окно. Чрезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ часоваго, и пуля положила Шестова на мѣстѣ.

— Аминь! проговорилъ Путиловъ. Шульгину приходилось попасть на штыкъ, и у него съ часовымъ завязалась драка. Для Путилова настало ожидаемое, такъ вѣрно разсчитанное время. Въ одно мгновеніе, спустившись въ подкопъ, онъ воспользовался борьбою часоваго съ Шульгинымъ и съ необыкновенною ловкостію и быстротою проскользнулъ мимо борющейся группы.

Шульгинъ, въ результатѣ борьбы, попалъ наконецъ на штыкъ часоваго, а Путиловъ по трупамъ ихъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ острога, распѣвая раскольничьи стихи:

Вы лѣса, вы кудрявые
Помилѣй мнѣ роду племени,
Вы луга, вы зеленые
Помилѣй мнѣ ярка золота,
Вы раздольица, вы широкія
Помилѣй мнѣ чиста серебра... и проч.

Судьба однако почему-то сдѣлалась немилостива къ Путилову, и чрезъ полгода онъ былъ застигнутъ въ одномъ раскольничьемъ купеческомъ домѣ, гдѣ былъ принятъ и ублажаемъ подъ видомъ странника, собирающаго съ книгою и кружкою на тайные раскольничьи монастыри... Въ пойманномъ узнали прежняго знакомаго и заключили его въ самое крѣпкое мѣсто, какое только сыскалось въ острогѣ, — въ секретную.

XI.

Азбука.

Секретная камера въ острогѣ, куда засадили Путилова, находилась въ самомъ углу криваго корридора,

въ совершенно глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Днемъ темно, ночью безлюдно и скучно. Путилову не понравился этотъ hôtel, и онъ рѣшилъ проститься съ нимъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— Отвели бы хоть попросторнѣе и посвѣтлѣе даровую квартиру-то, думалъ новый гость; по крайней мѣрѣ мѣсяцъ-другой поспалъ бы съ удовольствіемъ на свободѣ, а то чертъ знаетъ что такое, какой-то погребъ,

Итакъ, рѣшено было перемѣнить мѣсто жительства и приступлено къ дѣйствію. Планъ мгновенно созрѣлъ въ головѣ, а исполненіе его зависѣло отъ смѣлости и обстоятельствъ. Начато было съ двери. Отломавъ въ камерѣ плинтусъ отъ пола, Путиловъ вставилъ его между дверью и косякомъ такъ, что успѣлъ оттянуть отъ косяка пробой, въ который былъ вдѣтъ замокъ. Оставивъ этотъ пробой въ косякѣ до удобнаго случая, онъ въ слѣдующій вечеръ вынулъ масло изъ горѣвшаго у него въ камерѣ ночника и вымазалъ имъ петли желѣзной двери на тотъ случай, чтобъ она не вздумала скрипнуть, когда нужно будетъ отворить ее. Затѣмъ онъ вынулъ изъ подъ окна кирпичъ и привязалъ его къ концу полотенца: тѣмъ приготовленія пока и кончились! Настала ночь на 6 января 1861 года. Въ острогѣ все спало крѣпкимъ сномъ. На дворѣ вьюга и морозъ! Вѣтеръ дико завывалъ на просторѣ и лѣпилъ снѣгомъ глаза караульнымъ, стоявшимъ внѣ острога. Занесенные снѣгомъ съ ногъ до головы, часовые стояли, какъ одѣтые въ саванъ мертвецы, укутавшись въ свои бараньи тулупы и закрывши лицо воротниками. Въ полночь Путиловъ всталъ съ постели и началъ собираться. Ярко горѣлъ ночникъ въ его простѣнкѣ и будто силился ему услужить. Путиловъ потушилъ ночникъ и, обратившись къ часовому, просилъ его спуститься внизъ и принести масла. Начало было удачно. Часовой послушался и спустился внизъ, а Путиловъ

между тѣмъ приготовилъ дверь свою и вынулъ изъ нея скобку. Масло подлито; камера заперта, и часовой снова на часахъ.

— А что, любезный братъ, обратился къ нему Путиловъ, — тебя, чай, сонъ клонитъ? поболтаемъ немного. Мнѣ что-то не хочется спать.

— Можно! говоритъ часовой и обратился къ Путилову лицомъ.

— Ты грамотный? продолжалъ Путиловъ.

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Что дѣлать? Не учили.

— А ты бы хотѣлъ учиться?

— Какъ не хотѣть! Да ужъ поздно, притомъ служба.

— Пустяки. Хочешь, я выучу тебя писать?

— Какъ не хотѣть, да мудрено, — не поймешь.

— Вздоръ сущій. Я выучу тебя въ одинъ вечеръ.

— Много благодаренъ буду.

— Бери въ руки уголь и черти на стѣнѣ буквы, а я тебѣ буду подсказывать.

Путиловъ высунулъ въ отверстіе двери уголь, напередъ приготовленный.

— Да какъ же это углемъ-то?

— Самое лучшее и испытанное средство. Уголь очень помогаетъ.

— Часовой взялъ уголь и обратился лицомъ къ противоположной бѣлой оштукатуренной стѣнѣ узкаго острожнаго корридора.

— Ну вотъ пиши колесо, диктовалъ Путиловъ.

— Какъ же это колесо?

— Очень просто: дѣлай кругъ или ободъ колесный, только безъ втулокъ и спицъ.

— Вотъ что! Ладно.

И часовой вывелъ на стѣнѣ кругъ.

— Теперь приставь къ къ колесу шестъ.

— Какъ же это? Такъ-таки шестъ?

— Такъ и пиши шестъ.

— Ладно.

И шестъ къ колесу приставленъ.

— Это вышло теперь буква азъ. Понялъ?

— Какъ не понять! Что-то больно просто.

— Ну вотъ; я говорилъ, что не мудрено! Теперь пиши корыто.

— Какъ же это корыто? Ужель вправду корыто?

— Да, такъ-таки и пиши корыто, а потомъ въ него сядешь да и поѣдешь...

— Что ты?!

— Да, такъ-таки сядешь да и поѣдешь...

И съ этими словами Путиловъ, растворивъ желѣзную дверь своей камеры, смазанную масломъ, со всего размаху завязаннымъ въ край полотенца кирпичемъ ударилъ въ затылокъ своего ученика, и ударъ приложенъ былъ такъ ловко, что тотъ, не вскрикнувъ, какъ снопъ повалился на землю...

— Аминь! сказалъ Путиловъ.

Эхъ антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти!
Хотятъ насъ уловити,
Антихристу покорити.
Вѣру Христову премѣнити...

На-скоро схативъ часоваго съ полу, Путиловъ тотчасъ же перенесъ его въ свою камеру и, ослабивъ свѣтъ въ ночникѣ корридорномъ, уложилъ покойнаго, переодѣтаго въ свое платье, на кровать, на ноги надѣвъ свои кандалы, которые разломалъ пробоемъ двернымъ; самъ же, нарядившись въ его шинель, сапоги и каску, сталъ съ ружьемъ на караулъ близъ своей камеры, которую плотно затворилъ и заперъ задвижкою.

Пробило 3 часа по полуночи. Глухо раздался звонокъ на гауптвахтѣ острожной, возвѣщавшій смѣну часовыхъ. Вѣтеръ по прежнему стучалъ въ переплетен-

ныя рѣшетками окна острога. Путиловъ, ослабивъ свѣтъ ночника въ корридорѣ и надвинувъ каску пониже на глаза, ходилъ на часахъ, спокойно ожидая смѣны. Явился дежурный по карауламъ офицеръ съ партіею солдатъ, разставляемыхъ по постамъ. Путиловъ сдѣлалъ на караулъ.

— Все ли обстоитъ благополучно? окликнулъ офицеръ.

— Въ наилучшемъ видѣ, ваше высокоблагородіе!

— На караулъ! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сдѣлали на караулъ, и одинъ изъ нихъ отдѣлился для занятія поста Путилова.

— Честь и мѣсто, сдача старая! проговорилъ Путиловъ и, сдѣлавъ полуоборотъ, присоединился къ смѣненнымъ съ караула.

— На лѣво кругомъ — маршъ! скомандовалъ офицеръ, и солдаты отправились за нимъ на гауптвахту, а съ ними въ строю пошелъ и Путиловъ.

Вышедши на дворъ, офицеръ скомандовалъ: „по мѣстамъ!"

И солдаты, смѣненные съ карауловъ, отправились въ караулку спать, а Путиловъ, подъ предлогомъ естественной надобности, отправился во всемъ нарядѣ въ отхожія мѣста, изъ коихъ чрезъ яму и выбылъ благополучно изъ острога.

Часовые долго еще потомъ караулили въ секретной камерѣ мертвое тѣло собрата...

По осмотрѣ камеры, въ которой сидѣлъ Путиловъ, нашли на стѣнѣ слѣдующую надпись, сдѣланную гвоздемъ: „выбылъ 1852 года. Генералъ-лейтенантъ Путиловъ и кавалеръ, по раскольническому же имени Бѣгунъ."

XII.

Старость — не младость.

Черезъ 14 лѣтъ послѣ этого, въ одной тюрьмѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ преждевременно посѣдѣвшій человѣкъ и ждалъ приговора въ каторжныя работы безъ срока. Въ лицѣ его всякій могъ прочесть усталость, утомленіе жизнью и явную физическую надорванность... Только глаза по временамъ блестѣли неестественнымъ свѣтомъ и загорались на минуту, какъ раскаленные уголья. Тѣло иногда судорожно оживлялось и готовилось какъ бы въ бой на страшную битву... Но все это тотчасъ же смѣнялось безсиліемъ и затѣмъ покорностію. Часовому не нужно было зорко сторожить свою жертву; желѣзные кандалы не рисковали больше быть разбитыми или разорванными, какъ пеньковая веревка. Силы его оставили, энергія потухла, тѣло разслабло, и преступникъ, зная объ уничтоженіи кнута и плетей, за невозможностію получить свободу, покорно приготовился послѣдніе дни своей жизни провести въ каторгѣ... Спокойно выслушавъ свой приговоръ, онъ зашагалъ по владимiркѣ, звуча однообразно тяжелыми кандалами на ногахъ и рукахъ. То былъ Путиловъ! Преждевременно посѣдѣвшая голова его, опущенная постоянно внизъ, дряблое тѣло и сгорбленный видъ показывали, что въ немъ нѣтъ уже прежней силы, что подвиги его кончились. Покорно взглядывалъ онъ на часовыхъ конвойныхъ, своихъ всегдашнихъ враговъ, и порой взглядъ его блестѣлъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ... Но силы измѣняли Путилову; тѣло не повиновалось ему болѣе.

— Эхъ, кабы молодость! думалъ онъ. А впрочемъ на что она, когда такъ грѣшно предъ Богомъ проведена?...

Этапъ смѣнялся этапомъ, верста верстой, и партія близилась къ Сибири...

V.

ІОАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ

и

ВАРВАРА МУЧЕНИЦА.

I.

Антихристъ.

Въ 1811 году по Воронежской губерніи разнесся слухъ о явленіи Іоанна Крестителя и Варвары мученицы на землѣ... Народъ заговорилъ о кончинѣ міра, о явленіи антихриста. Антихристъ этотъ, какъ извѣстно, не сходитъ съ устъ русскаго человѣка еще съ Алексѣя Михайловича, со времени исправленія церковныхъ книгъ, и патріархъ Никонъ, по словамъ исторіи, былъ первый окрещенъ этимъ именемъ, а затѣмъ антихристомъ провозглашался всякій, кто попадался подъ руку народу въ припадкѣ его озлобленія... Вотъ почему всякій, кому вздумалось бы попугать народъ антихристомъ, могъ всегда разсчитывать на успѣхъ и почетъ прбповѣдника. Положеніе народа нерѣдко предрасполагало его къ воспріятію безъ разбора

всякихъ слуховъ о кончинѣ міра, о пришествіи антихриста, и стоило явиться любому Сидору, или Карпу и сказать, что наступаетъ кончина міра и явился уже антихристъ, какъ народъ повалитъ къ проповѣднику и будетъ слушать его, розиня ротъ...

Предъ началомъ 1812 года, когда умы русскихъ людей были встревожены военными успѣхами французовъ и побѣдами Наполеона I, о кончинѣ міра легко могъ заговорить всякій, кому бы захотѣлось это сдѣлать, или изъ шутки, или по слѣпымъ фанатическимъ религіознымъ убѣжденіяхъ. И вотъ на такой-то почвѣ, подготовленной вдобавокъ страхомъ, порождаемымъ вымышленнымъ разсказомъ о Наполеонѣ I, не замедлили въ самомъ дѣлѣ явиться предвозвѣстниками кончины міра. Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи, въ селѣ Троицкомъ Юртѣ, изъ экономическихъ крестьянъ явился вдругъ Іоаннъ Креститель, значившійся по записямъ раскольникомъ Иваномъ Перфильевымъ, окруженный 6-ю апостолами раскольниками же: Емельяномъ, Андремъ и Аѳанасіемъ Абросимовыми, Иваномъ Кирѣевымъ, Кирѣемъ Костинымъ и отставнымъ солдатомъ Аникіемъ Боярищевымъ, съ 7-мъ персонажемъ, великомученицею Варварою, оказавшеюся, по ревизскимъ записямъ, крестьянскою дѣвкою Варварою.

— Послушайте народъ русскій! заговорилъ Іоаннъ Креститель, — приближается кончина міра, явился антихристъ и грядетъ въ Россію, изъ страны хранцузскія, изъ-за моря Тиверіадскаго, ему же имя Число Звѣрино 666.

— Ты съ неба? спрашивали слѣпотствующіе Іоанна Крестителя.

— Съ седьмаго неба! самъ Саваоѳъ послалъ меня возвѣстить народу объ этомъ. Вотъ и Варвара мученица ниспослана со мной.

— Молись, значитъ, народъ! чего же тутъ смотрѣть, говорили слушатели. Твори крестное знаменіе и обна-

жай главу отъ шапокъ. Шапки дѣйствительно летѣли съ головъ слушателей. Іоаннъ Креститель говорилъ:

— Гремятъ громы; земля обливается кровію, и адъ разверзается. Народъ! твори крестное знаменіе на челѣ твоемъ и молись!

И на Ивана Перфильева, одѣтаго въ разорваный, съ лохмотьями, зипунишко, долженствовавшій изображать рубище, въ которомъ ходилъ Іоаннъ Креститель, замолились...

— Подати, значитъ, платить шабашъ? кончено? приставали съ вопросами къ посланнику неба заинтересованные этою тяжелою повинностію.

— Какія тутъ подати! о небѣ помышляй, о горнемъ разсуждай, отвѣчалъ Іоаннъ Креститель.

Варвара мученица, одѣтая въ сѣрый сарафанъ, кивала при этомъ головою въ знакъ одобренія.

— Молись, значитъ, народъ! заговорили слушавшіе.

— О небѣ помышляй! вторили другіе.

— О горнемъ разсуждай! гудѣли третьи.

— Сборщика податей, значитъ долой? явились голоса.

— Како тутъ! заговорили всѣ единогласно.

— Молись народъ! гудѣла толпа.

— О небѣ помышляй!

— Молись народъ!

— О горнемъ разсуждай!

Сборщикъ податей однако откуда, на бѣду, ни возмися, боясь кончины міра и пропажи податей, сталъ приставать, чтобы народъ расплатился предъ кончиною міра и очистилъ его предъ начальствомъ...

— Не слышишь развѣ, скаредъ, что міръ совсѣмъ кончается? говорили ему о небѣ помышлявшіе. — Экъ Іуда сребролюбецъ!

— Предписанія объ этомъ не имѣю отъ начальства, отвѣтилъ сборщикъ податей.

— Ахъ ты Ѳома маловѣрный, съ предписаніями тутъ лѣзетъ! кричала толпа.

— Бумагъ объ этомъ никакихъ нѣтъ, съ меня самого взыщутъ! твердилъ сборщикъ податей.

— Что?

— Деньги въ подать!...

— За что?

— Не мое дѣло! съ меня самого взыщутъ. Засѣдателю донесу.

— Тузить его, народъ! Скаредъ эдакой...

И сборщика податей избили, оставивъ еле-жива.

— О небѣ, скаредъ, помышляй, а не о податяхъ! приговаривали тузившіе.

— О горнемъ разсуждай! вторили другіе.

Сборщикъ податей, прибитый до безпамятсва, пересталъ кричать.

— Теперь молись народъ! загудѣли всѣ голоса. О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай, вотъ что!..

Сборщикъ податей валялся безъ чувствъ до слѣдующаго дня.

II.

Кончина міра.

На другой день, очнувшись, сборщикъ податей послалъ обо всемъ донесеніе въ земскій судъ, который прислалъ въ село „Троицкій Юртъ" дворянскаго засѣдателя Румынина для производства дознанія.

Румынинъ пріѣхалъ на мѣсто.

— Почему вы податей не платите? спрашивалъ онъ слушателей Іоанна Крестителя.

— Незачѣмъ! міръ кончается, отвѣчалъ народъ.

— Что-о-о?

— Міръ кончается! отвѣчали всѣ единогласно.

— Это что за исторія?

— Ужъ это вѣрно! На тотъ свѣтъ съ собой ничего не повезешь...

— Кто вамъ навралъ объ этомъ?

— Вѣсти принесены съ седьмаго неба.

— Да кѣмъ же?

— Вотъ самъ Іоаннъ Креститель прибылъ и Варвара мученица съ нимъ.

— Ахъ вы дурачье! кричалъ засѣдатель.

— Тише! Скинь прежде шапку-то и преклонись.

— К-а-к-ъ?

— Шапку долой, бусурманъ! святые предъ тобою.

Засѣдатель при такомъ оборотѣ дѣла чувствуетъ себя неловко; онъ же прибылъ безъ стражи, съ пустыми руками. Перспектива повторенія исторіи съ сборщикомъ податей стала рисоваться предъ нимъ во очію...

— Образумьтеся! сталъ увѣщевать Румынинъ, спустивши тонъ рѣчи.

— Самъ образумься!...

— Я донесу начальству высшему, и вамъ будетъ худо.

— Ч-т-о-о?

— Губернатору донесу...

— Нечего теперь бояться вашего брата! Міру наступаетъ конецъ, идетъ антихристъ. Подати всякія „шабашъ!" Понялъ?

При этихъ словахъ Іоаннъ Креститель выступаетъ впередъ и проповѣдуетъ народу кончину міра; Варвара мученица киваетъ въ тактъ головою, а 6 апостоловъ стоятъ, розиня ротъ, и хлопаютъ глазами.

— Вы кто такіе? спрашиваетъ послѣднихъ засѣдатель.

— Мы?

— Да, вы?

— Мы апостолы!

— Какъ апостолы? Ужели съ неба?

— Нѣтъ, здѣшніе обыватели!...

Хохотъ... Толпа этимъ обижается и наступаетъ на засѣдателя.

— Тузить его! послышались голоса.

— Тузить!... Чтобъ о небѣ помышлялъ! — Чтобъ о горнемъ разсуждалъ.

Засѣдатель едва ускользаетъ изъ толпы и скачетъ въ городъ съ донесеніемъ обо всемъ земскому суду.

III.

Гдѣ много воды, тутъ и черпаютъ.

Пріѣзжаетъ, наконецъ и весь земскій судъ въ село „Троицкій Юртъ" съ засѣдателями, стряпчимъ, понятыми и небольшимъ числомъ стражи.

Народъ заволновался больше.

Судъ выразилъ желаніе видѣть лично Іоанна Крестителя, апостоловъ его и Варвару мученицу. Посланному отвѣчали, что наступаетъ конецъ міра; скоро будетъ свѣту-преставленіе... и потому такія церемоніи неумѣстны теперь; неугодно ли, дескать, будетъ самому суду пожаловать къ Іоанну Крестителю и его избранному стаду.

Судъ уступаетъ и отправляется къ дому Абросимова.

Іоаннъ Креститель, съ растрепанными волосами, въ дырявомъ одѣяніи, окруженный апостолами, Варварою мученицею, повязанною пестрымъ платкомъ, и новоизбраннымъ стадомъ своимъ, запершись во дворѣ Абросимова, не заблагоразсудилъ однако-же впустить къ себѣ судъ и проповѣдуетъ народу обычную свою проповѣдь: „и родися сей нечестивецъ (т. е. Наполеонъ I) отъ колѣна Данова, отъ дѣвки жидовки чрезъ римскихъ папъ, Лютера и Никона и нарицается Титинъ преисподній, злонаставникъ невидимый, Четверопонта сынъ, имя разныхъ тиранъ, по еллински Аввадонъ,

по еврейски Наполіонъ, по гречески Бонапартъ и по словенски антихристъ...“

Толпа: охо, хо, хо!

„И воздвигъ сей Наполіонъ ужасное кровопролитіе, и никакія силы одолѣти его не могутъ. Только догонятъ его воины Моисеевы-казаки и ратники брадаты со крестами... (вѣроятно русскіе ополченцы). И будетъ онъ короноваться въ Парижѣ, гдѣ и возсядетъ на высочайшемъ престолѣ о 24 ступени подъ великимъ балдахиномъ. Папа же римскій, угождая врагу Божію, поредастъ ему свою власть и будетъ получать жалованья отъ антихриста 666,000 руб. Ту и послѣдуетъ кончина міра!“

— Отоприте! требовалъ судъ.

Собраніе запѣло пѣсни загробныя:

Антихристовы дѣти
Простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ насъ уловити,
Антихристу покорити!
Душе моя умилися
Уныла укрѣпися.... и проч,

— Отоприте, или будетъ употреблена сила! повторяетъ судъ свое требованіе.

Пѣніе усиливается.

— Отоприте же!

Пѣніе: Душе моя, душе моя
Возстане, что спиши?
Конецъ приближается,
Имаши смутитися
Возстани убо...

— Будетъ худо, если не отопрете! увѣщеваетъ судъ.

Понятые приступали къ напору въ ворота. Собраніе мгновенно перешло въ новый тонъ и велегласно запѣло:

Христосъ воскрсее изъ мертвыхъ!

Понятые: Отоприте, мы сломаемъ двери!

Голоса: Христосъ воскресе!

— Ломаемъ.

Голоса: Христосъ воскресе!

Двери дѣйствительно стали ломаться.

Вдругъ собраніе умолкло; ворота съ шумомъ отворились, и стадо Іоанна Крестителя съ пиками, топорами и косами бросается на судъ, на понятыхъ, на стражу, на православную публику, сшедшуюся посмотрѣть на зрѣлище; и началась свалка. Судъ, стража и понятые, уступая силѣ наконецъ разбѣжались. Апостолъ Андрей Абросимовъ убиваетъ при этомъ до смерти понятаго изъ экономическихъ крестьянъ, Ларіона Голякова. Нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей успѣли однако схватить послѣ нѣкоторыхъ усилій убійцу и отвезли въ слободу „Красную“, куда скрылся и разогнанный судъ. Стадо Іоанна Крестителя не унялось и устремилось за судомъ въ погоню, силясь по дорогѣ отбить схваченнаго апостола, убійцу Голякова.

— Стремись стадо мое! взывалъ Іоаннъ Креститель. Насталъ конецъ міру, пришелъ на землю антихристъ. Сотвори брань велію.

— О небѣ помышляй! шумитъ стадо его.

— О горнемъ разсуждай!

Новоизбранное стадо Іоанна Крестителя отбиваетъ наконецъ въ погонѣ зерцало судейское, красное сукно (вещи эти въ то время возились судомъ съ собою на мѣсто засѣданій) и изрубаетъ все это топорами и косами на мелкіе куски.

Молись народъ! говорилъ апостолъ, міръ преставляется.

Голоса: — О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай!

IV.

Тюрьма.

По минованіи катастрофы, земскій судъ немедленно донесъ обо всемъ этомъ происшествіи рапортомъ во-

ронежскому губернатору, который, съ своей стороны, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтвѣтнику Осипу Петровичу Козодавлеву, изъясняя, что поведеніе раскольниковъ Новохоперскаго уѣзда, сбившихся съ толку и православныхъ, представляетъ буйство и безначаліе, выходящее изъ предѣловъ государственнаго порядка, почему онъ, губернаторъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1801 года, отнесся къ преосвященному Антонію, епископу воронежскому и черкасскому, командировать со стороны духовной депутата при производствѣ слѣдствія надъ преступниками; суду же предписалъ по прибытіи того депутата приступить къ слѣдствію, стараясь при этомъ сколько возможно снисходительными совѣтами и терпѣніемъ привести ихъ на путь истины; виновнаго же въ убійствѣ крестьянина Ларіона Голякова и зачинщиковъ бунта, а именно: мнимаго Іоанна Крестителя, съ таковыми же Варварою мученицею и апостолами, содержать подъ стражею въ тюремномъ замкѣ...

Государь Императоръ на Всеподданѣйшемъ о семъ происшествіи докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ Высочайше повелѣть соизволилъ: „отправить въ село „Троицкій Юртъ“ воинскую команду, забрать всѣхъ ослушниковъ законной власти и поступить съ ними по всей строгости законовъ“.

Дальнѣйшая участь всѣхъ лицъ, судимыхъ по этому дѣлу, по архивнымъ источникамъ не прописана.

VI.

ДОСУЖЕВЪ.

I.

Въ Москвѣ рубятъ, по селамъ щепки летятъ.

Утреннее солнце стояло выше дерева, когда я ѣхалъ изъ Москвы по одному изъ сквернѣйшихъ трактовъ весною 186... Лошади у ямщика были исправныя, и самъ онъ сидѣлъ на козлахъ молодцомъ. Вдали, въ огромной ложбинѣ, показалось, наконецъ, село „Замарaево“, по свѣдѣніямъ моимъ состоявшее въ расколѣ.

— Много раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я ямщика.

— А что? отвѣчалъ возница и обернулъ ко мнѣ свое довольно смышленое лицо, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, сѣрыми глазами и широкими насмѣшливыми губами.

— Да такъ, говорю, любопытствую знать много ли.

— Почитай, что все село! отозвался ямщикъ и поглядывалъ на меня съ боку, наблюдая, какой эффектъ произвелъ на меня его отвѣтъ.

— И ты знакомъ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ въ селѣ?

— Какъ не знакомъ — самъ изъ этого села былъ; вотъ теперь только въ Смышляевкѣ сталъ жить, на станціи значитъ.

— Такъ и ты вѣрно раскольникъ?

— Я-то? — нѣтъ. Былъ да сплылъ! Нынѣ въ міру обрѣтаюсь, отвѣчалъ полусмѣшкомъ возница: — строгостей ужъ больно много. Картофелю закусишь — эпитемію неси въ полторы тысячи поклоновъ въ день, за чай — по три тысячи поклоновъ на день клади, за трубку, аль папиросу — по тысячѣ поклоновъ въ день.. Ну ихъ!

— Какъ же это такъ, спрашиваю, случилось, — давно ли?

— Да какъ родителей на тотъ свѣтъ препроводилъ, съ того времени и лѣстовки сожегъ. Да и ремесло наше ямщицкое такое, что бываешь вездѣ; все, значитъ, мірское видишь; съ ямщиками медъ, вино пьешь Ну и разумѣй: какой же тутъ расколъ?

— Возница мой оказался, очевидно, изъ продравшихъ, наконецъ, свои мысленныя очи.

— Не знаешь ли, говорю, кто здѣсь въ селѣ коноводомъ-то у раскольниковъ?

— Да наѣзжаютъ изъ Москвы рыболовы.

— Какъ рыболовы?

— Знамо, рыболовы... А то какъ же ихъ? Удятъ да удятъ!... Вотъ и вчера вечеромъ выѣхалъ въ Замараево какой-то монахъ оттуда. Нынче, небось, учить будетъ тамъ. Я же и везъ вчера. Двугривенный на водку далъ.

— А я дамъ больше, если ты, по пріѣздѣ нашемъ въ Замараево, справишься, гдѣ онъ проповѣдуетъ, и укажешь мнѣ тотъ домъ.

— Можно, отчего-жъ? съ большимъ услуженіемъ сдѣлаемъ. Дразнятся еще, дурачье, какъ пріѣзжаешь къ нимъ: обмірщился, говорятъ, антихристовъ сынъ сталъ,

ворочалъ про собя кучеръ. — А я тфу на это — вотъ что!...

Черезъ полчаса мы въѣзжали уже въ Замараево. Село это оказалось совсѣмъ плохимъ селомъ. По улицамъ виднѣлось много полусгнившихъ и подопрѣлыхъ срубовъ, то погнувшихся на бокъ, то вросшихъ въ землю. Окна въ домахъ были большею частію волковыя съ оторванными ставнями, а многія съ волчьими, заткутыми охлопками. Предъ дворами торчали кое-гдѣ колодцы съ развалившимися срубами, остаткомъ столба и колеса, и съ грязными, истоптанными скотиной лужами. Въ селѣ виднѣлась церковь деревянная, ветхая, несоразмѣрно маленькая сравнительно съ велечиною села. Ребятишки раскольничьи постоянно прятались во дворъ при проѣздѣ нашемъ по селу и изъ-подворотни выставляли потомъ свои шаршавыя головы. Предъ навѣсами дворовъ торчали телѣги безъ колесъ, прѣлыя колоды, а самые навѣсы были во многихъ мѣстахъ раскрыты.

Съ въѣзжаго двора ямщикъ мой скоро отправился на поиски монаха московскаго и чрезъ полчаса отрапортовалъ, что онъ проповѣдуетъ въ домѣ мѣстнаго уставщика Козлова. Переодѣвшись, я подъ видомъ проѣзжаго вошелъ съ ямщикомъ моимъ въ избу Козлова. Никто не обратилъ вниманія на нашъ приходъ, тѣмъ болѣе, что ямщикъ часто къ нимъ завертывалъ то поругаться, то подразниться... Только одна беззубая старушонка встрѣтила моего ямщика бранью: — что скалить-то зубы лѣзешь!

— Не съѣдятъ чай! отвѣтилъ мой вожакъ: — вотъ проѣзжему взглянуть хочется...

Изба Козлова была большая и на этотъ разъ заключала въ себѣ человѣкъ до 40 народу. Кто стоялъ, кто сидѣлъ, кто тѣснился на полатяхъ и на печи. Ладону накурено было столько, что дыханіе захватывало...

Впереди, въ раскольнической монашеской хламидѣ

съ четками въ рукахъ, кто-то ораторствовалъ и возился съ книгами.

Смотрю пристальнѣе: Васька Досужевъ, что юлилъ въ Митюговомъ трактирѣ предъ раскольниками-коноводами... Любопытство мое съ этого момента еще болѣе увеличилось, и я рѣшился переслушать всѣ ораторствованія Васьки. Прислушиваюсь.

— Аще кто дерзнетъ пити чай, ораторствовалъ Васька, — тотъ отчается Господа Бога; аще кто дерзнетъ пити кофъ, (кофе), въ душѣ того будетъ ковъ и лукавство...

— Ого! вотъ ты какія рацеи, другъ любезный, тутъ разводишь, думалъ я. — Хорошъ!

— Отвращаетесь ли отъ картофеля? взываетъ Васька и опускаетъ очи свои долу, а персты правой руки простираетъ къ небу.

— Отвращаемся, отвращаемся! загудѣла слѣпая толпа...

— Помните, что Бароней въ главѣ 263 говоритъ: пріидетъ антихристъ-противникъ, пріемлетъ сласти похотныя, по ихъ пойдутъ, того міръ возлюбитъ и вельми послушаетъ. Въ то время будетъ трава, есть отъ него зовома картофь, антихристова похоть, нарицаютъ то овощемъ, и распространится по лицу всея земли, и всякъ возрастъ возлюбитъ сласть великую, помраченіе человѣцы умомъ, яко пьяніи: глаголетъ бо о немъ св. Симеонъ Богословъ, яко скверно, яко отъ Рима начало имать, расплодишася повсюду и въ томъ брашнѣ человѣцы осквернятся, яко древній Израиль.

Масса умильно вздыхаетъ...

— Не варитъ ли кто браги? взываетъ снова Васька. — Не соблазнился ли кто симъ отъ никоніанъ?

— Не варимъ, не варимъ! отвѣчали слушатели Васьки.

Старушонка при этомъ отвѣтѣ заходила съ ладони-

цею по избѣ и замахала ею въ обѣ стороны. Дымъ ладонный просто захватывалъ дыханіе...

— Разумѣйте, что сіе питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душамъ православныхъ христіанъ и на вѣчную муку. По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа ходяще ученицы Господни по земли и учаще люди заповѣдемъ Христовымъ, истиннѣй вѣрѣ христіанстѣй и закону Божію; и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити спогубите сатана же завистію своею распаляемъ позавидѣ доброму дѣлу Божію родъ человѣческій пьянствомъ, наипаче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи у нихъ одинъ изъ собору піаный бѣсъ и глагола сатанѣ: азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворити питіе. Сатана же даде ему власть пьяную, нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: аще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоежъ травы, что прельстилъ я Ноеву жену до потопа на аравитскихъ горахъ, и азъ пойду по тое траву и прельщу человѣка нѣкоего, его же обрящу. И воставъ сатана съ престола съ бѣсы и поклонися ему и съ честію великою, и посадивъ его на престолѣ своемъ, и положивъ на главѣ его вѣнецъ, и облече его въ порфиру, и даде ему скипетръ царскій, и нарече ему имя піаный бѣсъ... и научи человѣка, како ростити солодъ и брагу дѣлать, дондеже воскиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки, и поставиша кубы и наліяша браги, и накрывше и накинуша горшки и тѣстомъ замазавше струбами, и сквозь кади пропустиша, и налиша кади воды, и положиша подъ кубы огня, и начаша варити, и пойде сквозѣ кади трубами, яко нѣкая хитрая вещь, и на умъ человѣку не взыде. И тако умудри бѣсъ на погибель человѣкомъ. А наипаче еже православнымъ христіаномъ... и проч.

Масса вздыхаетъ; нѣкоторые сморкаются.

— Новомодную одежду не соблазнилъ ли бѣсъ кого

носити? спрашиваетъ Васька и указательнымъ пальцемъ обводитъ собраніе.

— Нѣтъ! нѣтъ! послышались голоса; — какъ можно?..

— Женщины не носятъ ли платковъ на шеѣ, яко никоніане? взываетъ Васька.

Бабы и дѣвки начали переглядываться между собою.

— Зрите, что о семъ писано въ книгахъ. Въ лѣто 1423 бысть во французской землѣ король, именемъ Евспасіанъ, нумеріаномъ зѣло славный во многихъ королевствахъ западныхъ, вельми же бысть гордъ и упойчивъ, зело немилосердъ ко всѣмъ подданнымъ своимъ; и въ нѣкое время ближнія его сенаторы пришедше нощію въ ложницу его и вервію спяща его удавиша. По немъ же остася на престолѣ сынъ его юнъ зѣло, именемъ Карлусъ. И едва возмужавъ и пріиде въ разумъ и многими нѣмецкими одолѣ королевствы во одержаніе взя и воспомяну отца своего, яко не лѣпою смертію отъ сенаторовъ удавленъ бысть. Созва всю свою область и повелѣ всѣмъ, въ воспоминаніе смерти отца своего, на шеяхъ очевидно петли со удавою носити. Того ради вси подданіи его носиша 12 лѣтъ. По семъ собрашася вкупѣ сенатори, и биша челомъ о своемъ безчестіи, еже бы повелѣлъ сняти удавы и петли, еже отъ многихъ странъ поносъ и униженіе быша; король же едва умоленъ бысть, на милость приклонися. И повелѣ вмѣсто петлей платы на шеяхъ носити, дабы поминали смертное убійство отца его, и впредь того не чинити. И тако разыдеся и по инымъ ордамъ, еже на шеяхъ платы носити.... Слышали? прерываетъ Васька свое чтеніе.

Всѣ молчатъ...

— Никто же вводитъ новыхъ изобрѣтеній въ одѣяніяхъ, глаголетъ Офонія; зри Зерцало Мірозрительное, 19 главу на 25 листѣ; посѣщу на вся языки и на вся сыны Израилевы и на вся одѣванія ризою странною, и отлученъ бываетъ закону гражданскому и обычаямъ еллинскимъ придержайся... и проч.

Бабы и дѣвки покорно опускали очи свои долу и послушно внимали.

— А не сквернится ли кто табакомъ, симъ зеліемъ адскимъ? вопрошаетъ Васька и дѣлаетъ самую ужасную рожу изъ своего лица, причемъ обѣ руки подымаетъ къ небу.

Ужасъ и смятеніе овладѣваютъ мгновенно всѣми при этомъ вопросѣ. Слушатели какъ-будто даже удивились этому вопросу, который и давать повидимому не слѣдовало, какъ священнику на исповѣди неумѣстно предложить дѣвушкѣ вопросъ, который приличенъ только замужнимъ... Васька замѣтилъ впечатлѣніе своего вопроса и еще громогласнѣе заговорилъ:

— Помните, что пишутъ о немъ! Когда Господь совершилъ дѣло искупленія и извелъ изъ ада съ вѣрою ожидавшихъ Господня пришествія: возстеналъ адъ, лишась своихъ плѣнниковъ. Не стони, брате аде, сказалъ аду сатана, азъ вниду во адъ и возму злая сѣмена и посѣю на землю, отъ того возрастетъ трава табунъ, еже есть табакъ, и ту траву табакъ будутъ многіе люди ясти и пити, и тѣ будутъ отъ Господа Бога прокляти, и тѣми проклятыми полна адская утроба наполнена будетъ, и царствовати ими начнеши... Табакъ есть тотъ корень горести выспрь прозябаяй, о которомъ говоритъ и св. ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ гл. 12, ст. 15, — скверный корень, проклятый на семи соборахъ... Да! Слушайте. И въ книгѣ Григорія Синаида, въ главѣ 89 листѣ 403, сказано: аще который человѣкъ начнетъ держати сію бѣсовскую, и Богомъ ненавидимую, и св. отцы отреченную смердящую траву табакъ, и употреблять какими-либо дѣйствіями, то у того человѣка мозгъ во главѣ его укрушитъ, и вмѣсто мозга внидетъ во главу его та смердящая воня, изгубитъ въ немъ мозгъ его и нач-

нетъ тако пребывати не точію во единной главѣ, но во всѣхъ костѣхъ его, и вмѣсто мозга во главѣ его будетъ зола. Аще ли который человѣкъ нѣкоимъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское — табакъ класти и нюхати въ носъ, или за щеку класти, или курити пипкою, — то такому бо человѣку не подобаетъ бо въ церковь Божію входити, ни креста, ни Евангелія цѣловати, и причастія ему отнюдь не давати, ни свѣщи, ни просфоры, ни ѳиміаму, ни всякаго приношенія въ церковь Божію отнюдь не принимати и и съ людьми ему не молитися и не ясти, и не пити, дондеже престанетъ отъ таковыя мерзости; и ангелу Божію хранителю души его преставлену по св. крещеніи не прикасающемуся къ нему и далече отъ него отступившу и плачущуся всегда за смрадную его вонію, за губленіе души его, что предался въ руцѣ бѣсовъ мрачныхъ и огню негасимому, и червямъ ядовитымъ, и зміямъ лютымъ, и зубомъ скрежетанія и плачъ неўгасимый, и смрадъ золъ, и нѣсть имъ тама радости и покоя: аще и умретъ, то гроба ему не давати и не класти, но бросить въ яму или оврагъ на съѣденіе звѣрямъ, а въ землю его не класти, дабы земля отъ него не осквернилася. Аще который человѣкъ престанетъ отъ такого бѣсовскаго срама и пріидетъ во истинное покаяніе, со слезами сокрушеннымъ сердцемъ подастъ милостыню и смиритъ себя постомъ и молитвою: — тогда Господь проститъ душу его отъ грѣха того...

— Ну не лицемѣръ ли ты Досужевъ, мѣщанинъ города Москвы, Лефортовской части? невольно заговорилъ я наконецъ, вышедши изъ всякаго терпѣнія. — Не ты ли курилъ папиросы и сигары въ Митюговомъ трактирѣ назадъ тому три дня? не ты ли объѣдался тамъ разными жаркими съ картофелемъ съ твоими отцами-коноводами, а теперь пріѣхалъ сюда такія рацеи разводить передъ слѣпымъ народомъ?...

Васька вдругъ смѣшался, но не растерялся на столько, чтобы бѣжать, какъ дѣлаетъ обыкновенно ихъ братія при такихъ случаяхъ.. Слушатели его были болѣе удивлены, чѣмъ испуганы. Глаза всѣхъ обратились на моего проводника, какъ бы съ вопросомъ: кого-де ты привелъ съ собой?

— Ну что ты шутомъ-то, говорю, гороховымъ нарядился? Что это на тебѣ за одѣяніе вмѣсто твоего щеголеватаго московскаго сюртука, въ которомъ ты разгуливаешь въ бѣлокаменной-то?

Васька выдерживаетъ себя и не теряется. — На главѣ, говоритъ, имѣю клобукъ, иже именуется херувимы и серафимы, инде ношу и камилавку, иже именуется четыре евангелиста: Лука, Марка, Матвѣй и Іоаннъ Богословъ; одѣянъ есмь въ мантію, иже именуется покровъ церковный, и ряску, иже именуется риза Господня. Аще кто пострижется сице и сохранитъ свое черничество, ангелъ у Христа будетъ въ Царствіи Небесномъ.

— А кто, говорю, *наряжается* ангеломъ-то Христовымъ, да ѣздитъ по селамъ *отравлять жизнь* и безъ того забитаго *народа*, получая за такое милое ремесло денежки отъ пославшихъ, тотъ именуется мошенникъ, и наречется ссыльнымъ арестантомъ въ странахъ сибирскихъ, во области Тобольской и Якутской... Васька ежится и начинаетъ подозрѣвать меня. Слушатели тоже трусятъ и переглядываются между собою.

— Азъ посланъ Богомъ съ небеси спасти народъ отъ развращенія, отъ власти антихриста, бормочетъ Васька.

— Ай, ай! изъ какого далека! — Не поближе ли откуда? не изъ Москвы ли отъ коноводовъ?

— Имѣемъ архіерея законнаго; почто же смущаеши нашу совѣсть? не смѣло возражаетъ Васька.

— Какого? это дворника-то? Знаю, говорю, знаю.

— У насъ въ Москвѣ есть богобоязливая вдова, адамантъ древляго благочестія, бормочетъ Васька.

— Какъ же — очень богобоязливая вдова! только слишкомъ близко отъ бѣглыхъ архіереевъ живетъ, всего чрезъ лѣстницу, и на чай черезчуръ часто къ нимъ жалуетъ рано по утру и поздно вечеркомъ...

Васька совсѣмъ сталъ теряться.

— Не благоугодно ли, говорю, будетъ ангельскому-то чину ко мнѣ пожаловать на въѣзжій дворъ и поговорить наединѣ обо всемъ этомъ. А то тутъ неловко, народу много.

И, взявъ любезно подъ руку ангела въ иноческомъ образѣ, я вышелъ съ нимъ, дружелюбно разговаривая, изъ избы Козлова. Народъ не шелохнулся.

II.

Пропагандисты.

Когда мы очутились въ комнатѣ въѣзжаго дома, я попросилъ Ваську снять съ себя хламиду и быть тѣмъ, что онъ есть. Васька не прекословилъ и, оставшись въ поддевкѣ, заговорилъ со мною осторожно.

— Ваше высокоблагородіе видно отъ начальства; за раскольниками смотрите!

— Да, говорю, отъ него, только не за раскольниками смотрю, а всматриваюсь лишь въ ихъ житье-бытье...

Васька заюлилъ на каблучкахъ своихъ московскихъ сапогъ. Росту онъ былъ немного повыше средняго, черты его загорѣлаго (вѣроятно отъ частыхъ путешествій по селамъ) продолговатаго лица, окруженнаго темнорусой бородой и такими же густыми волосами, были выразительны. Сѣрые, полузакрытые глаза, глядѣли умно и лукаво. Небольшой правильный ротъ,

рѣзко обозначавшійся изъ подъ русыхъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ видно было, что Васька человѣкъ съ энергіей.

— Что же судить меня отправить изволите? вопрошаетъ смиренно Васька. — Я готовъ за вѣру страдать...

— Послушай, говорю, Васька! Судить я тебя не отправлю, это не мое дѣло, а поговорить съ тобою посеріознѣе намѣренъ. Ну понимаешь ли ты, что дѣлаешь? Обсуждалъ ли ты когда-нибудь серіозно послѣдствія, какія терпитъ народъ отъ твоей постыдной профессіи?..

— Какъ же-съ!..

— То-то и есть что нѣтъ! Что ты за ерунду безграмотнымъ, несчастнымъ слѣпцамъ плелъ о чаѣ, кофе и картофелѣ? Ужели ты не знаешь, сколько наказаній народъ перенесъ за несѣяніе картофеля, сколько за это сослано на поселеніе; и изъ за-кого же? — изъ-за вашего брата коноводовъ! Ты вотъ здѣсь намололъ чепуху-то, да и въ Москву уѣдешь кушать благополучно картофель въ трактирахъ, а народъ-то остается голодать, когда онъ могъ бы быть сытымъ не хуже тебя. Какъ же тебѣ не стыдно такія вещи дѣлать? А пріѣдетъ начальство, начнется принужденіе сѣять картофель, — кто будетъ страдать за ослушаніе? Народъ же опять, а ты будешь въ сторонѣ?

— Оно конечно, бормочетъ Васька, — конечно...

— То-то конечно! Ну что ты еще, напримѣръ, плелъ за чепуху объ одеждахъ новомодныхъ и о брагѣ? Что же ты и твоя братія, пославшая тебя, желаетъ, чтобы народъ то ходилъ въ зипунахъ да въ полушбкахъ однихъ, когда могъ бы ходить и почище въ чемъ? А ты то самъ зачѣмъ ходишь въ Москвѣ не въ зипунѣ,

а въ сюртучкѣ, а богачи-то ваши въ Москвѣ почему разгуливаютъ въ щегольской одеждѣ и ѣздятъ въ каретахъ по бѣлокаменной? Не говорю уже о ихъ женахъ и дочкахъ, выѣзжающихъ въ собраніе и пользующихся всякими удовольствіями столичными...

— Оно конечно... повторяетъ машинально Васька.

— Да что ты задолбилъ одно конечно-то? Ты отвѣчай мнѣ толкомъ на мои вопросы.

— Однако же, заговорилъ наконецъ Васька, — Государь нашъ не велѣлъ трогать расколъ то; свобода тамъ и все такое есть.. Во дворецъ ѣздятъ депутаты-то наши, съ адресомъ значитъ, такъ что же бы какое кому дѣло до насъ?.. Архіереевъ своихъ имѣемъ, не ловятъ вотъ ихъ у насъ, стало быть...

— Стало-быть, говорю, вы можете таскаться по Россіи и сбивать съ толку слѣпой народъ, всѣхъ крестьянъ подданныхъ Государя очумлять всякою ерундою и бреднями для того, чтобы они въ слѣпотѣ своей молились на васъ Богу и взирали съ умиленіемъ на ваши безстыдныя очи?... Хороша плата великодушному Государю-то за то что онъ принимаетъ вашихъ богачей во дворецъ съ адресами; нечего сказать!

— Опять и расколъ не приказано трогать...

— Такъ что же? Ты думаешь, что великодушному Государю нашему не угодно преслѣдовать раскола потому, что расколъ такъ хорошъ и привлекателенъ, что ему слѣдуетъ покровительствовать! Ошибаешься, другъ мой, и всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ тобою такъ думаютъ. Государю угодно, какъ и всѣмъ благомыслящимъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы русскій народъ учился грамотѣ въ школахъ, отрезвлялся отъ своей слѣпоты, суевѣрія, невѣжества и предразсудковъ, чтобы онъ богатѣлъ, а не нищенствовалъ, чтобы изучалъ ремесла и земледѣліе, а не читалъ безсмысленныя каноны ересіархамъ, не спорилъ о ладонѣ да о цѣпочкахъ на кадилѣ, чтобы жилъ въ хорошихъ и чистыхъ хоро-

махъ, а не въ грязи и курныхъ избахъ, чтобы шелъ стройно впередъ по пути развитія и просвѣщенія, а не таскался по лѣсамъ въ иноческихъ вашихъ хламидахъ и не зарывался въ пещеры долбить кожаные цвѣтники и всякую ерунду писанную, которою вы наводнили Россію въ такомъ количествѣ, что ею хоть рѣки пруди... Если же Государь и правительство снисходятъ нынѣ расколу, то потому только, что не видятъ пользы въ гоненіяхъ, и правительство наше *лишь невѣжества ради терпитъ расколъ, а не покровительствуетъ ему:* ты это твердо помни — и не будетъ никогда времени, чтобы правительство, или Царь рѣшились покровительствовать тупоумію, невѣжеству и слѣпотѣ, а тѣмъ болѣе такимъ хватамъ, какъ ты... Всегда было и будетъ желательно, чтобы всякое государство развивалось и процвѣтало, а не кисло въ скитахъ, не долбило бабьихъ сказокъ и не ржавѣло въ пещерахъ какъ проповѣдуетъ ваша братія, пугая воображеніе простыхъ людей какимъ-то антихристомъ и прочими пугалами...

— Опять вотъ и Антоній нашъ въ Москвѣ... бормочетъ Васька...

— Что же вашъ бѣглый архіерей Антоній? Придетъ время, когда поумнѣвшіе изъ раскольниковъ свяжутъ его сами и попросятъ правительство отправить его, соблазна ради, въ Соловецкій... И ужъ во всякомъ случаѣ никогда не придетъ то время, когда архіерей-дворникъ вашъ будетъ признанъ дѣйствительно архіереемъ, и когда всѣ ваши лоцмана, дворники и извощики въ образѣ архіереевъ будутъ признаны епископами въ Россіи и составятъ іерархію въ іерархіи... Это ты выкинь изъ головы своей однажды навсегда и разубѣди всѣхъ тѣхъ слабоумныхъ, которые вмѣстѣ съ тобою также жалко заблуждаются!... Лучшее, что всѣ ваши коноводы изберутъ, это принять единовѣріе, которое и спасетъ ихъ отъ нареканія и позора жал-

кой пропаганды .. Благо московскій купецъ Н. М. Аласинъ устроилъ великолѣпную церковь единовѣрческую на Рогожскомъ кладбищѣ и монастырь на Преображенскомъ. Чего же лучше?

— Вотъ и литература тоже за насъ, возражаетъ Васька.

— Съ чего ты взялъ? Какая это найдется, литература въ свѣтѣ, которая защищала бы глупость, бредни, буквализмъ, бесжизненную схизму, и вообще ту корпорацію въ государствѣ, которая въ 200 лѣтъ ничего не выработала жизненнаго, а остановила лишь развитіе государства, которая и нынѣ твердитъ, что отъ чая человѣкъ отчается, что кофе есть ковъ, брага сатанино питіе, бракъ есть грѣхъ, а безбрачіе — спасеніе, наука и образованіе въ школахъ суть козни антихриста и проч?... Литература дѣйствительно сочувствовала расколу, но за его гоненія, которыя раздували его, и за жертвы, которыя пали отъ излишней строгости закона, не принося никому пользы; но чтобы видѣть въ расколѣ привлекательность какую и защищать его несостоятельную, тупую и узкую догму — этого никогда не было и не будетъ. Заруби ты это себѣ на носъ однажды навсегда! — Сколько ты получаешь отъ коноводовъ-то своихъ жалованья въ годъ за то, что наряжаешься шутомъ гороховымъ, да читаешь народу чепуху-то всякую?

— Пять-сотъ рублей! отвѣчалъ Васька.

— И за такую цѣну ты берешь себѣ такую обузу преступленій на душу?... А если въ острогъ еще въ добавокъ попадешься — что тогда?

— Семейство мое обезпечено, по условію, въ этомъ случаѣ...

— Не лучше ли было бы заняться тебѣ торговлею и быть честнымъ гражданиномъ! Тогда ты могъ бы не пятьсотъ имѣть въ годъ. Вѣдь живутъ же люди и богатѣютъ не отъ одной пропаганды?..

— Это конечно, отвѣчаетъ Васька, — отчегоже-съ?..

— Такъ дай мнѣ, говорю, слово, что ты нынѣ же возвратишься въ Москву, бросишь свое постыдное ремесло, разскажешь о чемъ я съ тобою говорилъ своимъ набольшимъ ходакамъ и заживешь честнымъ гражданиномъ. Ну готовъ что ли это сдѣлать?

— Можно! отвѣчаетъ Васька.

— Честное слово?

— Честное слово-съ! Раскаяваюсь.

И Васька сдѣлалъ плаксивую мину, но въ то же время на лицѣ его мелькнуло какое-то насмѣшливое выраженіе...

Я вѣрилъ и не вѣрилъ Васькѣ.

— Такъ, значитъ, судить меня не изволите теперь ваше высокоблагородіе? повторяетъ Васька.

— Ты самъ себя осудилъ когда раскаялся...

— Такъ прощенья-съ просимъ.

— До свиданья. Да помни, что я говорилъ тебѣ.

И Васька связавъ въ узелокъ хламиду свою, вышелъ изъ комнаты, озираясь кругомъ, какъ бы не вѣря тому, что такъ дешево раздѣлался за свои продѣлки...

При переодѣваньи у Васьки оказалась тетрадка, мелкимъ полууставомъ написанная, за которую онъ, при радостяхъ, и не постоялъ, и содержаніе которой мы представляемъ здѣсь въ подлинникѣ. Это раскольничья сатирическая поэма о табакѣ, довольно любопытная въ литературномъ отношеніи и замѣчательная еще тѣмъ, что ее развозятъ начетчики раскольничьи по селамъ, какъ идеалъ высшей мудрости раскольничей и краснорѣчія... Мы печатаемъ это стихотвореніе вполнѣ, ибо это прекрасный случай убѣдиться, въ какой тьмѣ кромѣшной бродитъ нашъ народъ, какою жалкою умственной пищей питается... Съ первыхъ строкъ читатель найдетъ, что это ерунда, но это не только ерунда, но и умственная народная пища...

Вотъ какъ читается это знаменитое сочиненіе раскольническое, не бывшее еще у насъ никогда въ печати.

Знакомъ кто съ трубкой, съ мерзкимъ табакомъ?
За добродѣтель будетъ воздаянье,
А за табакъ жди адско наказанье.
Удобнѣй міру нашему въ хаосъ переродиться,
Чѣмъ слову Божію не совершиться.
А Богъ усты своими рекъ:
Когда былъ въ мірѣ ты, мой человѣкъ,
За веяко слово праздное ты дашь отвѣтъ,
Грѣха же табачнаго тягчаѣ въ свѣтѣ нѣтъ.
Вонми! что видно изъ сего Христова слова?
А то, что за табакъ кромѣшная готова!

Вотъ каково это велемудрое стихотвореніе, замѣчательное, съ одной стороны, нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ сочинителя, вѣроятно грамотѣя-самоучки, а съ другой тѣмъ безнадежно-узкимъ крутомъ понятій, изъ котораго умъ, омраченный раскольничьими мудрованіями, не можетъ выступить при всѣхъ своихъ усиліяхъ, тѣмъ безжизненнымъ отношеніемъ къ данному явленію жизни, отъ котораго бѣдный сочинитель не можетъ отрѣшиться при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ. И такою-то прелестью услаждаютъ бѣдное крестьянство раскольничьи наставники въ родѣ Досужева!

III.

Худая трава изъ поля вонъ.

Дня черезъ три, продолжая свой путь, я въѣзжалъ въ новое село по большому тракту. День былъ теплый, совершенно весенній день, что въ суровомъ апрѣлѣ было большимъ исключеніемъ. Солнечные лучи ярко падали съ синяго неба и бѣлили тѣсовыя крыши крестьянскихъ домовъ. Огромная стая галокъ вилась надъ садомъ обширнаго господскаго дома, окруженнаго пристройками, службами, конюшнями, каретными сараями, банями, кухнями, флигелями для гостей и управляющихъ, оранжереями и тому подобными прихотями прежняго барства, обратившимися нынѣ въ темную массу зданій съ забитыми лубкомъ окнами, почернѣвшими крышами и размытыми дождемъ, нѣкогда крашеными стѣнами. По всѣмъ видимостямъ, здѣсь жили богатые помѣщики, отправившіеся нынѣ вѣроятно въ Москву или Петербургъ, пристроиться на службу или доживать свой вѣкъ поскромнѣе въ третьемъ этажѣ какого нибудь столичнаго дома... На улицахъ тѣснился народъ и черезъ площадь направлялся къ сборной избѣ сельскаго управленія. Два десятника, съ мѣдными бляхами на груди, вели кого-то связаннымъ въ сборную избу. Ямщикъ подвезъ меня на въѣзжую квартиру, помѣщавшуюся въ сборной избѣ, прежде чѣмъ процессія, сопровождаемая мальчишками и дворовыми собаками, приблизилась къ этому мѣсту. Остановившись на крыльцѣ, я дождался приближенія процессіи и, къ крайнему своему удивленію, въ связанномъ субъектѣ узрѣлъ Ваську Досужева, но не въ иноческой хламидѣ, а въ какомъ-то кафтанѣ со сборами назади...

— Ты ли это, говорю, другъ любезный, Васька Досужевъ? Какъ это тебя угораздило въ веревки-то связаться?

Васька остолбенѣлъ отъ нечаянной встрѣчи и покривилъ какъ-то свое лице.

— Не по закону взятъ, отвѣчалъ онъ. — Судъ разсудитъ.

— Да вѣдь ты обѣщался возвратиться въ Москву, а самъ, видно, опять за старое ремесло принялся. Какъ же тебѣ не стыдно?

— Я и хотѣлъ ѣхать туда...

— Да не поторопился и напередъ втискался. Ну теперь пеняй на себя... Въ это время вышли на крыльцо

членъ уѣздной земской управы съ мировымъ посредникомъ и поздоровались со мною. Всѣ трое вошли мы, наконецъ, въ комнаты въѣзжаго дома. Познакомились и разговорились. Членъ управы разсказалъ мнѣ, какъ онъ пріѣхалъ открыть школу въ селѣ — и другой день никакъ этого не можетъ сдѣлать. Васька, значитъ, сбилъ съ толку весь народъ и настроилъ его противъ ученія въ школѣ...

— Послалъ я нынѣ непримѣтно, разсказывалъ членъ управы, — въ толпу народа, собравшуюся на одномъ крестьянскомъ дворѣ, послушать, что говоритъ народъ между собою противъ школы. Смотрятъ — а этотъ каналья разводитъ такія рецеи предъ толпою: „Государь, говоритъ, нашъ просилъ однажды миру съ Наполеномъ и писалъ: долго ли намъ воевать, долго ли силу терять; время намъ съ тобой помириться. А онъ ему пишетъ, помирюсь: ты могущество держишь по вселенной, и я по тебѣ могущество держу; положимъ съ тобой заповѣдь; что вамъ вознамѣрится содѣяти, мы вамъ не будимъ воспрещать, а что намъ вознамѣрится учинить, вы намъ не возбраняйте. Государь нашъ необмыслился сего, что напослѣдокъ будетъ, и подписался своеручно. Наполеонъ выслалъ двѣ формы: звѣриный образъ и карту землямъ, желая, да во всямомъ мѣстѣ присутствуетъ сей образъ и карта. И что учинилось у насъ? — въ судахъ и у никоніанъ висятъ звѣриные образы *) и карты земныя. Внимайте, говоритъ, православные! Откуда изыде корень сей? Вамъ въ школахъ карты повѣсятъ, а если карту принять, то и звѣриный образъ принять все равно. А по писанію карты земніи увязаніе разума, а звѣриный образъ — чанъ ярости и гнѣва Божія. А на картахъ сихъ доказываютъ, что есть число звѣрино 666“.

Посредникъ расхохотался.

*) То есть зерцала.

— Нѣтъ, какова шельма-то! Замѣтьте. Тутъ только я догадался, говорилъ членъ управы, что значило упорство народа и откуда оно взялось! Прислушиваются однако, что будетъ дальше. Молодецъ ораторствуетъ: „Не внимайте, говоритъ, никакому никоніанскому ученію, которымъ вамъ хотятъ ослѣпить очи: ни о Богѣ, ни о землѣ, ни о солнцѣ, ни о лунѣ. Все у нихъ ложь и прельщеніе антихриста. А вотъ, говоритъ, какое обо всемъ этомъ истинное ученіе. Панагность философъ глаголетъ: солнце сотворено Божіимъ повелѣніемъ, а величествомъ болѣе всея земли, а одежда на немъ вѣнецъ царскій, а ангелъ Божіихъ 15 тысячъ по всея дни исходятъ съ солнцемъ, и едва зайдетъ солнце на западъ, и тогда ангелы Господніи совлекутъ съ него одежду святую и вѣнецъ и на престолъ Господній полагаютъ, а у солнца остаются по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ 100 ангелъ облогать солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока и абіе огненныя птицы небесныя, нарицаемы Финитни и Халевры, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крыліе свои 90 кратъ въ водѣ океанстей и кропятъ крилома и погашаютъ солнечный свѣтъ, дабы не опалилъ лучами своими всю землю и живущихъ на ней человѣковъ, и обгораютъ отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе и бываютъ голи, яко оскоблени, и паки егда зайдетъ солнце на западъ, и тогда купаются птенцы во океанѣ-морѣ велицѣмъ и обновляются паки и опернатаютъ крыліе ихъ; того ради и пѣтелъ пророкъ именуется и имѣетъ подъ крилами своими перо оныхъ птицъ небесныхъ, и егда зайдетъ солнце отъ запада къ востоку, и тогда посвербѣетъ у пѣтела перо то, и егда же двигнутъ ангели одежду и вѣнецъ царскій отъ престола Господня, и тогда чешетъ пѣтелъ и открываетъ главу свою и пробудится и находитъ же оныхъ птицъ крѣпкое сраженіе вострепещетъ крилома, проповѣдуетъ мірови воскре-

сеніе трижды, пойди свѣтодавче и глаголи свѣтъ всему міру. Христосъ живъ есть и вся совершаетъ, а творца своего величаетъ."

— И вы, сказалъ я члену управы, — приказали, наконецъ, этого проповѣдника взять и связать?

— Еще бы! И вотъ взяли отъ него эти листки. Это, наконецъ, ни на что не похоже! Мы разсуждаемъ на земскихъ собраніяхъ о всевозможно скорѣйшемъ открытіи школъ, а тутъ чуть не бунты противъ школъ затѣваютъ, и чрезъ кого же?—чрезъ какихъ то проходимцевъ. Я не знаю еще, что это наконецъ и за человѣкъ.

— Ну такъ я, говорю, — разскажу вамъ объ этой птицѣ: кто она такая и откуда сюда залетѣла.

И я подробно разсказалъ своимъ собесѣдникамъ всю исторію Васьки Досужева, начиная съ первой встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ въ Митюговомъ трактирѣ, и оканчивая третьею встрѣчею въ селѣ Благовѣщенскомъ. Собесѣдники мои развели руками отъ изумленія.

— Что же съ нимъ дѣлать теперь? спросилъ посредникъ. Какъ поступить?

— Очень просто, говорю. Опишите все сдѣланное Ваською подробно и препроводите его подъ арестомъ къ становому, для передачи куда слѣдуетъ. Злые пропагандисты, за доказанныя и злонамѣренныя значительныя совращенія народа, по закону другаго мѣста не должны наслѣдовать. Тутъ нѣтъ и мѣста сожалѣнью. Потому что здѣсь не убѣжденье, а ремесло, и ремесло позорнѣйшее; но прежде прикажите обыскать его.

Ваську дѣйствительно обыскали, и между всевозможными рукописями найдена была интересная въ научномъ отношеніи и непохожая на глупыя до-нельзя рацеи и прокламаціи, рукопись, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которую мы и прочли всѣ вмѣстѣ. Рукопись эта переполнена хулами на православную церковь.

Часа черезъ четыре, наговорившись до устали между собою, мы распростились. Я собирался проѣхать на Тверь, гдѣ долженъ былъ сѣсть на желѣзную дорогу въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ сѣсть въ свою повозку, я имѣлъ честь видѣть, какъ Ваську, скрученнаго по рукамъ и ногамъ, провезли мимо оконъ сборной избы въ станъ.

IV.

Безъ пастуха овцы не стадо.

Минутъ черезъ десять по исчезновеніи Васьки я отправился по селу присмотрѣться поближе къ житью-бытью обывателей. Невесело смотрѣли избенки крестьянскія, немного обѣщали и обитатели этихъ избенокъ... Прошелъ я одну улицу и остановился въ раздумьи предъ избенкою, криво и одиноко стоявшею на задахъ передняго фасада домовъ. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара, только какіе-то грязные хлѣвушки лѣпились съ одной стороны, съ другой кучею навалены были дровишки. Высокій зеленый бурьянъ росъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Вхожу въ избенку: оказалось, что это келія старушенки-канонницы, старой дѣвки и наставницы дѣтей раскольничьихъ. Въ избенкѣ было десятковъ до двухъ дѣтей, сидѣвшихъ за столомъ. Я поздоровался съ хозяйкой избенки. Старушенка какъ будто сначала смутилась, дѣтишки съ любопытствомъ уставились на меня.

— Богъ въ помощь! говорю. Кажется здѣсь школа?

— Пожаловать добро! отвѣчала старушенка и начала торопливо покрываться чернымъ платкомъ. Костлявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная монашеская хламида, былъ согнутъ такъ, что хламида

ея держалась больше на спинѣ, чѣмъ на плечахъ; обѣ руки старушенки, съ искривленными пальцами, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ-подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла ея похожи были на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи.

— Дѣтей учишь старуха? вопрошалъ я канонницу.

— Какъ же, человѣкъ мірской, учу! прошамкала старушенка и очень косо всматривалась въ меня. — А ты что, откуда?

— Я издалека, говорю, — вотъ поглядѣть зашелъ.

— Погляди, нехотя шамкаетъ старушенка.

Я подхожу ближе къ дѣтямъ: тѣ начинаютъ другъ за друга прятаться. Свѣженькія лица ихъ, блестѣвшія здоровьемъ, составляли поразительный контрастъ съ отжившимъ трупомъ старухи. Глаза многихъ изъ дѣтей глядѣли умно и прямо. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, были подслѣповатыя лица, выражавшія какую-то неестественную заботливость; нѣкоторыя, сдвинувъ брови, напряженно смотрѣли на меня. Съ краю сидѣлъ мальчикъ, большіе черные глаза котораго производили невольное впечатлѣніе. Устремленный бойко на меня, онъ казалось хотѣлъ что-то высказать, для чего на языкѣ его не было словъ. Противъ него, за другимъ столомъ, робко прижимаясь къ плечамъ сосѣдокъ, сидѣла дѣвочка, прикрывшись книжкою, изъ-за которой и выставляла по временамъ свою русую, кудрявую головку.

— Что же ты, милый, учишь? обратился я съ вопросомъ къ черноглазому мальчику.

— Катехизисъ, отвѣчалъ тотъ.

Я взялъ у него рукописную книгу въ грубомъ кожаномъ переплетѣ и сталъ разсматривать. Боже мой! что въ этой книженкѣ было намарано! Во главѣ всего стояло:

Вопросъ. Изъ чего Богъ сотворилъ землю?

Отвѣтъ былъ: изъ песку, а песокъ этотъ досталъ со дна моря сатанаилъ.

Далѣе шли слѣдующіе вопросы:

Вопр. Изъ чего сотворены ангелы?

Отв. Изъ камня, изъ котораго сатанаилъ сотворилъ себѣ демоновъ.

Вопр. Чѣмъ Богъ сдѣлалъ сатанаила?

Отв. Начальникомъ демоновъ, коихъ и помѣстилъ въ десятомъ чинѣ.

Вопр. Что Богъ сдѣлалъ съ сатанаиломъ?

Отв. Когда сатана возгордился, Господь послалъ архангела Миху и повелѣлъ ему низвергнуть съ неба сатану со всею его силою; но Миха не могъ его сдѣлать, доколѣ не былъ сначала постриженъ Господомъ, а потомъ посхимленъ и названъ Михаиломъ.

Вопр Изъ чего сотворенъ человѣкъ?

Отв. Тѣло человѣка сотворено отъ семи частей: отъ камня — кости, отъ чернаго моря — кровь, отъ солнца — очи, отъ облака, — мысли, отъ вѣтра — дыханіе, теплота отъ духа.

Вопр. Отъ чего болѣзни въ человѣкѣ?

Отв. Болѣзни въ человѣкѣ отъ того, что діаволъ истыкалъ тѣло Адама, въ то время, когда Господь уходилъ на небо за душею.

Вопр. Что Богъ сотворилъ съ Адамомъ послѣ его сотворенія?

Отв. По сотвореніи Адама, Господь вопросилъ его: что онъ видѣлъ во снѣ. Адамъ отвѣчалъ, что видѣлъ Апостола Петра въ Римѣ, распятаго внизъ головою, Апостола Павла въ Дамасцѣ, а тебя, Христе, во Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, на крестѣ.

Вопр. Когда сотворенъ Адамъ?

Отв. Адамъ начертанъ Богомъ 5 марта въ 6 часу дня. Безъ души онъ пролежалъ 30 лѣтъ, безъ Евы жилъ 30 дней, а въ раю былъ всего отъ 6 часовъ до 9.

Вопр. Какъ прельстилъ діаволъ первыхъ человѣковъ?

Отв. Чтобы прельстить праотцевъ, діаволъ обернулся червемъ и упросилъ змія, чтобы онъ пожралъ его; когда Адамъ, по убіеніи Авеля, не зналъ, что дѣлать съ тѣломъ его, тогда прилетѣли двѣ горлицы, изъ которыхъ одна нарочито убилась, упавъ съ высоты, а другая похоронила убившуюся и этимъ научила Адама, что дѣлать съ тѣломъ Авеля.

Вопр. Изъ чего Богъ сотворилъ солнце?

Отв. Солнце сотворено отъ рясы и ризы Господней, а луна изъ воздуха отъ престола Божія.

И проч., все въ этомъ же родѣ... Въ книгѣ пестрѣли и слѣдующіе вопросы:

Вопр. Когда сотворенъ адъ?

Отв. Адъ сотворенъ въ то самое многовеніе, когда діаволъ мыслилъ сѣсти противу Бога. — Есть два ада — нижній на концѣ земли и верхній (иначе чистилище) на высокихъ горахъ и островахъ при морѣ. Въ послѣднемъ „души мучатся, кои спасены будутъ".

Вопр. Гдѣ зародился сатана?

Отв. Сатана зародился на морѣ Тиверіадскомъ въ 9 валу.

Вопр. На чемъ стоитъ земля?

Отв. Земля основана на трехъ великихъ китахъ, питающихся райскимъ благоуханіемъ...

Вотъ она, молодая-то Россія, чему учится! невольно подумалъ я; — вотъ оно молодое-то поколѣніе, надежда Россіи! Ужели эти невинныя дѣти обречены съ такихъ лѣтъ на общее невѣжество, косность и тупость, и взросши, начиненные такою чушью, скажутъ намъ,

подобно отцамъ своимъ: казните и разите насъ, но мы свою вѣру не покинемъ и новизны, (т. е. просвѣщенія) не примемъ?... Грустно! А можетъ и это быть! По выстриженнымъ на дѣтскихъ головахъ маковкамъ (гуменце) они заклеймены уже были, такъ сказать, особою печатью раскольничьяго цеха, чтобы отличить ихъ отъ никоніанъ-еретиковъ, т. е. православныхъ, принимающихъ новшества — свѣтъ и науку... Начало уже значитъ сдѣлано?... Вести разговоръ съ старушенкою-канонницею не стоило, ее могла исправить могила; дѣти же были малы для того, чтобы съ ними бесѣдовать съ пользою, Бросивъ тупоумное маранье на столъ, я поспѣшилъ выйдти изъ этой нравственной бойни.

Что же мы дѣлаемъ, что дѣлаетъ, наконецъ, наше духовенство? задавалъ я себѣ вопросы и слѣдующая картина, какъ нарочито подоспѣвшая, была нѣкоторымъ отвѣтомъ мнѣ на эти вопросы. Вдоль улицы стряпуха вела подъ руки нетрезвую особу, которой менѣе всего прилично быть пьяною... Большія крылья шляпы, порванныя въ двухъ мѣстахъ, безобразно висѣли клочками...

Ну, думаю, что же тутъ и разсуждать болѣе? — отвѣтъ на лицо!...

VII.

РАСКОЛЬНИЧІЙ ПЛЕМЯННИЧЕКЪ.

Вѣра на слово, торговый кредитъ, вѣрная надежда на пособія и поддержку — влекутъ въ расколъ народъ тысячами и удерживаютъ въ немъ тѣхъ, которые желали бы оставить его... Видя близкіе примѣры крестьянъ, при пособіи и кредитѣ раскольниковъ сдѣлавшихся богачами, православные ищутъ мѣстъ и совѣтовъ у сихъ послѣднихъ, получаютъ ихъ и перекрещиваются. Время, просвѣщеніе, комерческія связи образуютъ нѣкоторыхъ изъ раскольниковъ до того, что они не могутъ не видѣть *ничтожности* основныхъ началъ темнаго раскола, но въ случаѣ оставленія его, имъ угрожаетъ иногда банкротство неминуемое: съ тѣмъ же единодушіемъ, съ какимъ раскольники-капиталисты поддерживаютъ другъ друга, они тотчасъ уничтожатъ ренегата своими требованіями и немедленными взысканіями... Отъ этого въ Россіи милліоны, по необходимости, остаются въ рукахъ раскола. Эти милліоны переходятъ изъ множества рукъ въ другія только временно; пріобрѣтатели, владѣльцы ихъ не болѣе какъ экономы, кассиры, дѣйствующія только какъ бы на правахъ безотчетныхъ прикащиковъ: ихъ капитилы

собственность пропаганды. Подъ руководствомъ главныхъ агитаторовъ постановлено правило, по которому родные и дѣти не наслѣдники отцовъ, если они не той же секты, и съ тѣмъ вмѣстѣ строго подтверждено другое правило, вовсе запрещающее такимъ лицамъ бракъ, а слѣдственно и всякое право наслѣдства. Въ этихъ правилахъ, очевидно, заключается тайный законъ пропаганды: твоя собственность есть собственность вѣры и общины — „глаголъ *мое* отъ діавола введеся, вся вамъ *общая* сотворилъ есть Богъ.“ Законъ этотъ глубокая тайна агитаторовъ и она проявляется въ завѣщаніяхъ богачей, отказывающихъ милліоны агитаторамъ же... Такъ доносилъ не очень давно безпристрастный изслѣдователь раскола Министру Внутреннихъ Дѣлъ статскій совѣтникъ Синицынъ о раскольникахъ. До какой степени, говоритъ г. Синицынъ, простираются *матеріальныя выгоды представителей раскола*, это доказываетъ примѣръ полученія главнымъ представителемъ раскола, угличскимъ купцомъ Выжиловымъ, вдругъ 300 000 рублей серебромъ на милостыни, по завѣщанію одного изъ сектаторовъ Кашинскихъ... Одна вдова крестьянка на тотъ же предметъ отказала ему безотчетно 10,000 рублей серебромъ... До какой степени простираются *выгоды* содержателей моленныхъ и наставниковъ второстепенныхъ, это видно изъ примѣра хозяйки Норской моленной крестьянской дѣвки и ея казначея наставника. Кромѣ ежегодныхъ значительныхъ приношеній чиновникамъ, онн въ состояніи были при послѣднемъ обыскѣ моленной вдругъ представить обыскивавшимъ 3,000 рублей. Для насъ, скажемъ мы съ своей стороны, неудивительны алчность и *эксплуатированіе* религіознаго чувства простаго народа коноводами раскола, погрязшими частію по глупости и тупости во тьмѣ всякихъ беззаконій.... житейскихъ, неудивительны дѣйствія милліонеро въ фанатиковъ, въ родѣ московскаго богача, недавно умершаго Елисея

Морозова, называемаго „профессоромъ по части антихриста.“ Но вотъ что удивительно, вотъ что *возмутительно*, когда въ „азартную игру эксплуатированія религіознаго чувства народа“ играютъ молодые раскольники, учившіеся даже въ университетахъ и понятно *презирающіе уже расколъ въ принципѣ*. Нѣкоторыя черты изъ жизни одного изъ такихъ *„хлыщей раскольничьихъ“*, мы можемъ представить читателямъ въ настоящемъ очеркѣ.

Въ театральномъ залѣ большаго московскаго театра идетъ плохая итальянская опера. Изъ зритилей одни зѣваютъ, другіе улыбаются скверному пѣнію, сознавая комичность своего положенія за дорогія деньги слущать дешевыхъ пѣвцовъ. При каждомъ разинутіи рта одной плохой пѣвицы Рабо̀, оретъ немилосердно bravo! bis! одинъ хлыщъ, блондинъ, завитый на Кузнецкомъ, по фигурѣ скорѣе глупый купчикъ, чѣмъ настоящій джентльменъ. Это ѣздящій на рысакахъ въ университетъ, въ качествѣ слушателя лекцій, „раскольничій племянничекъ“. Развалившись по бурлачьи въ креслѣ, онъ считаетъ себя въ правѣ орать за всѣхъ, ибо, во первыхъ, онъ обладатель по завѣщанію раскольника фанатика полумилліона денегъ, а во вторыхъ, онъ учится въ университетѣ, слѣдовательно имѣетъ право презирать толпу, не понимающую скверной пѣвицы Рабо̀... Въ антрактахъ оперы купчикъ подходитъ то къ князю Трубецкому, то къ Мещерскому, то къ графу Дуракову и фамиліарно съ ними заговариваетъ, показывая всѣмъ, какія фамильныя лица его пріятели, хотя эти пріятели фамильные такъ же глупы и ничтожны, какъ и купчикъ... Оно и понятно! Кто же изъ умныхъ свяжется съ дураками? Въ театрѣ всѣ знаютъ „раскольничьяго племянничка“ и, лорнируя его фатскую фигуру, презрительно произносятъ, пожимая плечами:

какой жалкій баранъ и къ несчастію наслѣдникъ полумилліона! Бываетъ же судьба такъ неразборчива къ скотамъ...

Въ послѣднемъ антрактѣ раскольничій племянничекъ пробирается за кулисы и, обращаясь къ Рабо̀, шепчетъ: я къ вамъ послѣ спектекля. Позволите?

— Какъ хотите! произноситъ сквозь зубы итальянка. А сама думаетъ: чортъ бы тебя побралъ! почище твоего рыла обѣщались быть. Ну, да привози побольше денегъ...

Въ Газетномъ переулкѣ, въ гостинницѣ Шевалье, въ богато убранныхъ номерахъ, за которыя платится 10 р. с. въ сутки, у пѣвицы Рабо̀ собрались послѣ спектакля поклонники ея скவернаго голоса... Тутъ и князь Мещерскій, и графъ Дураковъ, и богатый хлыщъ „раскольничій племянничекъ“. Шампанское льется рѣкой. Ловкая итальянка, въ томъ театральномъ костюмѣ, въ которомъ играла въ этотъ вечеръ, полуобнаживъ свои пухлыя, продажныя плечи, наслаждалась *мнѣніемъ* дураковъ...

— Пьемъ за здоровье Рабо̀! кричатъ гости. Кто больше всѣхъ любитъ несравненную пѣвицу, тотъ выпьетъ шампанское изъ ея башмака!..

„Раскольничій племянничекъ“ хватаетъ прежде всѣхъ за ногу Рабо̀, снимаетъ съ нея потный башмакъ и, наливъ шампанскаго, выпиваетъ. Въ награду за этотъ подвигъ итальянка позволяетъ дураку поцѣловать кончикъ ея разутой ноги...

„Раскольничій племянничекъ“, побывавъ въ торговомъ амбарѣ своего дядюшки, потеревшись съ шикомъ въ Митяговомъ трактирѣ, объѣхавъ кандитерскія съ француженками, потолкавшись за кулисами на репи-

тиціяхъ, заѣхалъ къ одному бывшему своему товарищу по университету. Раскольничій хлыщъ кончилъ уже въ университетѣ свое образованіе и даже всѣми неправдами.... получилъ какую-то степень. Захвативши въ книжномъ магазинѣ Фохта и Молешота, онъ заѣхалъ щегольнуть своими покупками къ нѣкоему Молотову, человѣку науки, готовившему диссертацію на степень магистра. Фатъ началъ бесѣду свою съ перечисленія богатыхъ московскихъ домовъ, въ кои онъ сдѣлалъ визиты (не думаемъ, чтобы порядочные дома принимали такихъ скотовъ!), перешелъ къ руганію религіи и плеванію на все святое.... и покончилъ самыми безцеремонными насмѣшками надъ темнымъ расколомъ...

— Зачѣмъ же вы считаетесь раскольникомъ, даже стоите вмѣстѣ съ дядюшкою своимъ во главѣ раскольниковъ, этой темной массы, какъ вы выражаетесь? спросилъ разболтавшагося хлыща Молотовъ.

— Дяденька такъ хочетъ! отвѣчалъ наивно фатъ. — Тамъ у него есть свои коммерческія соображенія... А впрочемъ по мнѣ все равно! Кто же нынѣ изъ порядочныхъ людей думаетъ о религіи. Все это вздоръ, пустяки! Жизнь дана для наслажденій, а не для связыванія себя какими то религіями... Вотъ и Молешотъ говоритъ... и пошолъ, и пошолъ молоть ..

„Не твоему рылу, думалъ про себя Молотовъ, читать Молешота!.. Лучше бы ты остался прежнею невѣжественною свиньею въ дубленомъ полушубкѣ, чѣмъ теперь сдѣлался недоучившимся осломъ въ модномъ фракѣ“.

И Молотовъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ раскольничьяго хлыща.

Съ Фохтомъ и Молешотомъ подъ мышкою, отправился фатъ въ цвѣточный магазинъ Ѳомина покупать дорогой букетъ на вечерній балетъ для одной танцов-

щицы, бойкой мѣщаночки изъ-подъ Новинскаго, умѣвшей на сценѣ задирать ноги выше уха...

Въ богатомъ домѣ на Мясницкой, съ зеркальными окнами и колоннами, проживаетъ у своего дядюшки „раскольничій племянничекъ“. Въ домѣ этомъ бываютъ и продажные ученые, не брезгающіе лапою бурлака хозяина, лишь бы онъ печаталъ въ его типографіи на Пречистенкѣ ихъ ученый хламъ. Тутъ и дорогія голыя статуи, и цѣнныя вазы, и турецкія комнаты, и содержанки француженки, и служба бѣглыми невѣжественными попами по древнимъ старопечатнымъ книгамъ... Словомъ: смѣсь нижегородскаго съ французскимъ! Раскольничій племянничекъ играетъ на домашнемъ билліардѣ въ отдаленныхъ комнатахъ дома. У него два пріятеля изъ богатыхъ московскихъ домовъ и 17-лѣтняя кордебалетчица. Игра идетъ оживленно. Вдругъ въ 8 часовъ входитъ въ билліардную служка и докладываетъ.

— Кузьма Пафнутьевичъ, вашъ дяденька приказалъ васъ просить въ моленную ко всенощной! Ужъ преосвященный Антоній (бѣглый раскольничій архіерей) пріѣхали.

— Поди къ чорту! отвѣчалъ сконфузившись хлыщъ раскольничій, желая поддержать свое достоинство.

— Приказали сейчасъ явиться! настаиваетъ служка.

— Ну, чортъ съ тобой, иду!

— Извините, господа, что я отлучусь на часокъ на верхъ, говорилъ „раскольничій племянничекъ“. — Нельзя... тамъ, знаете, народъ... политическія соображенія... Вы не успѣете между собою сыграть трехъ партій, какъ я вернусь. Вамъ подадутъ шампанскаго, фѣѣ же, m-lle Marie, мороженаго.

Гости согласились на предложеніе и остались въ билліардной.

Въ верхнемъ этажѣ дома Мясницкаго коновода раскола идетъ всенощная. Бѣглые раскольничьи попы, купно съ бѣглымъ архіереемъ, гнусятъ немилосердно... Неотесанный мужикъ, именующійся архіепископомъ московскимъ, махаетъ обѣими руками, благословляя народъ двукиріями и трикиріями. Темная масса умиленно вздыхаетъ и льетъ слезы, радуясь, что видитъ настоящую на землѣ вѣру, обрѣтающуюся въ верхнемъ этажѣ дома Кузьмы Пафнутьевича... Самъ Кузьма съ племянникомъ своимъ, скинувши брелоки, пенснэ и всякія свѣтскія украшенія и облачившись въ раскольничьи холодники, стоятъ впереди темнаго народа и умиленно (разумѣется притворно) вздыхаютъ, корча изъ своихъ физіономій набожныя рожи... Слѣпая масса, взирая на ихъ лица, соображаетъ: значитъ, наша вѣра настоящая, коли самъ Кузьма Пафнутьевичъ и съ племянникомъ своимъ, прошедшимъ всѣ науки, (вѣрнѣе сказать, понюхавшій лишь ихъ около стѣнъ московскаго университета) исполняетъ ее.

И жалкіе слѣпцы, полагающіе въ буквахъ кожаныхъ книгъ церковныхъ всю суть христіанства, чуть не молятся Богу на милліонера дядю съ племянничкомъ...

Ладонъ щедро курится въ моленной; бѣглые самозванцы, іерархи раскольничьи, гнусятъ невыносимо... Раскольничьяго хлыща передергиваетъ отъ дисгармоничнаго завыванія. Онъ представляетъ себѣ оперу, балетъ, оставленныхъ въ билліардной товарищей и кордебалетчицу, клянетъ въ душѣ своей и бѣглаго Антонія, и весь его штатъ безграмотный...

„Чортъ бы побралъ васъ скотовъ! шепчетъ онъ, — и съ вашими старинными книгами. Когда вы наконецъ, свиньи, отпустите меня отсюда?...“

Всенощная кончилась. Кузьма отправился къ Сухаревой башнѣ къ своей француженкѣ; племянничекъ его, скинувъ хламиду, облекся снова въ модный пиджакъ и явился въ билліардную съ словами

— Ну, анаѳемы! я думалъ, они не отпустятъ меня до утра. И эти мужики и бабы, собравшіеся чортъ знаетъ уткуда въ нашъ домъ, умиляются вѣдь... Бараны!

Изъ исторіи рилигій мы знаемъ, что массы всегда шли за вожаками своими, — назывались ли они пророками, какъ у мормоновъ и квакеровъ, или реформаторами, какъ Лютеръ, Гуссъ, Кальвинъ, или просто старшинами секты, — до тѣхъ лишь поръ, пока видѣли въ нихъ искренниxъ адептовъ исповѣдуемаго ими ученія, воодушевленныхъ неподдѣльно вѣрою несокрушимою, съ пламеннымъ словомъ на устахъ и рѣшимостію запечатлѣть свое ученіе смертію, если бы довелось. Но когда осмѣливались являться на этихъ мѣстахъ эксплуататоры, торгаши религіознымъ чувствомъ парода, дерзко надѣвшіе одежду вождей и пророковъ во имя набиванія кармана, или какихъ нибудь позорныхъ расчетовъ коммерчесскихъ, тогда они вѣшались народомъ на первой осинѣ... Чего же заслуживаютъ наши торгаши религіознымъ чувствомъ слѣпаго русскаго народа, такъ святотатственно попирающіе лучшую святыню души, религію... Пусть рѣшатъ вопросъ этотъ сами благоразумные читатели...

VIII.

БОЖІЙ СТРАННИКЪ.

I.

Таинственные путники Черниговской губерніи.

Былъ апрѣль мѣсяцъ 185* года. Мирные жители Черниговской губерніи спѣшили на поля, чтобъ въ потѣ лица своего заработать себѣ хлѣбъ. Всюду на поляхъ замѣтно было копотливое движеніе. Но вотъ, вдоль полей, по проселочнымъ дорогамъ, движется фигура съ загорѣлымъ лицемъ, покрытымъ чернымъ клобукомъ, изъ-подъ котораго блеститъ пара черныхъ, смѣлыхъ глазъ... Грубая черная ряса покрываетъ тѣло путника, а простой кожаный поясъ довершаетъ его уборъ. Рядомъ съ этою фигурою движется малолѣтняя дѣвочка, румяная и свѣжая, едва еще вышедшая изъ дѣтскаго возраста. То были путники, прошедшіе уже большое пространство, отъ Нижняго и до Чернигова! Странникъ, въ монашеской одеждѣ былъ раскольникъ-кантонистъ, Антонъ Савельевъ, а молодая спутница — его родная сестра Марія. Не спокойствіе и миръ живутъ въ душѣ этого путника, не мирныя занятія и копотливое исполненіе своего долга прирождены ему. Нѣтъ, его кипучая натура не ужилась въ этихъ рамкахъ; душа его просила простора... Не задумываясь бѣжалъ онъ изъ раскольничей Нижегородской губерніи, создавая въ душѣ своей планы одинъ другаго смѣлѣе и разнообразнѣе. Ловкій, смышленый, находчивый, смѣлый и неутомимый человѣкъ этотъ не задумывался ни передъ чѣмъ, и еслибъ черезчуръ смѣлая его фантазія знала получше границы свободнаго полета, то онъ долго бы гулялъ по матушкѣ-Россіи, наслаждаясь просторомъ, свободою и плодами своего изобрѣтательнаго ума. Но правдивая судьба, потерявъ терпѣніе свое выдала его, и вотъ онъ, попавшись въ руки правосудія, стоялъ предъ своими судьями. Не дрогнула его натура предъ этими служителями закона, и онъ въ нѣсколько показаній сбилъ совершенно съ толка весь судящій его русскій міръ.

II.

Допросы и показанія.

Откуда и кто ты? допрашивали его въ уѣздномъ судѣ М... уѣзда. „Родомъ я изъ Новгорода", отвѣчалъ смѣло Савельевъ, „и въ одномъ изъ раскольничьихъ монастырей сей губерніи былъ тайно постриженъ въ монахи и наименованъ Аркадіемъ. Принявъ иноческій санъ, я ходилъ по разнымъ монастырямъ, а потомъ, взявъ изъ дому сестру, отправился съ нею въ Москву, на пути изъ которой и былъ задержанъ полиціей". Савельевъ хорошо расчиталъ, что можетъ прокатиться на казенный счетъ до Новгорода, и воспользовался этимъ какъ нельзя лучше. Вскорѣ послѣ сего онъ былъ представленъ въ Новгородъ и вскорѣ же бѣжалъ

снова, бывъ задержанъ въ трактирѣ, при чемъ у него отобраны были деревянный крестъ, четки, восковыя свѣчи, шкатулка и ложное свидѣтельство на свободный пропускъ по россійскимъ городамъ. Изъ допросовъ хозяевъ трактира оказалось, что Савельевъ, назвавшись іеромонахомъ олонецкихъ скитовъ, показывалъ имъ шкатулку и увѣрялъ, что въ ней находятся части мощей св. великомученицы Варвары, къ каковымъ мощамъ они прикладывались и цѣловали при этомъ Савельеву руку, и что, наконецъ, Савельевъ служилъ въ ихъ домѣ молебенъ, за что они и платили ему деньги! На вопросы судей о томъ, гдѣ онъ постриженъ и откуда родомъ, онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что въ монахи онъ никогда посвященъ не былъ, а носилъ монашескую одежду потому, что нѣсколько лѣтъ ходилъ по раскольничьимъ монастырямъ для богомолья и что онъ принадлежитъ къ гренадерскому корпусу, куда и былъ затѣмъ препровожденъ.

III.

Савельевъ, іеромонахъ аѳонскаго монастыря.

Не долго былъ гренадеромъ промѣнявшій подрясникъ и клобукъ на солдатское платье Савельевъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ въ Новгородской губерніи съ фальшивымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ будто бы изъ Минской духовной консисторіи на имя іеромонаха Аркадія, ходилъ смѣло по разнымъ раскольничьимъ монастырямъ, крестя Новгородскую губернію въ разныхъ направленіяхъ. Полюбились ему и тѣнистые лѣса, и привольное житье въ сихъ монастыряхъ! Вездѣ его принимали съ почетомъ, всюду интересовались его разсказами о горѣ Аѳонѣ и ея обителяхъ. Всякій изъ раскольниковъ почти за честь считалъ видѣть въ своемъ домѣ дорогаго гостя изъ уважаемой

страны Греціи и получить отъ него въ подарокъ образокъ, крестикъ, или же четки изъ костяшекъ, собранныхъ имъ на горѣ Аѳонской, и которыхъ у него было большое количество въ запасѣ. Судьба однако снова надсмѣялась надъ нимъ, и онъ снова былъ арестованъ въ одномъ новгородскомъ раскольничьемъ монастырѣ, при чемъ были отобраны отъ него всѣ образа, кресты, четки и другія вещи въ этомъ родѣ. На допросѣ въ новгородской полиціи Савельевъ далъ два показанія совершенно разнорѣчивыя и тѣмъ поставилъ въ тупикъ слѣдователя. Сначала онъ показалъ, что онъ дѣйствительно іеромонахъ аѳонскаго монастыря, Аркадій, но неправильно зачисленный въ кантонисты; почему въ Красномъ Селѣ онъ подавалъ о томъ Государю Императору прошеніе и, не получивъ резолюціи, ушелъ изъ полка, чтобы узнать о своихъ обстоятельствахъ. Потомъ на передопросѣ показалъ, что его прежнее показаніе ложно, что онъ кантонистъ, убѣжавшій изъ полка съ намѣреніемъ посѣтить Святыя мѣста и поклониться святымъ угодникамъ, и что фальшивое свидѣтельство, найденное при немъ, онъ получилъ въ дорогѣ отъ неизвѣстнаго странника. Савельеву надоѣли проволочки суда, прискучила уже и Новгородская губернія, и вотъ онъ захотѣлъ снова прокатиться въ гренадерскій запасный полкъ, гдѣ и содержался подъ арестомъ.

IV.

Романическій побѣгъ изъ тюрьмы.

Былъ декабрьскій холодный вечеръ. Вѣтеръ привольно гулялъ на просторѣ и дразнилъ заключенныхъ въ казематѣ своею свободою. Сердце Савельева тосковало о просторѣ, а раскольничій монастырь съ сво-

ими сытными обѣдами и купцы съ своимъ подобострастіемъ къ иноческому сану стали снова пріятно щекотать его натуру, нетерпящую однообразія... Уже въ головѣ его созрѣли новые планы привольнаго житья въ пространной матушкѣ-Россіи, и рядъ заманчивыхъ дней, когда онъ будетъ снова играть видныя роли въ средѣ простенькихъ, живо рисовался въ его смѣломъ воображеніи. Пробило восемь часовъ. На дворѣ стемнѣло. Въ это-то время, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ Савельевъ переходилъ незастроенное пространство каземата для естественной надобности, какъ вдругъ съ ними поровнялась тройка лихихъ лошадей, запряженныхъ въ простыя легкія сани, и управляемыхъ однимъ человѣкомъ. Савельевъ, едва поровнялся съ санями, какъ ловко вскочилъ въ нихъ, и тройка стрѣлой помчалась по широкой, гладкой дорогѣ, ведущей отъ заставы за городъ, и мигомъ исчезла въ ночной темнотѣ. Конвойные, въ онѣмѣнія и страхѣ, долго стояли неподвижно, боясь тронуться съ мѣста, и поплелись къ острогу уже тогда, когда въ воздухѣ замеръ послѣдній свистъ лихаго возницы и хриплый звукъ полозьевъ, прорѣзывавшихъ хрупкій снѣгъ столбовой дороги.

V.

Савельевъ архимандритъ, членъ Святѣйшаго Сvнода, кавалеръ Анны 3-й степени и настоятель Китайской лавры.

Былъ февраль мѣсяцъ. По площади города Новоржева двигалась фигура въ монашескомъ платьѣ съ посохомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи молодаго мальчика, шедшаго за путникомъ въ качествѣ послушника. Странники приблизились къ гостинницѣ мѣщанина Герасимова и скрылись за стеклянными дверями, выполнявшими роль параднаго крыльца. Чрезъ нѣсколько часовъ, въ одной изъ лучшихъ комнатъ этой гостинницы, за покрытымъ чистою салфеткою и установленнымъ лучшими блюдами столомъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ раскольниковъ города Новоржева, не исключая молодыхъ женщинъ и старушекъ, торопливо прибѣжавшихъ въ гостинницу Герасимова послушать дивныя рѣчи русскаго архимандрита, отца Аркадія, ѣхавшаго въ Китай настоятелемъ новой раскольничьей Китайской лавры, вновь открываемой имъ. Всѣ внимали сладкимъ рѣчамъ архимандрита, боясь проронить словечко. За столомъ, по срединѣ слушающихъ, сидѣлъ Савельевъ (читатель, конечно, узналъ его въ этомъ пунктѣ), полураспахнувъ верхнюю рясу, далъ возможность видѣть слушавшимъ его свою грудь, увѣшанную крестами на разнаго цвѣта лентахъ, въ томъ числѣ и орденомъ святыя Анны 3-й степени на аннинской лентѣ. Въ разговорахъ, вскользь, въ видѣ вставочнаго предложенія, онъ то и дѣло упоминалъ, что онъ архимандритъ, посланный Сvнодомъ и самимъ Государемъ въ Китай, для основанія тамъ раскольничей лавры. Вдругъ, къ общему изумленію слушавшихъ, въ дверяхъ гостинницы появилась полиція и, показавъ архимандриту предписаніе городничаго объ арестованіи, просила его въ острогъ. Шумъ, смятеніе, ропотъ, слезы и недоумѣніе собесѣдниковъ отца-архимандрита немедленно обратили прежнюю мирную и торжественную бесѣду въ толкучій рынокъ. Многіе цѣловали одежду настоятеля Китайской лавры и, принимая отъ него напутственное благословеніе, лобызали его руки, обливая ихъ горячими слезами... Многіе изъявили желаніе сопровождать его въ острогъ и раздѣлять съ нимъ его заточеніе, пока недоразумѣніе городничаго объ его бумагахъ разрѣшится къ его благополучію. Хозяинъ гостинницы, при прощаніи, изъявилъ готовность доста-

влять архимандриту въ острогъ все содержаніе даромъ, лишь бы облегчить его участь и заслужить его вниманіе и молитву. Савельевъ торжественно всталъ изъ за стола, окинулъ презрительнымъ взглядомъ полицейскихъ и, безбоязненно предался въ руки правосудія, выразивъ сожалѣніе о недоумѣніи городничаго на счетъ его особы и надѣясь быть скоро освобожденнымъ. Толпа сопровождала архимандрита до острога.

VI.

Савельевъ, сынъ князя Урусова и кавалеръ разныхъ россійскихъ орденовъ и Большаго креста.

Читатель, быть можетъ, желаетъ знать: по какому случаю городничій города Новоржева, заподозривъ бумаги, приказалъ архимандрита, увѣшаннаго крестами, взять подъ арестъ, тогда какъ настоятель Китайской лавры обошелъ множество раскольничьихъ монастырей и городовъ, особенно уѣздныхъ, не задержанный нигдѣ? Очень просто! Савельевъ промахнулся немного, захотѣвъ снова побывать въ Новгородской губерніи, гдѣ разъ былъ уже задержанъ въ качествѣ іеромонаха Афонской горы. Въ другихъ губерніяхъ его еще не знали въ лицо, но въ Новгородской слухи о подвигахъ Савельева были очень еще живы, и въ Новоржевѣ, въ добавокъ, нашлись люди, которые прямо признали его въ лицо. Отъ арестованнаго архимандрита по этому тотчасъ же попросили видовъ, и онъ не замедлилъ представить городничему два фальшивыхъ свидѣтельства: одно, выданное архимандриту и кавалеру Анны 3 й степени, а другое (на послушника), выданное, будто бы, изъ порховскаго уѣзднаго казначейства 3-й гульдіи купцу, Максиму Суэтову, въ полученіи съ него гильдейской подати. При этомъ отъ Савельева было отобрано изорваное въ мелкіе куски прошеніе на имя архиман-

дрита Аркадія, Островскаго уѣзда, крестьянки Сафоновой, просившей у сего архимандрита (?...) разрѣшенія на повѣнчаніе ея дочери. Новоржевскій уѣздный судъ журналомъ постановилъ: архимандрита и кавалера Анны 3-й степени содержать въ слѣдственной арестанской камерѣ, а взятаго съ нимъ мальчика — въ острогѣ.

Начались допросы. Савельевъ пустился шутить съ судьями, какъ будто бы съ товарищами. По всему видно было, что онъ соскучился уже своею свободою и однобразіемъ своей роли и видимо наслаждался плодами своего ума, которому представился такой просторъ, и своимъ юморомъ, пущеннымъ въ ходъ. На первомъ допросѣ слѣдователя, на вопросы, кто онъ такой? — Савельевъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ іеромонахъ Олонецкой губерніи, странствующій по раскольничьимъ монастырямъ въ качествѣ богомольца и любознательнаго монаха. Судьи обрадовались этой нелѣпости и приготовили на передопросъ вопросы о томъ, какъ же онъ имѣетъ свидѣтельство на имя архимандрита? Дѣйствительно, послѣдній вопросъ вскорѣ данъ былъ Савельеву, и онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно архимандритъ Аркадій и настоятель Катайской лавры, ѣдущій въ Китай съ своимъ послушникомъ. По разнорѣчію этого вторичнаго показанія съ первымъ, Савельеву сдѣлали новый передопросъ, и Савельевъ, не запинаясь, далъ новое показаніе, именно: что онъ сынъ князя Урусова, кавалеръ разныхъ россійскихъ орденовъ и большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго и что доселѣ ходилъ по разнымъ святымъ мѣстамъ безъ дозволенія начальства и безъ письменнаго вида, совершая иногда священнодѣйствія. Когда же, наконецъ, ему дали вопросы объ отобранныхъ отъ него бумагахъ, то онъ прямо показалъ, что бумаги его не дѣйствительны и писаны неизвѣстнымъ ему человѣкомъ на пути.

VII.

Савельевъ крестникъ императора Николая Павловича.

Слѣдователи дѣлали еще нѣсколько допросовъ Савельеву, и Савельевъ былъ по прежнему неистощимъ въ разнообразіи показаній. Въ одномъ изъ такихъ новыхъ своихъ показаній онъ объявилъ, что онъ сынъ раскольничьяго начотчика Олонецкой губерніи, саномъ архимандритъ, и ѣдетъ настоятелемъ въ Китайскую лавру, куда везетъ съ собою образъ Божіей Матери, написанный евангелистомъ Лукою и части мощей преподобныя Анны; въ другомъ, — что онъ неизвѣстнаго рода, былъ крещенъ въ Зимнемъ дворцѣ, при чемъ воспріемникомъ его былъ императоръ Николай Павловичъ; что поступивъ въ монашество, онъ былъ въ греческихъ монастыряхъ и, наконецъ, назначенъ Св. Сѵнодомъ въ Китай. Получивъ столько разнообразныхъ свѣдѣній объ особѣ Савельева, судьи оставили его на время въ покоѣ и обратились къ раскрытію рода и происхожденія его послушника, 15-ти лѣтняго мальчика, одѣтаго тоже въ монашеское платье. Мальчикъ на первомъ же допросѣ показалъ истинное свое происхожденіе, такъ какъ не имѣлъ никакой нужды скрывать себя и вѣрилъ отъ всей души, что онъ ѣдетъ въ Китай. Изъ этого показанія его узнали, что онъ сынъ Лугскаго мѣщанина-раскольника и отданъ въ послушники Савельеву съ согласія своихъ родителей, у которыхъ Савельевъ былъ въ домѣ, жилъ нѣсколько дней, служилъ утрени и вечерни и выпросилъ себѣ сына ихъ съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить его въ монашество. Обратились къ родителямъ этого мальчика и узнали, что показанія его были достовѣрны. Родители его показали то же самое, пояснивъ, что монахъ, называвшій себя архимандритомъ, выпросилъ у ихъ въ монашество сына ихъ, которому они и дали вмѣсто паспорта свидѣтельство уѣзднаго казначейства о взносѣ гильдейскаго капитала.

VIII.

Ревизія церквей и превращеніе Савельева въ природнаго китайца.

По отобраніи показаній отъ обоихъ странниковъ, слѣдователи приступили къ собранію свѣдѣній о дѣяніяхъ архимандрита въ городѣ. Спросили Герасимова, содержателя гостинницы, и узнали отъ него, что Савельевъ, проживая у него и прежде сего, ходилъ не разъ въ тюремный замокъ для подаянія милостыни, говорилъ проповѣди раскольникамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ концовъ города, пѣлъ псалмы и показывалъ икону Божіей Матери, называя ее чудотворною, и хрустальную солонку, объясняя всѣмъ, что въ этой солонкѣ хранятся мощи св. Анны, и что, наконецъ, къ иконѣ и мощамъ этимъ прикладывались всѣ посѣтители и онъ, Герасимовъ. Нѣсколько лицъ города Новоржева, въ томъ числѣ и одна купеческая вдова, извѣстная своею набожностію, спрошенныя слѣдователемъ о дѣяніяхъ архимандрита Аркадія, объясняли, что архимандритъ этотъ говорилъ имъ поученія о томъ, какъ должно вести себя по древнему благочестію и показывалъ имъ хрустальный сосудъ, въ которомъ будто бы находились части мощей, къ которымъ они и прикладывались, причемъ принимали благословеніе отъ архимандрита и цѣловали его руку. Одинъ начетчикъ города Новоржева показалъ еще, между прочимъ, что архимандритъ Китайской лавры при цѣлованіи мощей народомъ, надѣвалъ епитрахиль и пѣлъ тропари Богородицѣ, при чемъ онъ ему даже прислуживалъ. Между

тѣмъ, до засаженія Савельева въ острогъ, члены суда рѣшились дать ему еще разъ допросъ и прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ разузнанія истинны, — священническому увѣщанію. И вотъ Савельевъ стоитъ предъ святымъ Евангеліемъ и крестомъ въ одеждѣ инока! Близъ него священникъ въ епитрахилѣ и съ словами увѣщанія на устахъ. Савельевъ не дрогнулъ при этой церемоніи, и вмѣсто прежнихъ даже сколько нибудь правдивыхъ показаній, чтобы покончить дѣло съ судьями, которые, видимо, ему уже надоѣли, рѣшительно сказалъ, что онъ родомъ китаецъ и показаній па русскомъ языкѣ давать больше не можетъ.

IX.

Всенощная въ острогѣ и осѣненіе молящихся архіерейскими двукиріями.

Былъ восьмой часъ вечера. Острожные арестанты города Н. смиренно стояли въ одной изъ арестантскихъ камеръ, слушая всенощную. По срединѣ комнаты, предъ множествомъ образовъ, собранныхъ въ кучу отъ всюду, и столомъ, покрытымъ приличною пеленою, стоялъ совершитель богослуженія, одѣтый въ мантію и эпитрахиль, въ клобукѣ на головѣ и со свѣчами въ рукахъ. На клиросѣ пѣли трое раскольничьихъ пѣвчихъ, приглашенные архимандритомъ китайскимъ. По временамъ, обращаясь лицомъ къ народу, архимандритъ, одѣтый въ мантію и украшенный крестами, осѣнялъ молящихся свѣчами, сложенными на подобіе архіерейскихъ двукирій. Наконецъ богослуженіе, длившееся далеко дольше обыкновенныхъ всенощныхъ, приблизилось къ концу. Восковыя свѣчи почти всѣ догорѣли; Савельевъ (читатель, конечно, узналъ его въ лицѣ архимандрита) въ послѣдній разъ осѣнилъ молящихся двукиріями и закончилъ богослуженіе.

X.

Розыски и доносы.

Когда вѣсть о всенощной, совершенной Савельевымъ въ острогѣ, разнеслась на другой день по городу, то въ острогѣ сдѣланъ былъ немедленно обыскъ полиціею, которая, однако, не нашла ни мантіи, ни епитрахиля, ни книгъ, по которымъ совершалось богослуженіе. Изъ показаній Савельева объ этомъ видно, что все это было прислано ему мѣстнымъ раскольничьимъ попомъ, но это по разслѣдованію не подтвердилось. Между тѣмъ, во время производства слѣдствія о Савельевѣ, многія лица города сообщили при допросахъ слѣдующія свѣдѣнія о немъ. Содержатель одного постоялаго двора, близъ города Острова, раскольникъ, показалъ, что предъ масляной недѣлей къ нему пріѣзжалъ однажды Савельевъ въ монашеской одеждѣ и пробылъ у него двое сутокъ, занимаясь чтеніемъ и уходя неизвѣстно куда изъ дома. При отъѣздѣ монахъ этотъ подарилъ ему двѣ старинныя иконы, писанныя на доскахъ, и какую-то книжку въ кожаномъ переплетѣ, за что онъ не взялъ съ него никакой платы и въ благодарность далъ ему еще на дорогу овса и денегъ около 25 рублей серебромъ. Одинъ купеческій сынъ, изъ раскольниковъ же, показалъ также, что однажды Савельевъ жилъ въ домѣ отца его, подъ именемъ инока Аркадія, склонялъ его поступить въ монашество и ѣхать съ нимъ въ новооткрытую китайскую лавру, показывая при этомъ въ ихъ семействѣ пузырекъ и увѣряя всѣхъ, что въ немъ находится масло отъ іерусалимскихъ угодниковъ Божіихъ, коимъ и мазалъ всѣмъ лобъ, уши и глаза съ приличными благословеніями. Одинъ протоіерей Троицкаго собора отозвался, что въ февралѣ мѣсяцѣ приходилъ въ соборъ, во время со-

вершенія имъ проскомидіи, монахъ, называвшійся архимандритомъ Макаріемъ, и говорилъ, что онъ ѣздитъ отъ св. сунода для разузнанія нуждъ церквей и православнаго духовенства... При чемъ, вошедши въ алтарь, велъ себя какъ слѣдуетъ архимандриту и просилъ его вынуть часть изъ просфоры за здравіе Аркадія и отрока Василія, за что и заплатилъ 50 к. с. Послѣ чего стоялъ посреди церкви всю литургію прилично, но съ видимымъ любопытствомъ, впрочемъ иконамъ не молился, и по окончаніи обѣдни, осмотрѣвъ съ нимъ холодную церковь и ризницу, похвалилъ за все это протоіерея. Дьяконъ этого же собора показалъ, что однажды послѣ заутрени подъѣхалъ къ собору монахъ, называвшійся архимандритомъ Аркадіемъ и объявилъ ему, что онъ командированъ въ Китай правительствомъ и желаетъ отслужить молебенъ въ соборѣ. Не имѣя причинъ отказать въ этомъ архимандриту, онъ призвалъ священника и, при содѣйствіи ихъ, торжественно отслужилъ ему молебенъ въ соборѣ Тихвинской Божіей Матери. Такое обстоятельство вполнѣ подтвердилъ при допросѣ и пономарь, участвовавшій при молебнѣ.

XI.

Допросы и сумашествіе.

Савельевъ при допросахъ. Предъ столомъ, въ присутствіи членовъ суда, онъ стоитъ свободно, но показывая видъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ еще не игралъ этой роли и потому ему захотѣлось познакомиться и съ нею!... Среди допросовъ онъ развязно вынимаетъ платокъ изъ кармана и закрываетъ имъ лицо, говоря что чувствуетъ себя слабымъ и что онъ давно страдаетъ кровотеченіемъ. По закону допросы не дол-

жны были прекратиться дотолѣ, пока не будетъ ему сдѣлано медицинскаго осмотра. Чрезъ нѣсколько времени медицинскій осмотръ былъ произведенъ и, какъ оказалось, Савельевъ былъ здоровешенекъ. Прошло еще нѣсколько дней, и Савельевъ, принимавшій въ острогѣ жителей города, считавшихъ его за мученика полиціи, потребованъ былъ снова къ допросамъ. — Не важное дѣло, думалъ Савельевъ, еще много ролей я не испытывалъ,—и, представляя изъ себя сумашедшаго, сталъ говорить всякій вздоръ, а, наконецъ, и вовсе отказался отвѣчать, кивая головой и прося знаками бумаги. Подали бумагу, и Савельевъ написалъ на ней слѣдующія слова: „я глухъ, нѣмъ и безграмотенъ, потому прошу прекратить допросы". Снова было сдѣлано ему медицинское освидѣтельствованіе, и снова Савельевъ, найденный врачемъ здоровымъ душевно и тѣлесно, отказался отвѣчать слѣдователямъ и снова потребовалъ бумаги, на которой написалъ: „я отвѣтовъ не могу дать, потому что разныя дѣлали пытки, водою холодною на голову лили и совершенно имѣю меланхолію въ головѣ, ибо простужены мозгъ и ломота". Получая такіе письменные отвѣты, судьи прекратили допросы и перевели Савельева изъ арестантской въ острогъ.

XII.

Похожденія Савельева изъ острога.

Едва перевели Савельева въ острогъ, какъ набожные жители толпами осаждали двери острога, принося разныя подаянія заключенному и вымаливая благословеніе у невиннаго страдальца. Скоро и самъ городничій, поддавшись деньгамъ, сталъ смотрѣть сквозь пальцы на похожденія Савельева. По донесенію одного бла-

гочиннаго, Савельевъ составлялъ предметъ благоговѣнія молящихся, такъ что по окончаніи службы въ раскольничьихъ домахъ, народъ толпами ожидалъ его при выходѣ и тѣснился принять его благословеніе, и визитаціи Савельева по городу расширились до страшныхъ размѣровъ. Приглашеніямъ его въ домы раскольниковъ не было конца Одни приглашали его побывать въ ихъ банькѣ, а другіе осчастливить ихъ присутствіемъ при обѣдѣ или ужинѣ, а нѣкоторые довольствовались и тѣмъ, что онъ сказалъ въ ихъ домѣ нѣсколько нравоучительныхъ и душеспасительныхъ истинъ. Между тѣмъ дѣло о китайскомъ архимандритѣ дошло и до губернатора, который командировалъ для этого, на мѣсто ареста архимандрита, чиновника особыхъ порученій. Съ пріѣздомъ этого чиновника дѣло Савельева перевернулось. Тотчасъ сдѣланъ былъ ему строгій осмотръ и по обыскѣ отобраны отъ него образочки, кресты, пелены, лампадки, восковыя свѣчи, ладонъ, разныя книжки духовнаго содержанія, записки, стихи и денегъ одна копѣйка серебромъ, какъ доказательство его безкорыстія. Надзоръ за нимъ усиленъ и всякій выводъ въ городъ воспрещенъ, хотя городничій, руководясь, по прежнему, чувствомъ благодарности за денежки, и просилъ однажды чиновника послѣ отбитія зари дозволить архимандриту сходить въ одинъ домъ раскольничій. Между тѣмъ, къ довершенію несчастія Савельева при новомъ его обыскѣ въ переплетѣ одной книги нашли у него заклеенымъ свидѣтельство, выданное, будто бы, изъ санктпетербургскаго сѵнода, на проѣздъ настоятелю Китайской лавры архимандриту Аркадію, ѣдущему съ образомъ Божей Матери, написаннымъ евангелистомъ Лукою, и съ частію мощей святой Анны. Увидѣвъ, что пора покончить здѣсь свои дурачества, Савельевъ рѣшился бѣжать и перемѣнить мѣстность.

XIII.

Настоятель китайской лавры окончательно проваливается.

Между тѣмъ какъ Савельевъ рѣшился бѣжать и, перемѣнивъ мѣстность, продолжать свое занимательное странствованіе по морю житейскому, одно обстоятельство нечаянно измѣнило вновь весь ходъ дѣла. Одинъ рядовой инвалидной команды, увидавъ въ Новоржевскомъ острогѣ Савельева, призналъ его за кантониста 1-го учебнаго карабинернаго полка и объявилъ начальству, что съ этимъ кантонистомъ онъ однажды содержался въ Новгородскомъ тюремномъ замкѣ около мѣсяца. Навели справку въ конторѣ Новгородскаго тюремнаго замка и въ бывшемъ 1-мъ учебномъ стрѣлковомъ полку, и показаніе рядоваго подтвердилось. Дѣла Савельева съ этого времени пошли подъ гору... Немедленно его отправили подъ строжайшимъ карауломъ въ Новгородъ, предъявили его тамъ мачихѣ его и бывшему квартальному надзирателю Новгородской городской полиціи, которые признали Савельева. Дѣло выходило плохое, но Савельевъ не унывалъ! Онъ какъ будто считалъ это за шутку судьбы и надѣялся еще измѣнить свои обстоятельства. Вѣра въ себя его не оставляла, и мы увидимъ сейчасъ, что онъ дѣйствительно устроилъ свои дѣла такъ, что былъ ужъ одною ногою на пути къ побѣгу.

XIV.

Манджурскій языкъ, или утопающій хватается и за соломенку.

Когда Савельева передали военному суду при внутреннемъ гарнизонномъ баталіонѣ, и члены военно-

судной коммиссіи приступили къ допросамъ, то Савельевъ начертилъ какіе-то знаки и сказалъ, что это написано по-манджурски, что онъ писать по русски не умѣетъ и перевести написаннаго не можетъ, а предоставляетъ это сдѣлать переводчику. Онъ сообразилъ, что для этого нужно будетъ давать знать азіатскому департаменту въ Петербургъ и ждать отвѣта. Дѣло тянулось таки порядочно, пока азіатскій департаментъ отвѣтилъ военно-судной коммиссіи, а Совельевъ въ это время наслаждался полнымъ спокойствіемъ и придумывалъ новые планы, какъ бы подольше продолжить свое дѣло и, между тѣмъ, найти случай перемѣнить мѣстность. Наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ азіатскаго департамента, который извѣщалъ военно-судную коммиссію, что присланная ему рукопись для перевода была разсмотрѣна какъ переводчикомъ манджурскаго языка, такъ и прочими находящимися въ вѣдѣніи департамента драгоманами, которые удостовѣрили, что она состоитъ изъ вымышленныхъ знаковъ, въ числѣ коихъ есть нѣкоторые похожіе на арабскія буквы, но отнюдь не на манджурскія. Савельеву объявили эту бумагу и потребовали къ новымъ допросамъ, причемъ прочитали и законы относительно упорства, угрожая составить объ этомъ актъ. Но Савельеву не впервые щеголять своимъ умомъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Если такъ, подумалъ онъ, то и мы не дадимъ маху... Голова на плечахъ, а съ нею не пропадешь!

XV.

Нашла коса на камень.

Члены военно-судной коммиссіи за столомъ; предъ ними Савельевъ. „Кто ты такой и откуда родомъ!“ дали ему вопросы. „Я сынъ князя Урусова, отвѣчалъ

не запинаясь Савельевъ, и архимандритъ Китайской лавры, Аркадій. Воспитаніе я получилъ въ С. Петербургѣ, потомъ былъ въ Турціи у раскольниковъ и по виду, выданному мнѣ отъ туркестанскаго правительства, возвратился въ Россію. Въ С. Петербургѣ и Москвѣ я имѣлъ священнослуженіе съ архіепископами раскольничьими и ѣду въ Китай. Обо всемъ этомъ прошу военно-судную коммиссію сдѣлать справки.“ Когда его попросили отвѣты свои подписать, то онъ отвѣчалъ, что умѣетъ только читать по русски, пишетъ же на однихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на китайскомъ и манджурскомъ, на какихъ, будто бы, языкахъ и подписалъ свои показанія. Савельевъ расчитывалъ, что этимъ показаніемъ затянетъ снова свое дѣло, но военно-судная коммиссія составила актъ, которымъ опредѣлила: не домогаться болѣе отъ Савельева никакихъ отвѣтовъ и допросы прекратить. „Вотъ что! подумалъ Савельевъ. Если вѣтеръ подулъ въ эту сторону, то и я маху не дамъ“. Онъ тотчасъ назвался больнымъ, прикинулся помѣшаннымъ и потребовалъ, чтобы его отправили въ больницу для излеченія. Противъ закона никто, какъ извѣстно, поступать не можетъ, сумашедшихъ не судятъ и приговора надъ ними не произносятъ, потому Савельевъ и поселился преспокойно въ больницѣ, гдѣ и приступилъ на досугѣ къ плану, давно задуманному имъ.

XVI.

Послѣднее покушеніе Савельева на побѣгъ.

Поступивъ въ больницу, Савельевъ прежде всего занялся разборомъ лицъ, его окружающихъ, чтобы вѣрнѣе идти къ своей цѣли. Въ простачкахъ, какъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ недостатка и въ больницѣ ихъ

нашлось тоже не мало. Савельевъ прежде всего заставилъ увѣровать въ свой санъ фельдшера, который доставлялъ ему бумагу съ чернилами и сбывалъ его письма, къ разнымъ лицамъ адресованныя. Одинъ изъ караульныхъ, религіозность котораго Савельевъ скоро замѣтилъ, тоже былъ забранъ архимандритомъ Китайской лавры въ свои руки, такъ что кромѣ того, что онъ, стоя на караулѣ въ свои часы, допускалъ къ нему лицъ изъ города, но даже далъ обѣщаніе постричься въ монахи и ѣхать съ нимъ въ Китайскую лавру. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ больныхъ арестантовъ, раскольникъ, былъ преданъ Савельеву до того, что хотѣлъ ѣхать тоже съ нимъ въ Китай. Имѣя столько лицъ подъ рукою, Савельевъ смѣло уже приступилъ къ дѣлу. Заскрипѣли перья подъ его рукою, полетѣли письма къ лицамъ города, и чрезъ нѣсколько дней существованія его въ больницѣ къ нему уже однажды пришла женщина и подала письмо со вложеніемъ 25 р. сер. Къ его услугамъ явились хорошій шлафрокъ, сорочки и сапоги, приличные архимандриту и присланные тоже изъ города. Отовсюду стали приносить письма со вложеніемъ денегъ и вещей, начиная съ образковъ, крестиковъ, чотокъ и т. п., и хорошая пища, которою, за избыткомъ, онъ дѣлился даже съ тѣми арестантами, которые могли быть ему нужны. Пообставивши себя такимъ образомъ, Савельевъ приступилъ къ послѣдней операціи, нужной для побѣга тому, кто не хочетъ быть задержаннымъ на десяти шагахъ послѣ побѣга. Именно: онъ заготовилъ себѣ фальшивый видъ съ печатями и подписями разныхъ рукъ, выданной, будто бы, изъ красноярской духовной консисторіи на имя епископа Нифонта и 3-хъ іеромонаховъ для свободнаго пропуска по всѣмъ городамъ Россійской имперіи, запасшись вмѣстѣ съ тѣмъ снимками образовъ на холстѣ, кусками деревянныхъ чашекъ съ церковными изображеніями, духовными книгами, стихами, кусками церковной пелены и всѣми, въ этомъ родѣ, принадлежностями странствующаго монаха... Послѣ всего этого осталось только назначить день побѣга всѣмъ тремъ лицамъ — и дѣло съ концомъ. Такъ и было сдѣлано! Но судьба снова впуталась въ его дѣла и испортила его планъ.

XVII.

Открытіе умысла къ побѣгу и розысканія полиціи.

Одинъ арестантъ, выписавшійся изъ больницы, въ которой содержался Савельевъ, объявилъ дежурному по карауламъ, что Савельевъ намѣренъ бѣжать и имѣетъ переписку со многими лицами города. Этотъ доносъ раскрылъ глаза начальству, которое доселѣ смотрѣло на Савельева, какъ на больнаго. Тотчасъ же въ расплохъ сдѣланъ былъ строгій обыскъ въ больницѣ комнатъ, въ которыхъ жили Савельевъ и лица, намѣревашіяся съ нимъ бѣжать въ Китай. У Савельева отобрали и фальшивый видъ, и церковныя вещички, и деньги, и одежду, и письмо изъ города, между которыми особенно замѣчательно было письмо, написанное женскою рукою и содержавшее въ себѣ слѣдующія строки: „Мое воздыханіе къ Господу Іисусу, лежащему во гробѣ въ Китайской имперіи въ Туркестанѣ“. Караулъ за этими лицами былъ втрое увеличенъ, и Савельевъ уже струсилъ не на шутку. По доносѣ лицъ города, вслѣдстіе найденныхъ у Савельева писемъ, одна купеческая дочь, которой принадлежали приведенныя нами сейчасъ строки, показала, что она познакомилась съ Савельевымъ около двухъ лѣтъ тому назадъ или болѣе, когда арестантъ этотъ приходилъ въ домъ отца подъ видомъ архимандрита. Послѣ сего она видѣлась съ нимъ во 2-й разъ, когда онъ уже содер-

жался въ тюремномъ замкѣ, при чемъ онъ сказывалъ ей, что онъ содержится въ острогѣ за то только, что монахъ. Вполнѣ вѣря ему, она чувствовала къ нему состраданіе и готова была отдать все, лишь бы видѣть его свободнымъ. Зная ея расположеніе къ монашескому сану, онъ не разъ ей совѣтовалъ поступить въ монастырь, и она, чувствуя вѣру въ его совѣты, дѣйствительно хотѣла уже бѣжать изъ дома родителей, которые не позволяли ей принять иноческаго сана. Одинъ изъ арестантовъ, содержавшихся вмѣстѣ съ Савельевымъ въ больницѣ подъ арестомъ, показалъ, что онъ видѣлъ не разъ, какъ Савельевъ рисовалъ карандашемъ на каленкорѣ плащаницу и раскрашивалъ чашечки изображеніями церковными. Одинъ купецъ 3-й гильдіи, изъ раскольниковъ, объяснилъ, что съ Савельевымъ познакомился онъ, какъ съ монахомъ изъ Петербурга, въ чемъ былъ убѣжденъ его костюмомъ и истино монашескимъ со всѣми обращеніемъ, замѣчательныхъ даже среди монаховъ, вслѣдствіи чего и велъ съ нимъ дружескія отношенія и считалъ за долгъ отвѣчать на его просьбы и письма изъ больницы острога.

XVIII.

Подписаніе выписки изъ приговора суда.

Когда военно-судная коммиссія сообразила обстоятельства дѣла Савельева, то приступила къ подписанію выписки изъ дѣла. Всѣ его похожденія были приведены въ порядокъ, и на все почти сдѣланы были нужныя справки. Потребовали Савельева въ коммиссію суда и предложили ему подписать эту выписку. Савельевъ, выслушавши дѣло, объявилъ, что она не полна... и что, между прочимъ, не сдѣлано сношенія о его званіи съ туркестанскимъ

правительствомъ. Ему прочли законы объ упорствѣ и пригрозили строгостію ихъ за подобные поступки подсудимыхъ, объяснивъ, что въ противномъ случаѣ составится актъ объ этомъ. Савельевъ смекнулъ что такими вѣщами онъ можетъ, дѣйствительно, только портить дѣло и подмахнулъ выписку самыми разнообразными вымышленными знаками, сказавъ, что порусски это означаетъ: архимандритъ Аркадій! Это была послѣдняя его игра съ судьями и насмѣшка надъ закономъ. Удастся-ли ему еще погулять по матушкѣ Россіи и наслаждаться плодами свободы, не знаемъ.

IX.

ЮНЫЙ РАБОТКОВЪ.

I.

Западня.

Въ одномъ изъ первыхъ чиселъ августа 186* года солнце палило, какъ въ началѣ лѣта. Въ поляхъ у крестьянъ дѣло валилось изъ рукъ. Въ Сермячскомъ лѣсу, Петергофскаго уѣзда, кроясь отъ удушливаго зноя, спустился съ кручи 20-лѣтній крестьянинъ и легъ подъ ракитою у холоднаго ключа на желтомъ и сыромъ пескѣ. Дубовые кусты лѣпились по скатамъ оврага и оттѣняли влажный ключъ, тихо струившійся изъ разсѣлинъ горъ. Глубокій оврагъ, вѣками просѣченный ключемъ, зеленѣлъ бархатной пушистой травой. Солнечные лучи почти никогда не касались его холоднаго серебристаго дна. Работковъ, такъ звали молодаго парня, напился берестой холодной воды, оглядѣлся кругомъ и, вынувъ изъ кармана книгу „Указаніе пути въ царство Небесное", сталъ внимательно ее читать. По временамъ тяжелый вздохъ вырывался изъ груди его, руки складывали крестное зна-

меніе, глаза нерѣдко поднимались къ небу и по-долгу останавливались на синемъ небосклонѣ. Книга видимо трогала 20-лѣтняго юношу и вызывала невольно внѣшніе знаки умиленія... Наконецъ Работковъ дочитался до словъ: „Есть въ человѣкѣ такая боль грѣха, которую нельзя вылечить ничѣмъ, кромѣ вырѣзанія или выжиганія"... и сильно задумался... Книга у него была скопческая, всѣми мѣрами втираемая насильно въ руки народу... Работковъ нашелъ ее подкинутою къ себѣ въ головы въ полѣ на жнитвѣ не далѣе, какъ наканунѣ того дня. Смыслъ словъ вызывалъ чтеца на размышленіе о лучшей загробной жизни, въ которую ведетъ скопчество самымъ вѣрнымъ путемъ, и о царскихъ чертогахъ, которые уготовлены дѣтушкамъ, царемъ, будто-бы Петромъ III, который какъ поютъ скопцы:

Оставилъ столичные грады,
Оставилъ Питеръ, Москву —
Оставилъ гранитовыя палаты
И всѣ мраморные дворцы
И высокій тронъ свой,
Пересталъ гостить на немъ
И Святымъ Духомъ заблажилъ...

и уготовилъ царскіе чертоги у Отца Небеснаго для всѣхъ оскопленныхъ.

Бѣдность мужицкая, скудная доля, тяжелый трудъ усилили въ Работковѣ чувство недовольства жизнію и распаливали страсть хоть въ будущей жизни получить себѣ мѣстечко получше...

Работковъ читаетъ слова, будто-бы, Петра III къ скопцамъ:

Что вы, вѣрные, избранные!
Я дождусь той поры времечка:
Перебирать буду всяко сѣмячко
Я отъ чистыхъ не укроюся,
Надъ царями царь откроюся.
Завладѣю всѣми престолами
И короною съ державою...

Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
И вы рядомъ со мною сидете...

Для простаго человѣка нельзя говорить простѣе, обаятельнѣе: этотъ языкъ эти обѣщанія, эти уподобленія, эти лестныя ожиданія скопца... прямо льнутъ въ простую душу и невольно внѣдряются въ ней.

И запала въ голову молодаго парня крѣпкая дума о сидѣніи рядомъ съ царемъ Петромъ III, расширилась его умиленная душа, и, глядя на синеву небесъ, онъ уносится уже мыслію въ царство лучшее, въ царство небесное, гдѣ онъ будетъ ликовать со ангелы, и духи небесные будутъ служить ему. Чѣмъ дальше онъ читалъ книгу, тѣмъ выше парилъ мыслію и настоятельнѣе размышлялъ о пути въ царство небесное...

Солнце, между тѣмъ, начинало склоняться къ вечеру и стало заходить за тучки.

II.

Царская печать.

Съ тѣнистыхъ горъ, изъ лѣса, вдоль извилистаго оврага, съ высокимъ посохомъ въ рукѣ, спускался тѣмъ временемъ въ долину старикъ. Сѣдые волосы его ярко бѣлѣли среди темной зелени лѣса, а бѣлый суконный длинный кафтанъ придавалъ его фигурѣ видъ неземнаго жителя. Фуражка съ большимъ прямымъ козыремъ, низко надвинутая на глаза, увеличивала странность одѣянія таинственнаго путника. Осторожно раздвигались кусты горъ, мягкою поступью скользилъ незнакомецъ по зеленой травѣ и жадно впивался стеклянными глазами въ молодое тѣло умиленнаго Работкова. То былъ извѣстный въ Петербургѣ фанатикъ-скопецъ, преданный дѣлу пропаганды до изступленія...

Его желтое, безбородое лице, осунувшіяся щеки, мутные глаза извѣстны были всѣмъ мѣнялам Петербурга. Съ устъ пропагандиста исходятъ слова писанія: Дамъ имъ (будто бы скопцамъ) въ дому моемъ и въ оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ и не оскудѣетъ. (Ис. L. VI. 5). Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ: сіи суть куплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу (Апок. XIV. 4). Изможденный давнимъ оскопленіемъ, фанатикъ искалъ себѣ жертвъ и внѣ Петербурга, въ одеждѣ скопца-пилигрима странствуя по селамъ и деревнямъ. Его острый ножъ съ лезвіемъ бритвы не лежалъ въ ножнахъ спокойно безъ работы. Семейное людское счастье, какъ злой старой дѣвѣ, было ненавистно давнишнему калѣкѣ, и онъ съ наслажденіемъ рѣзалъ обманутыя жертвы...

Работковъ, лежа у ключа, читалъ въ книгѣ слова:

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Обогрѣй ты насъ красно солнышко.
Прикатися къ намъ государь батюшка
Съ восточной, государь, со сторонушки,
Изъ своей, государь, изъ неволюшки...
Покажи-жъ ты намъ свой пречистый ликъ.

Фанатикъ съ быстротою кошки прильнулъ къ своей жертвѣ и изсохшими устами прошипѣлъ:

Ну! Богъ помочь тебѣ, братъ!
Эка, Богъ тебѣ радъ,
Подастъ душѣ твоей много наградъ,
Ты будешь имѣть много отрадъ, —
Пошлетъ въ нутро твое благодать.
Не изволь братъ унывать!

Работковъ онѣмѣлъ. Онъ пораженъ необычайнымъ явленіемъ.

Онъ слушаетъ льстивыя рѣчи фанатика про батюшку искупителя Петра III, про матушку Акулину Ива-

новну, про караблики скопческіе, на которые стоитъ только сѣсть, и поѣдешь прямо въ царство небесное... и въ благоговѣйномъ умиленіи изъявляетъ желаніе поскорѣе поѣхать на скопческомъ корабликѣ въ это царство небесное...

„И дамъ ти ключи въ царствіе Божіе", сказалъ фанатикъ, положивъ предъ Работковымъ мѣшокъ съ серебряными деньгами, „и утѣшатъ тя въ день печали"...

Работковъ, не имѣвшій отъ роду въ рукахъ такой кучи серебряныхъ денегъ, внѣ себя отъ радости. Онъ начинаетъ пересчитывать серебряные старинные талеры и позволяетъ себя, по предложенію странника, осмотрѣть: годенъ ли онъ будетъ въ царство небесное?

Чрезъ три минуты острая какъ булатъ бритва фанатика внезапно скользнула по грѣшнымъ членамъ здороваго тѣла обманутаго Работкова... Совершивъ скопческую операцію, фанатикъ поднялъ упавшія на землю грѣшныя части и, показывая ихъ впавшей въ обморокъ жертвѣ, въ фанатическомъ торжествѣ воскликнулъ:

Вотъ, смотри
На сокрушеннаго змія!

Улыбка изступленной радости искривила его сухія уста; глаза сверкнули мутнымъ блескомъ, и фанатикъ, обливъ рану ѣдко-лекарственною водою, прошипѣлъ:

Водою
и духомъ! —

и быстро исчезъ между деревъ, скрываясь отъ лежавшей въ безпамятствѣ жертвы. То была царская печать, прикладываемая скопцами къ тѣлу новой жертвы! На стемнѣвшемъ небосклонѣ, подернутомъ синей тучей, сверкнула молнія, освѣтивъ лѣсъ, долину и ручей съ покинутою жертвою фанатическаго изступленія, и, какъ бережно несомая свѣчка, тихо мигая, выбивалась изъ подъ тучки вечерняя зарница.

Къ утру только, приходя въ себя, Работковъ вспомнилъ, что у него есть въ деревнѣ молодая жена... и запоздалыя слезы градомъ потекли изъ его глазъ.

III.

Сонъ Богородицы.

Въ семействѣ крестьянина Іевлева, дер. Малыхъ Ижоръ, Петергофскаго уѣзда, за неимѣніемъ полезныхъ народныхъ книгъ, издавна пристально читалась скопческая книжка „Сонъ Богородицы", принесенная извѣстнымъ уже намъ фанатикомъ-мѣнялою, крестившимъ Петербургскую губернію во всѣхъ направленіяхъ и вторгавшимся въ мирныя семейства слѣпотствующихъ крестьянъ... Серебряные Павловскіе рубли, расточаемые безъ скупости среди народа бѣднаго, имѣли свое дѣйствіе. Брались деньги, брались и скопческія книжки въ родѣ „Сна Богородицы". Книжка эта въ семействѣ Іевлева, какъ и вездѣ, гдѣ появлялась, произвела желанные результаты. Глава семейства, 50-лѣтній крестьянинъ, Кирилъ Іевлевъ, еще въ 1858 году сдѣлался жертвою петербургскаго фанатика-мѣнялы, заплатившаго за это Іевлеву 40 серебряныхъ талеровъ. Изувѣрство, ворвавшись въ семейство, неудержимымъ потокомъ разлилось на всѣхъ членовъ его, не пощадивъ даже и 11-лѣтнихъ дѣтей!.. Сонъ Богородицы читался и читался, а члены семейства Кирилы Іевлева рѣзались и рѣзались. Старшій сынъ его, оскопленный уже отцомъ своимъ, Никита Кириловъ, 26 марта 1859 года бѣжалъ изъ кронштадскаго № 2 баталіона, и, соединившись съ оскопленною своею теткою, сестрою отца, вдовою Степанидою, подъ звуки „Сна Богородицы", оскопилъ и малолѣтнихъ въ семействѣ своемъ. Правосудіе въ 1860 году нашло уже

все семейство Кирила Іевлева повально оскопленнымъ. Жены сыновей Кирила найдены съ вырѣзанными грудями, такъ что на мѣстѣ сосковъ были только поперечные синіе рубцы, прижженые раскаленнымъ желѣзомъ...

Сѣдой фанатикъ, оставивъ Работкова, посѣтилъ домъ Кирила Іевлева, сотворилъ у него радѣніе и оставилъ нѣсколько серебряныхъ рублей для передачи новымъ жертвамъ, уловленнымъ Іевлевымъ — Никитѣ Яковлеву и Ефиму Иванову, крестьянамъ деревни Малой же Ижоры, назначивъ имъ свиданіе въ слѣдующую ночь въ прибрежномъ лѣсу.

IV.

На берегу моря.

Синее чистое небо торжественно и необъятно стояло надъ моремъ 4 августа 186* года со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Мѣсяцъ высоко стоялъ на синемъ небосклонѣ и серебристымъ потокомъ разливался въ тихихъ водахъ Финскаго залива. Прибрежный тростникъ, безмолвно рисуясь на стекляной поверхности водъ, изрѣдка шумѣлъ, колеблемый набѣжавшей волной. Свѣжій запахъ скошеной травы, насыщая воздухъ, густымъ тяжелымъ слоемъ висѣлъ надъ самой землей. Заря давно уже погасла, и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ. Сквозь тонкія зеленыя вѣтви деревъ слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Такая ночь, такая природа способны смягчить душу закаленнаго разбойника, который, отлагая въ сторону преступные замыслы, сладкимъ сномъ засыпаетъ, убаюканный природою. Но красы природы, созданной Богомъ для наслажденія человѣка, не трогаютъ фанатической души ожесточеннаго скопца... Сѣдой фанатикъ,

съ длиннымъ козыремъ на лбу, спѣшитъ невозмутимо на мѣсто свиданія съ новыми жертвами. Два мѣшка мѣдныхъ денегъ лежатъ уже на зеленой травѣ, хитро прикрытые верхнимъ слоемъ серебряныхъ рублей... Глаза бѣдныхъ, оборваныхъ крестьянъ, Никиты Яковлева и Ефрема Иванова, разбѣгаются при взглядѣ на такія сокровища. Съ обнаженною грудью сидѣлъ одинъ изъ нихъ близъ мѣшка съ деньгами и лѣниво щипалъ траву въ то время, когда фанатикъ читалъ надъ ними скопческія клятвы, заклиная нерушимо, до конца жизни: „во-первыхъ удаляться отъ обращенія съ женщинами и кинуть женъ своихъ, какъ змій ядовитыхъ, какъ самую гнусную скверну, во-вторыхъ проклясть дѣтей своихъ, которыя не позволятъ приложить себѣ царскія печати...“ При этихъ словахъ Яковлевъ, сидѣвшій полуобнаженнымъ на сѣромъ армякѣ своемъ, зашаркалъ дрожавшими ногами (у него было семеро малолѣтнихъ дѣтей) и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, махнулъ одной рукой, какъ бы желая сказать: „куда ни шло! быть тому!“

— „Съ міромъ дружбы не водить, въ пріязнь не входить“, говорилъ фанатикъ своимъ жертвамъ и поднесъ имъ въ это время причастіе изъ пузырька, оказавшееся сильными сонными каплями...

— „Не ходить къ мірянамъ, ни на свадьбы, ни на крестины; ни въ праздники, ни въ будни мяснаго не ѣсть, а питаться только растеніями, молочнымъ и рыбнымъ“...

Слышавшіе покатились на траву въ забытьѣ; бритва фанатика мгновенно скользнула по тѣламъ ихъ. Свершилось новое злодѣйство, и двѣ новыя жертвы слѣпоты и невѣжества народнаго лежали безъ памяти на свѣжей травѣ, облитыя матовымъ свѣтомъ привѣтливой луны. Обратившись къ искалѣченнымъ, скопитель произнесъ:

Оставайтесь вы, сироты,
Вы, сиротинушки, остантесь,
Живому Богу достантесь;
А мнѣ дайте въ помогу
Катиться въ путь дорогу! —

и покатилъ дальше въ путь-дорогу. Путникъ этотъ испортилъ свою жизнь, ему хочется портить ее и у другихъ... Его ножъ не лежитъ спокойно въ ножнахъ, его черствая душа, потерявъ давно пониманіе прекраснаго Божьяго міра, въ слѣпомъ изувѣрствѣ можетъ наслаждаться только пролитіемъ человѣческой крови... Съ высоты горы, обернувшись лицомъ къ жертвамъ, онъ пробормоталъ, протягивая руки:

Милость, милость,
Покровъ, покровъ! —

и исчезъ въ чащѣ густаго лѣса.

И остались его сироты на окрававленной травѣ, оторваные навсегда отъ міра семейнаго и общества людскаго... Къ нимъ приложились „царскія печати" самого батюшки-искупителя, которыя сдѣлали ихъ навсегда отверженниками неба и земли!...

Свершивъ преступленіе, фанатикъ зашагалъ далѣе по „царскому пути" для спасенія душъ царскихъ сиротушекъ... Слабый вѣтеръ чуть-чуть потянулъ по верхушкамъ деревъ, листья тихо зашумѣли надъ головою безчувственныхъ труповъ. Съ сего часа природа и для нихъ потеряла навсегда свое обаяніе! Съ потухшимъ взоромъ, съ злобою въ душѣ, лишившись способности наслаждаться семейными радостями и спокойствіемъ общественнымъ, они скоро пойдутъ по стопамъ ихъ скопителя по „царскому пути ихъ батюшки-искупителя, и съ необузданнымъ изувѣрствомъ будутъ рѣзать другихъ.

Скоро совсѣмъ замолкло въ лѣсу; море не шелохнетъ; деревья почти замерли на мѣстѣ, какъ бы внимая совершенному злодѣйству, а фанатикъ, какъ „вѣчный жидъ", шелъ все дальше и дальше. Онъ близился по „царскому пути" къ Петербургу, къ своимъ дѣтушкамъ, петербургскимъ мѣняламъ... Тамъ у оскопленныхъ дѣтушекъ

За страданія, дарованія
Злата, серебра, крупна жемчуга,
И съ пресвѣтлыми бриллiантами —

было много ему работушки...

V.

Бѣлыя монахи.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ на Охтѣ стоитъ угрюмый большой домъ. Высокій заборъ, старый садъ, огромныя ворота, глухая калитка день и ночь запертая на цѣпь, придавали этому дому видъ монастыря. То былъ дѣйствительно монастырь скопческій! На иждивеніе знакомаго намъ мѣнялы-фанатика здѣсь содержалось тайно до 40 оскопленныхъ дѣвицъ, жертвъ простоты и невѣденія... Ихъ покупалъ фанатикъ-скопецъ у отцевъ и матерей за себряные талеры Павловскаго чекана и, затѣмъ, оскопивъ, призрѣвалъ въ своей богадѣльнѣ. Отцы разживались на серебряные рубли, а дочери жили за готовымъ кормомъ, чего же больше русскому мужику, не понимающему ни себя, ни окружающаго?.. Скопцы твердятъ слова Апокалипсиса: „и видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыре десять и четыре тысящи, имуще имя Отца его написана на челѣхъ своихъ... искуплена отъ земли: сіи суть искуплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу"; (Апокал. XIV. 1, 3, 4) и принимая число 144,000 въ буквальномъ смыслѣ, убѣждены, что когда секта ихъ будетъ простираться до этого числа, т. е. когда оскопленныхъ наберется

до 144,000 человѣкъ, тогда явится во славѣ своей Агнецъ Божій и тогда наступитъ окончательное ихъ торжество и вѣчное блаженство. Это заставляетъ скопцевъ употреблять всѣ усилія, чтобы таинственная цифра 144,000 какъ можно скорѣе осуществилась и тѣмъ ускорить вожделѣнное время ожидаемаго переворота.. Отсюда явленіе подкуповъ для поступленія въ скопчество, отсюда ведутъ начало и монастыри скопческіе... Не весела жизнь въ охтенскомъ домѣ, богадѣльнѣ богатаго мѣнялы, и красотою не отличаются женщины, помѣщенныя въ немъ. Изуродованнымъ, съ вырѣзаными грудями, съ выжжеными сосцами, лишеннымъ возможности быть когда-либо матерью, имъ остается одно, — распѣвать скопческую пѣснь:

Я спать лягу, мнѣ не хочется;
Животъ скорбью осыпается,
Уста *кровью запекаются*...
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется,
У родимаго побывать, побесѣдовать....

Скопцы называютъ такихъ жертвъ „бѣлыми монахинями". Въ число сихъ несчастныхъ поступила недавно и дочь знакомаго намъ крестьянина Іевлева. Самъ сѣдой мѣняла привезъ ее въ свой монастырь и ввелъ въ соборъ скопчихъ босыми ногами. Сестры приняли ее съ зажженными восковыми свѣчами, поклонились старцу фанатику до земли и пропѣли пѣснь: „елицы во Христа креститеся".

Своими руками заперевъ тяжелую калитку богадѣльни, фанатикъ, съ дикою радостію на желтомъ своемъ лицѣ, вышелъ за стѣны монастыря. Новая жертва увеличила собою желанное число 144,000. Чего же ему болѣе?

Такъ, для изувѣра, положившаго на себя печать физическаго уродства, нѣтъ ужъ болѣе возврата, нѣтъ раскаянія и примиренія съ человѣчествомъ, котораго онъ отвергся и которое его отвергаетъ! Ему ничего

не остается, кромѣ заблужденія; въ немъ заключается для него весь міръ, сосредоточивается все его бытіе. Въ такомъ состояніи единственное наслажденіе, какое доступно человѣку, есть сообщеніе другимъ собственнаго отверженія, пріумноженіе подобнымъ себѣ несчатливцевъ... Это тотъ же печальный законъ, свойственный отчаянію, по которому обреченные на смерть преступники тащатъ за собою на эшафотъ невинныхъ, чтобы страдать и умереть не однимъ... Въ нечеловѣческомъ поприаніи ближайшихъ узъ природы, естественно мѣсто злорадному чувству эгоизма, которое выражается поговоркою всѣхъ, окончательно сбившихся съ пути, всѣхъ погубившихъ себя безвозвратно: „нѣтъ мнѣ, не будь и тебѣ!...

X.

ПРОКЛЯТЫЙ

РАСКОЛЬНИЧІЙ СЫНОКЪ.

Въ городѣ В....ѣ С—кой губерніи, чрезъ который мы проѣзжали въ прошломъ году во время своихъ путешествій, только и говорили, что о „проклятомъ раскольничьемъ сынкѣ...“ Разсказы были такъ знаменательны, событіе такъ громко и крупно, что невольно останавливали на себѣ вниманіе всякаго путешественника. Дѣло въ томъ, какъ оказалось изъ нашихъ тщательныхъ изслѣдованій, что въ этомъ городѣ у милліонера фабриканта и раскольника П.....а единственный сынъ былъ подъ проклятіемъ, а за что — мы сейчасъ разскажемъ.

Въ городѣ В.....ѣ издавна, болѣе полутора столѣтія, гнѣздился темный расколъ, и во главѣ раскольниковъ стояли всегда милліонные торговые дома. Время, просвѣщеніе сдѣлали, наконецъ, свое дѣло.... и въ послѣднее время единственнымъ представителемъ темной раскольничьей догмы былъ домъ П....а, сдѣлавшійся убѣжищемъ бѣглыхъ поповъ, архіереевъ и пьяныхъ странниковъ и служекъ монастырскихъ раскольничьяго покроя... Хозяинъ дома, отецъ единственнаго дитяти — сына, пообтершійся уже раскольникъ, ходитъ въ короткихъ сюртукахъ, англійскихъ бѣлыхъ шелковыхъ шляпахъ, ѣздитъ часто въ Англію по торговымъ дѣламъ и, являясь въ общественныя собранія, даже въ клубы, половину бороды закладываетъ за галстухъ.... чтобы не было ужъ очень безобразно. Когда минуло сыну его 16 лѣтъ, то онъ взялъ къ нему, въ качествѣ домашняго учителя, одного бывшаго студента московскаго университета, уволеннаго со втораго курса за какія-то университетскія исторіи. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, пріютившись въ домѣ П....а и давно забывши о всякихъ исторіяхъ университетскихъ, гдѣ былъ невинною жертвою всеобщаго какого-то увлеченія, болѣе глупаго, чѣмъ разумнаго, учитель „раскольничьяго сынка“ взялся серьезно на досугѣ за науку и въ три года приготовился отлично на степень кандидата. Въ это время вмѣстѣ съ нимъ жилъ въ одной комнатѣ и развивался рука объ руку и хозяйскій сынокъ. Свѣтловъ, такъ звали учителя, занялся своимъ ученикомъ съ любовію и въ три года совершенно преобразовалъ весь его внутренній міръ... Мать „раскольничьяго сынка“ не чаяла души въ единственномъ дѣтищѣ своемъ и наслѣдникѣ 8 милліоновъ объявленнаго капитала. П....ъ велъ свои коммерческія и сектантскія дѣла, былъ часто въ разъѣздахъ, собиралъ деньги съ фабрикъ, гдѣ работали раскольники за полцѣны, и не подозрѣвалъ въ сынѣ своемъ будущаго себѣ врага...

Чрезъ три года ученія, Свѣтловъ, прочитавшій своему ученику все лучшее въ литературѣ, — причемъ пользовался мѣстною общественною, довольно хорошею, библіотекою, поступившею городу въ даръ отъ одного богатаго и просвѣщеннаго вельможи, служившаго при дворѣ, — поѣхалъ въ московскій университетъ и выдержалъ экзаменъ на степень кандидата. По случайному стеченію обстоятельствъ онъ получилъ должность штатнаго смотрителя въ городское училище города В....а и явился снова въ томъ городѣ, гдѣ три года жилъ въ домѣ П....а. Понятно, что связь его съ своимъ воспитанникомъ тотчасъ же возобновилась, и связь самая дружественная, умная, цивилизующая... Свѣтловъ занялся тотчасъ же преобразованіемъ общественной библіотеки, въ которой сдѣлался директоромъ, приведеніемъ въ порядокъ библіотеки училищной, и скоро сгрупировалъ вокругъ себя все лучшее и мыслящее общество города довольно богатаго и обширнаго. Въ городѣ В....ѣ хотя и уѣздномъ до 20,000 жителей. На „пятницахъ" Свѣтлова каждую недѣлю собирались всѣ, кто интересовался наукою, литературою, народнымъ образованіемъ, будущностію Россіи, такъ смѣло шедшею по пути преобразованій. Въ горячихъ разговорахъ собиравшіеся отзывались презрительно о фабрикахъ милліонера П....а, гдѣ эксплуатировался безсовѣстно народъ, потому только, что онъ былъ по расколу, по старой, значитъ, вѣрѣ.... и „раскольничій сынокъ", постоянный посѣтитель вечеровъ своего учителя, краснѣлъ всякій разъ до слезъ за своего отца. Прошло болѣе года по пріѣздѣ Свѣтлова въ городъ В....ъ въ качествѣ штатнаго смотрителя и директора библіотеки общественной. Раскольничьему сынку минуло ровно 21 годъ. Изъ него сформировался наконецъ благородный юноша съ довольно свѣтлымъ взглядомъ на вещи и горячимъ сердцемъ къ добру и правдѣ. Все жадно читаемое Свѣтловымъ въ журналахъ, газетахъ и новыхъ, постоянно выписываемыхъ книгахъ, столь же жадно прочитывалось потомъ и его питомцемъ.

Въ это время такъ называемая бѣглая австрійская іерархія раскольничья, купленная московскими раскольничьими тузами, охватила, точно пожаромъ, всю Россію... Бѣглые солдаты, спившіеся служки, выгнанные изъ сельскихъ обществъ за пьянство, бездомничество и воровство мужики понадѣвали на себя митры архіерейскія, ризы священническія и занялись этимъ милымъ промысломъ на славу... Все это безобразіе... хорошо постигъ „раскольничій сынокъ" и рѣшился, наконецъ, напомнить отцу о другой лучшей дорогѣ въ жизни. Къ одному большому годовому празднику П....нъ выписалъ изъ г. Хвалынска на свою фабрику бѣглаго архіерея съ бѣглыми попами. Началась всенощная. Шесть тысячъ фабричныхъ умиленно разсказывали о томъ, какъ ихъ хозяинъ *балуетъ* ихъ, выписывая имъ самаго архіерея на фабрику.... Какой, значитъ, имъ почетъ отъ хозяина идетъ! Чудаки не подозрѣвали того, что выписать бѣглаго архіерея для П....на стоитъ 100 р., а за эту штуку онъ получаетъ лишнихъ въ годъ съ фабричныхъ до 500,000 р. сер. Расчетъ вѣрный и ясный! Православному работнику фабричному нужно заплатить напр. 20 р. с. въ мѣсяцъ, а раскольнику довольно 10 р. ибо во первыхъ, для него архіереи *выписываются* на фабрику, во вторыхъ, ему лестно жить у главы секты, о коемъ говорятъ раскольники всей Россіи, въ третьихъ, на фабрикѣ существуетъ укрывательство и спокойное, безмятежное житье всѣхъ бѣжавшихъ отъ поисковъ становыхъ и исправниковъ. Помноживши 10 р. недоплаты на 12 мѣсяцевъ, выйдетъ 120 р., а помноживши 120 р. на 6000, т. е. количество рабочихъ, выйдетъ, что хозяину

остается 720,000 руб. сер. въ годъ только потому, что у него работаютъ раскольники и потому, что онъ самъ засчитается раскольникомъ, главою ихъ... И вотъ хозяинъ фабрики, П....нъ, снявши съ себя одежду англійскаго покроя и облекшись въ хламиду раскольничью, смиренно стоитъ впереди народа за богослуженіемъ. Бѣглый архіерей изъ спившихся служекъ Иргизскаго монастыря, Самарской губерніи, махаетъ обѣими руками, освѣщая народъ трикиріями.... Клиръ поетъ: „хвалите имя Господне...“ Вдругъ входитъ съ исправникомъ и мѣстною стражею сынъ хозяина въ фабричный корпусъ, обращенный на этотъ разъ въ моленную и, обратившись къ народу, говоритъ:

— Да, „хвалите имя Господне!“ за то, что я избавляю васъ отъ невѣждъ, безнравственныхъ плутовъ и мошенниковъ, играющихъ позорно въ религію!... Религіозное чувство прирождено человѣку не для того, чтобы обращать его въ орудіе публичнаго обмана, въ ремесло наживанія денегъ на счетъ слѣпотствующихъ Господинъ исправвикъ! я прошу васъ всѣхъ этихъ святокупцевъ связять и отправить куда слѣдуетъ. Чтобъ учить народъ, быть посредникомъ между Богомъ и народомъ, нужно быть избраннымъ сосудомъ нравственной чистоты и просвѣщеннаго ума.. Невѣжда же ничему не можетъ учить, кромѣ какъ невѣжеству же!.. Я самъ напишу завтра же донесеніе обо всемъ губернатору. Команда исправника начала вязать бѣглаго архіерея и таковыхъ же поповъ... Народъ пришелъ въ страхъ и смятеніе.

— Сограждане! вошедши на архіерейскую кафедру, съ которой стащили спившагося безграмотнаго монастырскаго служку, заговорилъ горячо юношескою пламенною рѣчью воспитанникъ Свѣтлова, — я являюсь предъ вами для того, чтобы раскрыть вамъ глаза, чтобы снять съ вашихъ глазъ повязку, которую надѣли на васъ плуты... Изъ васъ выжимаютъ потъ и кровь

коноводы раскола, васъ дурачитъ бѣгло-іерархическое стадо, купленное московскими тузами мошенниками, для набиванія своихъ кармановъ. Какъ ни плохо законное наше духовенство въ Россіи, но все-таки оно выше спившихся монастырскихъ служекъ и бѣглыхъ солдатъ! Богъ дастъ, придетъ время, и время это теперь уже настаетъ при начавшихся преобразованіяхъ въ пашемъ духовенствѣ, что и мы будемъ имѣть духовенство, равное духовенству Европы, но нельзя же этого достигнуть вдругъ. Россія моложе Европы, и потому естественно, что въ ней все еще слабѣе европейскаго. Но нельзя же изъ за этого обстоятельства обратить религію въ нравственный развратъ, въ торгашество бѣглыхъ плутовъ! Богъ вездѣ великъ и по какимъ бы книгамъ ни совершалось моленіе ему, раскольничьими или нераскольничьими, оно будетъ услышано имъ. Зачѣмъ же эти безобразія? Идите въ школы наши, учитесь, молитесь о просвѣщеніи вашего ума и сердца, будьте сами учеными, фабрикантами, владѣльцами кораблей, но не невѣждами и темною массою раскольничьею! Не будьте исповѣдниками той тупой и мертвой секты, которая 200 лѣтъ парализируетъ развитіе государства и надъ которою лишь смѣются въ Европѣ. Не я говорю вамъ эти слова, а говоритъ во мнѣ наука, свѣтъ умный... Васъ обманываютъ всѣ, васъ обманываетъ и мой отецъ...

— Замолчишь ли ты! вскричалъ отецъ юноши, — Кто далъ тебѣ право такъ говорить, и въ моемъ присутствіи?

— Честь Россіи и любовь къ народу! отвѣчалъ сынъ.

Отецъ бросился было въ бѣшенствѣ на сына, но исправникъ приказалъ его остановить. Стража окружила П....на.

— Я проклинаю тебя! вскричалъ въ изступленіи П....нъ, — какъ отецъ сына.

— Но не проклянетъ меня Богъ! отвѣчалъ сынъ. — Не проклянетъ мое отечество!..

На другой же день послѣ этого событія весь городъ В....ъ зналъ уже всѣ мельчайшія подробности катастрофы. У Свѣтлова, куда явился его питомецъ, всѣ обнимали „проклятаго раскольничьяго сына“ и цѣловали за его благородство и самоотверженіе. Свѣтловъ, глубоко растроганный, даже заплакалъ... цѣлуя своего воспитанника. Этимъ событіемъ интересовались даже всѣ дамы города, а скоро оно сдѣлалось извѣстнымъ и всей губерніи....

Чрезъ недѣлю П....нъ объявилъ сыну своему, что онъ независимо отъ „проклятія“ лишаетъ его всякаго наслѣдства, и 8 милліоновъ капитала своего записалъ въ этотъ же день по завѣщанію на богоугодныя дѣла... сдѣлавъ безотчотными душеприкащиками двухъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, которымъ внушилось, что подъ этими „богоугодными дѣлами“ они должны разумѣть пропаганду раскольничью...

— Я не дорожу наслѣдствомъ, безчестнымъ путемъ пріобрѣтеннымъ! сказалъ сынъ.

— Такъ я тебя выгоню вонъ изъ дома моего! вскричалъ П.... нъ.

— Охотно оставляю тотъ домъ, гдѣ тьма, обманъ и обираніе народа! отвѣчалъ сынъ.

Мать упала при этой сценѣ въ обморокъ и съ этого дня впала въ болѣзнь, близкую къ умопомѣшательству.

Чрезъ годъ, при путешествіяхъ своихъ по Россіи, намъ довелось проѣзжать чрезъ Ры — къ, извѣстный торговый городъ въ верховьяхъ Волги. Въ городѣ всѣ шумно говорили о „проклятомъ раскольничьемъ сынкѣ,“ сидѣвшемъ въ купеческой конторѣ Ж....ва за 75 р. сер. жалованья въ мѣсяцъ. Пріѣзжавшіе со всѣхъ концовъ Россіи въ Р—къ купцы наперерывъ являлись въ контору Ж.... ва, чтобы посмотрѣть только въ лицо сына извѣстнаго миллионера, единственнаго наслѣдника 8 милліоновъ и сидѣвшаго въ конторѣ, на позоръ отцу, за 75 р. сер. жалованья. Молодой юноша гордо сносилъ свое положеніе и не отступалъ отъ своихъ убѣжденій ни на шагъ. Переписка съ Свѣтловымъ была у него горяча! Свѣтловъ окрылялъ своего питомца письмами и призывалъ на него благословеніе Россіи.. Мать юноши терзалась проклятіемъ и разлукою съ горячо любимымъ сыномъ и съ каждымъ днемъ приближалась къ могилѣ... Доктора объявили П... ну, что единственное средство возвратить начавшій теряться разсудокъ его женѣ и спасти ее отъ приближающейся смерти, — это возвратить ей сына. П....нъ упорствовалъ.

Недольше какъ нынѣшняго 1869 года осенью, мы проѣздомъ, возвращаясь отъ Астраханскихъ молоканъ вверхъ по Волгѣ, заѣзжали въ г. В....ъ. И что же увидѣли? Благородный юноша, бывшій „проклятый раскольничій сынокъ,“ уже женатъ на дочери генерала Х....ва, сосѣда по имѣнію съ городомъ В....мъ. Отецъ его, выдержавъ годовую борьбу съ сыномъ и его матерью, наконецъ уступилъ. Пославъ письмо сыну своему, онъ просилъ его возвратиться въ кровъ отцовскій и спасти свою мать.... Юноша, обнявъ мать свою, возвратилъ ее къ жизни. Какъ герой, понятно, возвра-

тившійся сынъ сдѣлался баснею въ устахъ женскаго пола... Слухъ объ этой лестной баснѣ дошелъ и до ушей генеральской дочки Х.....вой. Свѣтлову, узнавшему объ этомъ, уже нетрудно было устроить свадьбу образованной, но не очень богатой дѣвушки, съ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ 8 милліоннаго состоянія.

Свѣтловъ въ благодарность за это сдѣланъ директоромъ фабрики П....на. Молодой сынъ, вступивъ въ завѣдываніе фабрикою, распустилъ изъ нея всѣхъ раскольниковъ по своимъ мѣстамъ, нанялъ рабочихъ на обыкновенныхъ правахъ честнаго хозяина, завелъ, по внушеніямъ Свѣтлова, школы на фабрикѣ, пріюты, богадѣльни...

И свѣтло на душѣ бываетъ у благороднаго юноши, когда онъ пріѣзжаетъ на фабрику съ умною, молодою, образованною и красавицею женою!. Какъ честно бьется его пульсъ въ крови при видѣ новой жизни... и новыхъ порядковъ на столѣтней фабрикѣ своего отца. Свѣтловъ, сопровождающій всегда молодую чету въ такихъ посѣщеніяхъ, предлагаетъ супругамъ неотступно реформу за реформою... Возвратившись съ фабрики молодые хозяева, сидя въ гостиной богатаго, отдѣланнаго мраморомъ, дома и поя чаемъ Свѣтлова, спрашиваютъ обыкновенно: „ну, Александръ Ивановичъ! позвольте ваши проекты къ подписанію“. И проекты подписываются.

Старикъ отецъ выговорилъ себѣ нѣсколько комнатъ въ домѣ и рѣшился прочесть побольше священныхъ книгъ, чтобы очистить свою совѣсть... Мать не надышится на сына и на умницу невѣстку... полученную не за деньги только, но по праву. А это куды какъ бываетъ рѣдко!

Если бы побольше разводилось на Руси такихъ благородныхъ юношей, какъ бывшій „проклятый раскольничій сынокъ“ и поменьше такихъ негодяевъ, какъ московскій „раскольничій племянничекъ“, описанный нами въ предшествующемъ очеркѣ!

